

Звезды
НОВОЙ
фэнтези

ДЖИМ БАТЧЕР

АРХИВЫ ДРЕЗДЕНА

МАЛЕНЬКОЕ ОДОЛЖЕНИЕ
ПРОДАЖНАЯ ШКУРА

Лучший образец городской фэнтези, соединивший в себе
эффектную магию и глубоко проработанный характер героя.

Publishers Weekly

Звезды новой фэнтези

Джим Батчер

**Архивы Дрездена: Маленькое
одолжение. Продажная шкура**

«Азбука-Аттикус»

2008, 2009

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Архивы Дрездена: Маленькое одолжение. Продажная шкура / Д. Батчер — «Азбука-Аттикус», 2008, 2009 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-21979-3

Его зовут Гарри Блэкстоун Копперфилд Дрезден. Можете колдовать с этим именем – за последствия он не отвечает. Когда дела принимают странный оборот, когда то, чему положено хорониться во мраке, выползает на свет, когда никто больше не может помочь вам, звоните... Кому? Ему, Гарри Дрездену. Имя его есть в «Желтых страницах»... Не задался в тот год Хеллоуин. Холод жуткий, Чикаго замело снегом. А тут еще бедный чародей Дрезден повстречал Мэб, повелительницу народа фэйри, и та напомнила Гарри, что с него должок и пора бы этот должок вернуть. Только как? Потому что задача, которую поставила Королева, напоминает известную поговорку «Пойди туда – не знаю куда, найди то – не знаю что» («Маленькое одолжение»). Если к вам поутру заявляется в дом едва живой, весь израненный человек и просит о помощи, конечно же, вы пошлете его подальше и вернетесь досматривать свой приятный утренний сон. Но не таков Гарри Копперфилд Дрезден. Несмотря даже на то, что этот заявившийся человек настолько нехорошая личность, что клейма некуда ставить. И выгоды с него никакой. Зато неприятностей, травм и прочего – этого выше крыши... («Продажная шкура»). Цикл романов о Гарри Дрездене занимает достойное место в одном ряду с таким известным образцом фэнтези-детектива, как сериал о приключениях Гаррета, вышедший из-под пера Глена Кука.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-21979-3

© Батчер Д., 2008, 2009
© Азбука-Аттикус, 2008, 2009

Содержание

Маленькое одолжение	7
Благодарности	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	51
Глава 10	56
Глава 11	60
Глава 12	67
Глава 13	73
Глава 14	79
Глава 15	85
Глава 16	94
Глава 17	100
Глава 18	105
Глава 19	111
Глава 20	117
Глава 21	121
Глава 22	126
Глава 23	129
Глава 24	134
Глава 25	139
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Джим Батчер
Архивы Дрездена: Маленькое
одолжение. Продажная шкура

АРХИВЫ
ДРЕЗДЕНА

ГРОЗА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

ЛУНА СВЕТИТ БЕЗУМЦАМ

МОГИЛА В ПОДАРОК

ЛЕТНИЙ РЫЦАРЬ

ЛИКИ СМЕРТИ

КРОВАВЫЕ РИТУАЛЫ

БАРАБАНЫ ЗОМБИ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ВИНЫ

БЕЛАЯ НОЧЬ

МАЛЕНЬКОЕ ОДОЛЖЕНИЕ

ПРОДАЖНАЯ ШКУРА

Jim Butcher

SMALL FAVOR

Copyright © 2008 by Jim Butcher

TURN COAT

Copyright © 2009 by Jim Butcher

Published by permission of the author and his literary agents, Donald Maass Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

© Н. К. Кудряшев, перевод, 2010, 2011

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Маленькое одолжение

Благодарности

Как водится, благодарности заслуживает целая уйма народа. В первую очередь это моя семья, которой приходится мириться с моим безумием во время приближения срока сдачи книги в печать. Кроме того, это мой агент Джени, которой приходится извиняться перед моим издателем, когда я запаздываю со сдачей романа; и мой издатель Энн – ей, в свою очередь, приходится извиняться за это перед своими боссами. А еще тест-группа «Beta Asylum», которой то и дело пугают моих детей. Психи, типа.

На этот раз я просто обязан добавить в список несколько новых лиц: местных и заходящих игроков в «НИРО-Центре», которым хватало терпения во время своих ролевых игр и прочего рукоприкладства не замечать меня, добивавшего в углу последние главы «Маленького одолжения».

Глава 1

Зима в том году наступила рано; я мог бы сообразить, что это неспроста.

Снежок, описав в воздухе дугу, угодил точнехонько в рот моей ученице. Поскольку она в данный момент нараспев бормотала заклинание в стиле мантры, у нее оказался полный рот мороженой благодати. Возможно, это потрясло ее сильнее, чем подавляющее большинство людей, окажись они на ее месте, – с учетом обилия внезапно вступившего в контакт со снегом пирсинга у девушки во рту.

Молли Карпентер фыркнула, отплеываясь от снега, и окружавшая ее детвора разразилась восторженным смехом. Высокая, светловолосая, крепко сложенная, в джинсах и теплой зимней куртке, Молли хорошо смотрелась на снегу, только нос и щеки покраснели чуть сильнее, чем обычно.

– Концентрация, Молли! – напомнил я, прилагая все усилия к тому, чтобы не засмеяться. – Не теряй концентрации! Еще раз!

Дети – ее младшие братья и сестры – немедленно принялись лепить новый боезапас. Еще недавно гладкое снежное покрытие на заднем дворе Карпентеров потеряло свою нетронутую первозданность, а по обе его стороны выросли на расстоянии десятка ярдов друг от друга две невысокие крепостные стены. Молли, поеживаясь, стояла аккуратно посередине и буравила меня недовольным взглядом.

– Не может быть таких тренировок, – произнесла она, выплюнув остаток снега. – Вы это нарочно делаете, чтобы надо мной издеваться, Гарри.

Я улыбнулся ей и взял снежок у маленькой Хоуп, явно назначившей себя моим оружием. Серьезно поблагодарив малышку, я несколько раз подбросил снежок на ладони.

– Ерунда, – отозвался я. – Очень полезное упражнение. Или ты хочешь перейти сразу к пулям?

Молли еще раз испепелила меня взглядом, потом сделала глубокий вдох, слегка опустила голову и подняла левую руку с растопыренными пальцами. Она снова забормотала что-то себе под нос, и я ощутил, как сгустились вокруг нее магические энергии, укрывая ее от надвигающегося града снежков невидимым барьером.

– Готовься! – крикнул я. – Целься!

Все присутствующие, включая меня, открыли огонь, не успев я договорить слово «целься», и на Молли обрушился новый залп. Кидали все – от старшего, семнадцатилетнего Дэниела, до младшего, Гарри, который и целиться-то еще не умел толком, зато снежки лепил такие, что едва мог оторвать от земли.

Снежки ударили в Моллин щит, и первые два разлетелись в пыль. Зато остальные провалили ее оборону, превратив ее на несколько секунд в небольшой, очень симпатичный сугроб. Маленький Гарри подбежал к ней, двумя руками сунул ей в живот свой снежок и торжествующе завопил.

– Огонь! – запоздало добавил я.

Молли плюхнулась задом в снег, отплеваясь еще немного и от души расхохоталась. Гарри и Хоуп полезли на нее, после чего занятие по оборонительной магии окончательно превратилось в обыкновенную кучу-малу, причем все ее участники пытались запихать как можно больше снега всем без разбора за шиворот. Я стоял, с ухмылкой глядя на это побоище, а спустя минуту рядом со мной остановилась их мать.

Молли во многом пошла в Черити Карпентер, в особенности цветом волос и сложением. Мы с Черити редко общаемся – вообще почти не общаемся, – но в этот вечер она вместе со мной улыбалась, глядя на своих детей.

– Добрый вечер, мистер Дрезден, – негромко произнесла она.

– Добрый вечер, Черити, – с улыбкой отозвался я. – Такое у вас часто происходит?

– В первый снегопад – почти всегда, – кивнула она. – Правда, обычно это случается позже, ближе к Рождеству, а не на Хеллоуин.

Я еще немного посмотрел на резвящуюся ребятню. Хотя Молли быстро выросла, при первой возможности она легко впадала в детство, и я относился к этому одобрительно.

Ощутив на себе необычно пристальный взгляд Черити, я оглянулся на нее, вопросительно изогнув бровь.

– Вы ведь не играли в снежки с родными? – тихо спросила она.

Я мотнул головой и повернулся обратно к детям.

– У меня и семьи не было, – ответил я. – В школе затевали иногда, но учителя не разрешали. И потом, чаще всего остальные просто использовали это как повод проявить агрессию, а не повеселиться. Есть все-таки разница.

Черити кивнула и тоже повернулась к детям.

– Дочь. Как у нее дела?

– Думаю, неплохо, – сказал я. – Правда, ее способности и близко не лежат в тех же областях, что и мои. Боевым чародеем, во всяком случае, ей не стать.

Черити нахмурилась.

– Почему вы так думаете? Считаете, она недостаточно сильна?

– Сила не имеет к этому ни малейшего отношения. Просто ее способности не слишком этому способствуют.

– Не понимаю.

– Она сильна по части всяких тонкостей. Всяких точных штучек. Ее умение управляться с тонкой, чувствительной магией уже вызывает у меня восхищение и продолжает расти. Но эта же чувствительность означает, что в реальном бою у нее могут возникнуть проблемы психологического характера. Да и справляться с физическими объектами ей тоже непросто.

– Вроде этих снежков? – спросила Черити.

– Снежки – удачный материал, – сказал я. – Не наносят ущерба ничему, кроме гордости.

Черити кивнула, хмурясь.

– Но вы ведь не на снежках учились?

Не могу сказать, чтобы воспоминания о моем первом уроке оборонительной магии от Джастина Дю Морне относились к моим самым любимым.

– На бейсбольных мячах.

– Боже милосердный, – покачала головой Черити. – Сколько вам тогда было?

– Тринадцать. – Я пожал плечами. – Боль хорошо стимулирует. Я быстро выучился.

– Но мою дочь вы этим способом учить не хотите, – заметила Черити.

– К чему спешить?

Восторженный гомон детей смолк, сменившись шепотом, и я подмигнул Черити. Она перевела взгляд с детей на меня и снова улыбнулась.

– Давай! – выкрикнула Молли, и град снежков обрушился на меня.

Я поднял левую руку и выстроил щит в виде широкого плоского диска. Пули таким не остановить, да и бейсбольные мячи тоже, но для снежков такой в самый раз. Один за другим разбивались они о защитное поле, оставляя на невидимом щите только бледно-голубые вспышки.

Если детей это и огорчило, смеялись они от этого не меньше.

– Ха! – вскричал я и торжествующе вскинул кулак.

И тут стоявшая за моей спиной Черити сунула мне за шиворот плаща две пригоршни снега.

Я взвыл, когда ледяной холод обжег мне позвоночник, и заплясал на месте, пытаюсь вытрясти его из-под одежды. Дети отозвались на это новым взрывом восторга, принялись швырять снежки во что попало.

Во всем этом шуме и возбуждении я не сообразил, что на нас напали, пока не погасли огни.

Весь квартал погрузился в темноту. Лампы, освещавшие двор Карпентеров, свет во всех окрестных домах и уличные фонари – все разом погасло. Только неверный призрачный свет отражался от снега, разом удлинив все тени в несколько раз. В нос ударила вонь – что-то среднее между скунсовой струей и бочкой тухлых яиц.

Я рывком выхватил из висевшего под плащом чехла свой жезл.

– В дом их, быстро! – бросил я Черити.

– Тревога! – объявила Черити гораздо более спокойным голосом, чем это удалось бы мне. – Все в убежище, как на тренировке.

Дети едва успели тронуться с места, когда из снега вынырнуло трое тварей, каких я не видел еще ни разу. Впрыск адреналина в кровь будто замедлил время, и мне казалось, у меня есть целых полчаса на то, чтобы их рассмотреть.

Роста они были не слишком высокого, футов пяти с полтиной, но мускулистые, с длинным белым мехом. Головы у них сошли бы за козлиные или бараньи, только рога не круглились назад, а изгибались вперед на манер бычьих. Ноги с копытцами забавно топырились коленками назад, и перемещались они не бегом, а серией скачков. Но ускорение они набирали покруче баскетболистов из «Чикаго буллз», из чего следовало, что я имею дело с обладателями сверхъестественной силы.

Впрочем, если подумать, я не припомню, когда в последний раз имел дело с кем-либо, у кого этой сверхъестественной силы не имелось бы, – вот вам обратная сторона нашего чародейского ремесла. Разумеется, некоторые твари сильнее других, но моему многострадальному котелку в общем-то все равно, может ли какой-нибудь паранормальный мордоворот плющить локомотивы или просто холодильниками швыряется.

Я нацелил свой жезл в скакавшего первым неведомо-кого, но тут краем глаза увидел, как откуда-то сверху свалился и с мягким стуком разбился о землю у самых моих ног большой ком снега.

Я нырком кинулся вперед, перекатился через плечо и вскочил на ноги уже в стороне от этого места – как раз вовремя, чтобы четвертый неведомо-кто, ненароком стряхнувший с ветки снег, не спрыгнул прямо мне на спину с домика на дереве, который построил для детей Майкл. Тот хлопнулся в снег и испустил шипящий, клокочущий рык.

Я не стал тратить на этого подлого гада лишнего времени. Вскинув жезл, чей наконечник загорелся алым, я выкрикнул:

– Fuego!

Огненная струя толщиной в руку сорвалась с конца моего жезла и хорошенько поджарила верхнюю часть туловища этой твари. Та часть огня, что промахнулась мимо цели, расплавилась снег вокруг него – и, судя по виду причиндалов, болтавшихся у неведомо-кого между ног, струя пара доставила ему не меньше острых ощущений, чем сам огонь.

Неведомо-кто полетел на землю, и мне оставалось только надеяться, что он недостаточно хитер, чтобы притворяться: младшие Карпентеры кричали у меня за спиной.

Я резко развернулся, вскинув жезл, но выстрелить не смог из боязни задеть своих. Одна из этих белошерстных тварей гналась за Дэниелом, старшим из Моллиных братьев. Тот уже начал выдыхаться: бежал он, таща за шиворот маленького Гарри и Хоуп, двоих младших.

Он добежал до двери, когда от твари его отделяло меньше десяти футов. Неведомо-кто опустил рогатую башку, готовясь к атаке. Дэниел ворвался в дом и пяткой, не сбавляя хода, захлопнул за собой дверь. Тварь с разбега врезалась в нее рогами.

Я как-то не обращал внимания на то, что Майкл поставил у себя стальные, облицованные деревом двери, такие же, как у меня. Обычную, деревянную дверь эта тварь, должно быть, разнесла бы в пыль. В железной она только оставила рогами вмятину глубиной в добрый фут.

И тут же, испустив полный боли вопль, отпрянула назад. От рогов повалил густой дым, и она панически заколотила по ним передними лапами – или, скорее, трехпальными руками. На свете не так много тварей, реагирующих на железо подобным образом.

Оставшиеся два неведомо-кого тем временем разделились. Один неся за Черити – та схватила маленькую Аманду и со всех ног бежала к мастерской, в которую Майкл переоборудовал стоявший отдельно гараж. Другой преследовал Молли, гнавшую перед собой Алисию и Мэттью.

У меня не оставалось времени на то, чтобы помочь обеим группам, а тем более на размышления, кому помогать в первую очередь.

Я повернул жезл в сторону твари, догонявшей Черити, и по возможности постарался уменьшить диаметр огненной струи. Разряд угодил неведомо-кому в поясницу и сбил его с копыт. Он отлетел в сторону и грянулся о стену мастерской, что позволило Черити с дочерью проскользнуть в дверь.

Я повернулся ко второй твари, но еще в движении понял, что не успею. Опустив рога, тварь догнала Молли с близнецами прежде, чем я успел прицелиться.

– Молли! – заорал я.

Моя ученица схватила Алисию и Мэттью за руки, выдохнула одно-единственное слово, и все трое исчезли.

Неведомо-кто пронесся по тому месту, где они только что находились, и что-то, чего я не видел, подставило ему подножку, от которой тот хоть и не полетел кувырком, но упал на четвереньки. Он крутанулся на месте, взвихрив снег, и я испытал неожиданный приступ восторженной гордости за свою ученицу. Может, Кузнечик и не научилась еще выстраивать мало-мальски приличный щит, но по сравнению с ее завесами другие казались прямо-таки старомодными, и самообладания и концентрации она в этой критической ситуации тоже не потеряла.

Тварь затормозила, покрутила башкой и увидела удлиняющуюся на глазах цепочку следов на снегу. Она испустила еще один дикий, неземной какой-то вопль и ринулась вдогонку, и я не осмелился разить ее огнем – во всяком случае, пока на линии огня находился дом Карпентеров. Поэтому я вскинул правую руку и разрядил в неведомо-кого энергию одного из моих заряженных колец.

Невидимый вихрь ударил его под колени с такой силой, что он опрокинулся навзничь, хорошо приложившись о землю своим то ли бараньим, то ли козлиным затылком. Следы на снегу тем временем устремились вокруг дома, к парадному входу – Молли наверняка сообразила, что открыть погнутую стальную дверь трудно, если не невозможно. На меня снова накатил волна гордости...

...которая быстро схлынула, когда неведомо-кто, все это время притворявшийся убитым за моей спиной, с силой паровоза, топившегося серой и тухлыми яйцами, врезался мне в поясницу.

Рога у него оказались острее некуда, и больно было просто чертовски, но заговоренный длинный черный кожаный плащ сдержал удар, не позволив пропороть меня насквозь. Тем не менее удар выбил из меня дух и швырнул лицом в снег. На секунду все смешалось, а когда я вновь обрел способность соображать, эта тварь уже вцепилась когтями мне в загривок. Я сгорбил плечи, защищая шею, и перекатился на спину, незамедлительно получив раздвоенным копытом по носу, от чего мгновенно разгорелась новая боль, а в глазах вспыхнули и завертелись разноцветные звезды.

Я попытался увернуться, но голова еще шла кругом, и этот неведомо-кто все равно оставался быстрее меня.

Черити выскочила из мастерской, держа в левой руке тяжелый молоток, а в правой – здоровенный строительный пистолет.

Не добегая до нас десятка футов, она вскинула пистолет и несколько раз нажала на спусковой крючок. Захлопали выстрелы, и, вторя им, уже изрядно поджаренный неведомо-кто завопил от боли. Он взвился в воздух, отчаянно дергаясь на лету, и рухнул в снег, продолжая биться и размахивать конечностями. В спине его поблескивали шляпки строительных дюбелей, из-под которых уже начинал валить зеленый дым.

Он сделал еще попытку встать и сбежать, но я сделал ему подсечку. Черити с резким криком взмахнула молотком и раскроила неведомо-кому череп. Брызги серого мозга смешались с огнем зеленовато-белого цвета, и чудище, дернувшись еще раз, застыло, только зеленое пламя продолжало медленно, но верно пожирать его тело.

Я поднялся, держа наготове жезл, и обнаружил, что оставшиеся твари ранены, но подвижность сохранили, и их желтые глаза с прямоугольными зрачками горят голодной ненавистью.

Я сунул жезл обратно в чехол и вооружился железной лопатой для уборки снега, лежавшей возле одной из крепостных стен. Черити подняла свой пистолет, и мы двинулись в атаку.

Кем бы ни были эти твари, для поединка с вооруженными железом смертными у них явно оказалась кишка тонка. Они разом дернулись как от удара током, повернулись и бросились наутек, растворившись в ночи.

Я стоял, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Каждые несколько выдохов мне приходилось выплевывать кровь. К носу, казалось, кто-то прилепил суперклеем пару раскаленных углей. Шею жгло паутиной серебряных нитей, а поясница, похоже, превратилась в один сплошной синяк.

– Вы целы? – спросила Черити.

– Фэйри, – пробормотал я. – Ну почему обязательно фэйри?

Глава 2

– Похоже, сломан, – сообщила Черити.

– Бы дак дубаете? – спросил я.

Легкое прикосновение ее пальцев к моему шнобелю я не назвал бы приятным, но на протяжении осмотра я не дернулся и не издал никаких задевающих мою мужскую гордость звуков. Мы, парни, такие.

– По крайней мере, он на месте, – заметил Майкл, стряхивая с ботинок снег. – Ощущения, когда его вправляют, из самых незабываемых.

– Нашди чего-нибудь? – спросил я его.

Он кивнул и поставил ножны со своим тяжелым мечом в угол. Майкл всего на пару дюймов ниже меня, но на порядок мускулистее. Волосы и короткая борода у него темные, с серебристыми искорками седины, и одевается он в синие джинсы, рабочие ботинки и бело-синюю фланелевую рубаху.

– Труп так и лежит. Сильно обгорел, но не распался на эктоплазму.

– Угу, – кивнул я, стараясь говорить не в нос. – Фэйри не целиком принадлежат миру духов. Их трупы материальны.

Майкл хмыкнул:

– Кроме трупа, остались еще следы, но и только. Непохоже, чтобы эти козлоподобные твари ошивались где-нибудь поблизости. – Он покосился в сторону столовой, где младшее поколение Карпентеров возбужденно обсуждало произошедшее, набив рты пиццей – именно за ней уезжал их отец, когда случилось нападение. – Соседи решили, что световые эффекты вызвал сгоревший трансформатор.

– Не самое плохое объяснение, – кивнул я.

– Слава Богу, что никто не пострадал, – сказал он. Собственно, для него это были не просто слова. Если кто не знает, Майкл – убежденный католик, к тому же в рукоять его меча заделан один из гвоздей Распятия. Он повел плечами и улыбнулся мне. – И конечно, вам спасибо, Гарри.

– Спасибо Дэниелу, Молли и Черити, – сказал я. – Я только отвлекал наших посетителей. Ваша семья вывела всех младших в безопасные места. А Черити еще хорошо поработала молотком.

Майкл удивленно поднял брови и посмотрел на жену:

– Неужели?

Щеки у Черити порозовели. Она торопливо собрала со стола вату и бинты со следами моей крови и вынесла их в гостиную, чтобы сжечь в камине. В моем ремесле крайне нежелательно оставлять кровь, волосы или обрезки ногтей там, где их может найти кто угодно. Пока она выходила, я вкратце изложил Майклу ход боя.

– Мой строительный пистолет? – с улыбкой спросил он, когда Черити вернулась на кухню. – Как ты догадалась, что это фэйри?

– Я не догадывалась, – призналась она. – Просто схватила то, что под руку подвернулось.

– Нам повезло, – заметил я.

Майкл приподнял бровь, глядя на меня.

Я нахмурился.

– Добро не обязательно происходит только в результате Божественного вмешательства, – сказал я.

– Верно, – согласился Майкл. – Но я предпочитаю относить это на Его счет, пока у меня не появится убедительного повода полагать иначе. Так, во всяком случае, вежливо.

Черити подошла и встала рядом с мужем. И хотя оба улыбались и, вспоминая нападение, говорили о нем легко, я-то видел, как крепко они сжимали пальцы друг друга, и взгляд Черити то и дело скользил по детям, будто удостовераясь, все ли на месте и в безопасности.

Я вдруг ощутил себя незванным гостем.

– Ладно, – заявил я, вставая. – Похоже, у меня теперь новая тема для размышления.

Майкл кивнул:

– Вы знаете возможные поводы этого нападения?

– Вот об этом я как раз и хотел поразмышлять, – ответил я и, морщась от боли, надел плащ. – Думаю, они охотились за мной. Нападение на детей – отвлекающий маневр, попытка занять меня, чтобы дать возможность тому, что сидел на дереве, напасть на меня со спины.

– Вы в этом уверены? – тихо спросила Черити.

– Нет, – признался я. – Вполне возможно, они затаили обиду после той истории в Арктис-Торе.

Глаза Черити сузились и сделались угрожающе стальными. Арктис-Тор – это столица Зимней династии, цитадель и святая святых самой Королевы Мэб. Какие-то злобные типы из Зимних похитили Молли, и нам с Черити – не без помощи друзей, конечно, – пришлось брать эту цитадель штурмом и силой отбивать Молли. Все это мероприятие вышло хлопотным, а главное – чертовски шумным, что не могло не разозлить целый народ злобных фэйри.

– Держите на всякий случай ухо остро, – посоветовал я ей. – И передайте Молли: я бы хотел, чтобы она осталась тут на некоторое время.

Майкл заломил бровь:

– Думаете, она нуждается в нашей защите?

– Нет. – Я мотнул головой. – Я думаю, это вы нуждаетесь в ее.

Майкл уставился на меня. Черити нахмурилась, но спорить со мной не стала.

Я кивнул им и вышел. Молли в последнее время не восставала против того, что я ей говорил, однако это не означало, что она со всем согласна и все понимает.

Я закрыл за собой дверь дома Карпентеров, разом отрубив запах горячей пиццы и шум возбужденных детских голосов.

Стоял тихий ноябрьский вечер. Очень тихий. И очень холодный.

Я с трудом удержался от того, чтобы не поежиться, и поспешил к своей машине, выдавшему виды «фольксвагену-жуку», который в молодости имел светло-голубой цвет, но со временем превратился в разноцветную палитру. За последний год к ней добавился еще и серый цвет, поскольку другой крышки капота у моего механика не нашлось. Какой-то анонимный шутник, явно насмотревшийся диснеевских мультиков, намалевал краской из баллончика на серой крышке кружок с цифрой «53», но, вообще-то, машину звали «Голубой жучок», и я не собирался ее переименовывать.

С минуту я посидел, не трогаясь с места и глядя на теплый золотистый свет, струившийся из окон дома.

Потом завел «жучок» и поехал домой.

Глава 3

– Ты совершенно уверен, что это были фэйри? – спросил Боб-череп.

Я насупился:

– Много ли ты знаешь существ, у которых плоть при соприкосновении с железом и сталью воспламеняется? И потом, Боб, мне кажется, я как-нибудь распознаю фэйри на расстоянии, с которого этот гад может сломать мне нос.

Я сидел у себя в лаборатории. Попасть в нее можно только через люк в полу моей расположенной в полуподвале гостиной, по складной деревянной стремянке. Лаборатория представляет собой бетонное помещение, в котором постоянно прохладно, чтобы не сказать холодно. Летом это хорошо. А зимой не очень, но я справляюсь.

Обстановку лаборатории составляют большой деревянный стол в центре помещения и окружающие его с трех сторон столы и скамьи поменьше. Свободного места они оставляют ровно столько, чтобы обойти вокруг большого стола. Все они сплошь заставлены и завалены необходимыми для нашего ремесла предметами, а все стены я увешал проволоочными полками, которые можно задешево купить в «Уолмарте», и это добавило места для хранения, которого всегда не хватает. Полки заставлены самыми разнообразными емкостями, от маленького свинцового контейнера до полиэтиленовых пакетов, жестянок из-под леденцов или кожаного кисета, сделанного из – я не шучу – гениталий настоящего берберийского льва.

Мне его подарили. Не спрашивайте кто.

Помещение освещалось свечами, и блики огоньков играли на миниатюрных оловянных зданиях на большом столе – масштабной модели центральной части Чикаго. Еще я выкроил немного места, чтобы поставить письменный стол для Молли – должен признать, ее тетради и медленно, но верно растущий набор оборудования хранятся, несмотря на тесноту, в идеальном порядке.

– Что ж, похоже, кто-то продолжает настраивать против тебя Арктис-Тор, – сообщил Боб. Череп, в глазницах которого горели оранжевые огоньки, обитал на собственной полке – единственной, не забитой еще до отказа. Собственно, она вообще оставалась почти пустой, если не считать с полдюжины бульварных любовных романов в потрепанных бумажных обложках. Еще один свалился с полки и лежал на полу, как раз на заделанном в цементный пол серебряном кольце, которое служило мне магическим кругом. – Фэйри никогда не забывают обид, босс.

Тряхнув головой, я подобрал упавшую книгу и вернул ее на полку.

– Тебе не приходилось слышать о ком-нибудь вроде этих ребят?

– Мои познания о фэйри ограничены почти исключительно Зимними, – ответил Боб. – Те ребята, о которых ты говоришь, не напоминают никого из тех, с кем доводилось мне сталкиваться.

– Тогда с какой стати им участвовать в борьбе между мною и Арктис-Тором, а, Боб? – поинтересовался я. – Черт подери, да это даже не мы первые напали на столицу Зимних. Мы просто зашли туда уже после боя... и помахались немного с парнями, похитившими Молли.

– Может, их нанял кто-нибудь из Зимних сидхе. Это может быть кто-то из Диких. Ты ведь знаешь, у Диких разновидностей больше, чем у кого-либо другого. Возможно, это сатиры. – Огоньки в глазницах у черепа разгорелись ярче. – Слушай, а ты нимф там не видел? По логике вещей, где сатиры, там и нимфы – одна-две наверняка поблизости должны ошиваться.

– Нет, Боб.

– Ты уверен? Такие нагие девицы, убийственно хорошенькие, достаточно взрослые, чтобы уметь кое-чего, но достаточно юные, чтобы их это не заботило.

– Если бы я таких увидел, наверняка запомнил бы, – заметил я.

– Тыфу, – расстроился Боб, и огоньки у него в глазницах снова померкли. – Вечно у тебя все через задницу, Гарри.

Я помассировал рукой шею. От этого боль не стала меньше, но движение помогло мне хоть как-то занять руки.

– Кажется, я все-таки видел когда-то этих козлоподобных тварей, – сообщил я, – или читал о них. А может, о ком-то похожем. Куда там я сунул записи о ближних областях Небы-валыщины?

– Северная стена, зеленая пластиковая корзина под верстаком, – с готовностью отозвался Боб.

– Спасибо, – кивнул я и вытащил из указанного места тяжелую пластиковую корзину вроде тех, что выдают на входе в супермаркет.

Она была доверху наполнена книгами, по большей части рукописными, в кожаных переплетах, посвященными различным сверхъестественным явлениям. Кроме одной, которая представляла собой подшивку комиксов «Кельвин и Хоббс»; ума не приложу, как она туда попала.

Я выбрал несколько книг и положил их на ту часть стола, которая обозначала озеро Мичиган. Потом придвинул стул и принялся листать их.

– Как прошла поездка в Даллас? – поинтересовался Боб.

– Хм? А, хорошо, хорошо. Там одного преследовал Черный Пес. – Я бросил взгляд на висевшую на стене под полкой Боба карту Соединенных Штатов. Потом почти машинально выдернул из пробковой доски зеленую кнопку и воткнул ее в кружок, обозначавший Даллас, штат Техас, добавив ее к дюжине других зеленых и двум-трем красным, обозначавшим ложные тревоги кнопкам. – Со мной связались через Паранет, и я научил их, как заставить этого Фидо унести лапы из города.

– Эта сеть, что вы организовали с Элейн, действительно толковая штука, – заметил Боб. – Пескарям надо учиться действовать сообща, когда их желает слопать щука.

– Я предпочитаю думать об этом как об обучении воробьев давать отпор ястребам, – заявил я, возвращаясь на место.

– Так или иначе, это означает уменьшение размеров угрозы и – в перспективе – меньше работы для тебя. Конструктивная трусость. Очень изобретательно. Уважаю. – Голос его стал задумчивым. – Говорят, в Далласе лучшие стрип-клубы в мире, Гарри.

Я как можно суровее посмотрел на Боба.

– Если ты не собираешься мне помогать, по крайней мере хоть не мешай.

– О! – спохватился Боб. – Заметано.

Книга, которую я поднял с пола, шевельнулась и сама собой открылась на первой странице. Череп повернулся в сторону книги, и оранжевый свет из его глазниц принялся скользить по строкам.

Я пробежал по диагонали один старинный текст. Затем другой. Затем третий. Адские погребушки, я точно помнил, что в одном из них встречался с чем-то подобным.

– Сорвать с нее платье! – заорал Боб.

Видите ли, Боб-череп относится к дешевым бульварным романам очень серьезно. Следующая страница перевернулась с такой скоростью, что слегка порвалась. Боб обращается с книгами даже еще более жестоко, чем я.

– Ну вот, я же говорил! – продолжал орать Боб, перевернув еще несколько страниц.

– Они не могли быть сатирами, – пробормотал я вслух, пытаюсь не сбиться с мысли. Нос распух и дико болел, да и шея тоже давала о себе знать. Боль такого рода быстро изматывает, даже если вы чародей, осваивавший основы оборонительной магии под градом бейсбольных мячей. – У сатиров человеческие лица. А у этих тварей – козлиные. Или бараны.

– Козлы-оборотни? – предположил Боб, не отрываясь от чтения. Боб – дух интеллекта, так что умеет заниматься одновременно несколькими делами лучше, чем, скажем, почти кто угодно. – Или, возможно, козлоиды.

Я оторвался от чтения и подозрительно покосился на Боба.

– Что-то мне не верится, чтобы я раньше слышал это слово.

– Какое? – невинно удивился Боб. – «Козлоиды»?

– Козлоиды. Я глубоко убежден, что моя жизнь была бы полна и интересна и без этого слова или порождаемых им ассоциаций.

– Звезды и камни, – фыркнул Боб. – И легкий же у тебя характер, Гарри.

– Козлоиды, – буркнул я и продолжил поиски.

Перелистав пятую книгу, я наведалься к корзине за новой партией. Боб оживленно комментировал свой роман, встречая одобрительными воплями каждую новую постельную сцену и с насмешками пролистывая все остальное, словно проматывал порнофильм.

Будь я проницательнее, это наверняка сказало бы мне много ценного о характере Боба. В конце концов, Боб – духовное существо, созданное единственно энергией мысли. Персонажи книги, которую он читал, если подумать, в некотором роде мало чем отличались от него: визуального образа они не имели, равно как и физических тел. Собственно, помимо графических знаков на бумаге, они существовали лишь в голове у читателя, формируясь в ней в меру таланта автора и читательского воображения. А значит, автор и читатель выступали, образно выражаясь, родителями визуализированных персонажей.

Может быть, читая свои книжки и представляя излагаемые в них события, Боб ощущал в этих бестелесных персонажах... Родственные души? Своих братьев и сестер? Сверстников? Или детей? И вообще, может ли существо вроде Боба развить в себе некую потребность в семье? А почему бы и нет? Это могло бы объяснить его неизменное восхищение тем, как придуманные персонажи живут на страницах почти материальной, плотской жизнью.

С другой стороны, эти придуманные персонажи могли выполнять для него ту же функцию, что для некоторых мужчин надувные женщины. В общем, знать это точно мне бы не хотелось.

Хорошо, что я не слишком проницателен.

Нападавших на нас тварей я обнаружил в середине восьмой книги – описание и рисунки.

– Черт меня побери, – пробормотал я, выпрямляясь.

– Что, нашел? – поинтересовался Боб.

– Угу, – сказал я и поднял книгу так, чтобы он мог видеть рисунок. Тот, по крайней мере, больше соответствовал оригиналу, чем большая часть полицейских фотороботов. – Если верить книге, я подвергся нападению бебек.

Книжка, которую читал Боб, сама собой закрылась. Боб издал странный, захлебывающийся звук.

– Эм... Мне не послышалось, ты сказал «бебеки»?

Я нахмурился, и он захихикал, лязгая челюстью о деревянную полку.

– Бебеки? – повторил он еще раз, давясь от смеха. – И мебеки?

– А что? – оскорбленно спросил я.

– Это прямо как в детском стишке. – Боб затрясся от хохота. – Можно сказать, тебя только что напугали карандашной надписью. Герои детского стишка.

– Что-то я не понял, кто и когда меня пугал, – буркнул я.

Боб едва не задыхался от хохота; с учетом того, что легких у него нет по определению, это впечатляло.

– Это все потому, что ты себя не видишь, – с трудом выдавил из себя он. – Нос у тебя распух, под глазами по фингалу. Больше всего ты сейчас напоминаешь енота. Напуганного к тому же.

– Ты не видел этих гадов в деле, – возразил я. – Сильные и весьма хитрые. И их было четверо.

– Тебя послушать, так это прямо Четверо Всадников, – хмыкнул Боб. – Только с собственными копытами!

Я нахмурился еще сильнее.

– Ладно, ладно, – сказал я. – Рад, что мне удалось тебя развлечь.

– Ох, не могу! – не унимался Боб. – Ох, спасите-помогите! Это четверо барашков! С карандашиками!

Я испепелил его взглядом:

– Ты упускаешь главное, Боб.

– Нет, этого просто не может быть, – хихикнул он. – Готов поспорить, все Зимние сидхе просто животики надрывают.

– Готов поспорить, что нет, – возразил я. – Я как раз об этом. Бебеки работают на Летних. Они входят в воинство Королевы Титании.

Боб разом перестал смеяться.

– Ой.

Я кивнул:

– После той истории в Арктис-Торе я бы мог понять, если бы на меня охотился кто-нибудь из Зимних. Но от Летних я ничего такого не ожидал.

– А разве не ты, – напомнил мне Боб, – можно сказать, почти что своими руками убил дочь Титании? Тысяча колото-резаных ран...

Я хмыкнул и кивнул.

– Угу. Но почему сейчас? Она могла послать убийц еще пару лет назад.

– Это не кто-нибудь, а фэйри, – сказал Боб. – Логика не входит в число их сильных сторон.

– Жизнь могла бы быть и проще, – вздохнул я и задумчиво побарабанил пальцами по книге. – Нет, тут что-то еще, нутром чую.

– Как высоко они находятся в иерархии Летних? – спросил Боб.

– Не на последнем месте, – ответил я. – У них репутация убийц троллей. Наверное, отсюда и детский стишок. Только в стишке бебека забодал медведя.

– Убийцы троллей... – задумчиво пробормотал Боб. – Троллей... Вроде тех, из личной охраны Королевы Мэб, которые валялись тогда, растерзанные, по всему Арктис-Тору?

– Именно так, – подтвердил я. – Но то, что я сделал тогда, взбеленило Зимних, а не Летних.

– Меня всегда восхищали твои способности по части взбеленить кого угодно.

Я мотнул головой:

– Нет. Должно быть, я сделал там что-то такое, что задело и Летних. – Я нахмурился. – Или помогло Зимним. Скажи, Боб, известно ли тебе...

Зазвонил телефон. После того как Молли едва не сломала шею, упав со стремянки, когда спешила ответить на звонок, я провел провод в лабораторию и подключил к нему второй аппарат. Старые ходики на полке утверждали, что времени уже далеко за полночь. Так поздно мне не звонят, если только не случилось какой-нибудь настоящей пакости.

– Напомни мне, что я собирался спросить, – бросил я Бобу и снял трубку.

– Это я, – сказала Мёрфи, даже не поздоровавшись. – Ты мне нужен.

– Очень тронут, – хмыкнул я. – Наконец-то признание. Романтическая музыка за кадром.

– Я серьезно, – сказала она.

Что-то в ее голосе подсказало мне, что ей действительно не до шуток.

– Куда? – спросил я.

Она продиктовала адрес и положила трубку.

Последнее время меня реже приглашают консультировать чикагскую полицию, а частые поездки в другие города по делам, связанным с обязанностями Стража, и вовсе почти не оставляют мне времени на сыскную работу. Жалованье Стража Белого Совета чародеев помогает мне избежать банкротства, но мой банковский счет все же понизился до той критической отметки, когда поневоле думаешь дважды, а то и трижды, прежде чем подписать очередной чек.

Лишний заработок мне очень даже не помешал бы.

– Это Мёрфи, – сообщил я Бобу. – Звонила по делу.

– В такой час по-другому и быть не могло, – согласился Боб. – Ты там смотри осторожнее, босс.

– Ты чего это вдруг такой внимательный? – удивился я, застегивая мой заговоренный кожаный плащ.

– Не знаю, хорошо ли ты знаком с детскими стишками, – сказал Боб, – но в той, про барашка, он здорово напугал всю звериную братию.

– Угу, – кивнул я. – Только в стишке он один, а здесь их было четверо.

Я задул свечи, поднялся из подвала и отправился на встречу с Мёрфи.

Бебеки. Господи Иисусе.

Глава 4

Я стоял в толпе зевак, глядя вместе со всеми на пожар, когда один из дежурных копов привел ко мне Мёрфи.

– Почти не опоздал, – заметила она.

Голос ее звучал напряженно. Она приподняла полицейскую ленту и поманила меня за собой. Я уже нацепил на лацкан плаща свой маленький ламинированный бейджик консультанта.

– Чего так долго?

– Если ты не заметила, снега выпало с добрый фут, и он продолжает идти, – отозвался я.

Она покосилась на меня. Ростом Кэррин Мёрфи от горшка два вершка, а в куртке с меховым капюшоном она казалась и того меньше. Большие пухлые снежинки ложились на ее золотые волосы и поблескивали на ресницах, из-за чего голубые глаза ее казались ледяными.

– Твоя игрушечная машинка забуксовала, да? Что у тебя с лицом?

Я оглянулся на окружающих меня нормальных людей.

– В снежки играл.

– Готова поспорить, продул, – хмыкнула Мёрфи.

– Видела бы ты соперника.

Мы стояли перед небольшим пятиэтажным зданием – точнее, развалинами, оставшимися после того, как что-то разнесло строение к чертовой матери.

Взрыв или нечто аналогичное по разрушительной силе снесли с дома уличный фасад, словно кто-то отсек его невообразимо огромным топором. При желании можно было заглянуть в квартиры; правда, дым и снегопад мешали это сделать. Дом продолжал гореть. Обломки фасада усыпали проезжую часть и тротуары, повредив даже дома на противоположной стороне улицы, так что полиции пришлось перекрыть движение на квартал в обе стороны от места происшествия. Повсюду валялись битое стекло и обломки кирпича. В воздухе стоял едкий запах гари.

Несмотря на погоду, поглазеть на пожар собралось сотни две людей. Какая-то предприимчивая душа предлагала желающим горячий кофе из большого термоса, и я оторвал от сердца доллар за пластиковую чашку благословенного напитка, маленький пакетик сухих сливок и другой, чуть больше, – сахара.

– Куча пожарных машин, – заметил я. – Но «скорая» всего одна. И санитары согреваются кофе, в то время как остальные дрожат от холода. – Я отхлебнул из чашки. – Вот придурки.

– Здание не было заселено, – пояснила Мёрфи. – Реконструкция.

– Значит, обошлось без жертв. Что ж, уже хорошо.

Мёрфи бросила на меня загадочный взгляд:

– согласишься сегодня поработать сдельно?

Я отхлебнул кофе, пытаюсь скрыть разочарование. Я весьма рассчитывал на гонорар, по крайней мере за пару дней работы.

– У города уже не хватает средств на услуги консультантов, да?

– ОСР сэкономил на карманных расходах на случай, если вдруг понадобится твоя помощь.

На этот раз мне не удалось скрыть своих эмоций. Одно дело – получать деньги от городских властей. Совсем другое – брать их из кармана работающих в ОСР копов.

Отдел специальных расследований Чикагской полиции можно сравнить с прудом-отстойником. Все, что не вызывает интереса у других отделов полицейского управления, спускают в ОСР. По большей части это просто муторные дела, за которые никто не хочет браться, но встречаются и действительно труднообъяснимые случаи. В общем, ребятам из ОСР приходится расследовать все – от дождя из жаб до слухов об обитающей в канализации чупакабре, похища-

ющей мелких домашних животных. Работа эта хлопотная, перспектив карьерного роста почти никаких, поэтому ОСР считается чем-то вроде палаты для хронических неудачников. На самом деле это не так, но сотрудники отдела, как правило, обладали парой общих черт: достаточным интеллектом, чтобы задаваться вопросами и консультироваться со специалистами в случаях, когда произошедшее не поддается объяснению с точки зрения здравого смысла, и непозволительным отсутствием способностей ориентироваться в мутных водах кабинетной логики.

Когда сержант Мёрфи была еще лейтенантом Мёрфи, отделом руководила она. С должности ее сняли за двадцатичетырехчасовой прогул в разгар самых напряженных часов расследования. Не могла же она объяснить начальству, что все это время брала штурмом ледяную цитадель в Небывальщине? Теперь отделом руководил ее старый сослуживец, лейтенант Джон Столлингс, и ему приходилось здорово изворачиваться, втискиваясь в урезанный начальством бюджет.

Вот вам и объяснение, почему единственному профессиональному чародею в Чикаго почти не предлагают работы.

Я бы обошелся без их денег. В конце концов, они в них не купаются. Но в то же время следовало брать в расчет их гордость. Отказаться от этих денег я тоже не мог.

– Сдельно? – переспросил я. – Черт возьми, мой банковский счет едва ли не меньше моральных принципов лоббиста табачных производителей. Пора переходить на почасовую оплату.

Несколько секунд Мёрфи свирепо смотрела на меня, потом хмуро кивнула. Гордость гордостью, но дело прежде всего.

– Итак, в чем здесь дело? – спросил я. – Поджог?

Она пожала плечами:

– Какой-то взрыв. Может, случайный. Может, и нет.

Я фыркнул:

– Угу. То-то ты меня при всяких случайностях зовешь.

– Пошли. – Мёрфи достала из кармана куртки респиратор и надела его.

Я порылся в кармане, достал бандану и тоже завязал ее, закрыв нос и рот. Для полноты образа мне не хватало только мятой широкополой шляпы и сапог со шпорами. Я есть тихий мучачо.

Она оглянулась на меня – выражения ее лица под респиратором я не разглядел – и повела в разрушенный дом. Там нас уже поджидал ее коллега.

Роулинс – коренастый мужчина лет пятидесяти пяти, и при откровенно избыточном весе в нем не больше мягкости, чем в армейском грузовике. Последний год он начал отращивать бородку, и седые волосы смотрелись особенно контрастно на фоне его темной кожи. Поверх полицейской куртки он набросил поношенное зимнее пальто.

– Дрезден, – улыбнулся он. – Рад вас видеть.

Я пожал ему руку.

– Как нога?

– Побаливает всякий раз, как меня пытаются выпереть на пенсию, – хмыкнул он. – Ох.

– Вы это, держитесь, – заявила Мёрфи, скрестив руки на груди. Похоже, разговор этот начался у них уже давно, но все еще был далек от завершения. – Вам семью кормить.

– Ну да, да, – вздохнул Роулинс. – Что ж, я буду на улице.

Он подмигнул мне и вышел. Он почти не хромал – могло быть и хуже после того, как Мадригал Рейт прострелил ему ногу. Что ж, рад за него. За себя я тоже рад – в конце концов, это я впутал его в ту историю.

– Держаться? – переспросил я у Мёрфи.

– Ничего конкретного, – ответила Мёрфи. – Но источники в руководстве всячески намекают на то, что ты персона нон грата.

Не могу сказать, чтобы это меня совсем не задело, и, боюсь, в голосе моем звучало больше горечи, чем мне хотелось бы.

– О, еще бы. То, как я помогаю городской полиции в делах, с которыми она сама не справляется, простить нельзя.

– Я все понимаю, – заверила меня Мёрфи.

– Мне еще повезло, что меня не обвинили в нарушении общественного порядка, нанесении ущерба чужому имуществу и не закатали в кутузку.

Она устало отмахнулась:

– Можно подумать, это тебе в новинку. Это же бюрократия.

– Ну да, если не считать того, что когда кого-нибудь исключают из членов сельского клуба, никто из-за этого не погибает, – заметил я. – По большей части, конечно.

Мёрфи пристально посмотрела на меня.

– Что ты хочешь, чтобы я делала в этой ситуации, Гарри? Я и так за все доступные мне ниточки дергала только для того, чтобы не потерять эту долбаную работу. Начальницей меня ни за что больше не сделают, так что шансов влиять на решения руководства у меня нуль.

Я стиснул зубы и почувствовал, как заливаюсь краской. Она не произнесла этого вслух, но должность и надежды на продвижение по службе она потеряла, прикрывая не чью-то, а мою спину в бою.

– Мёрф...

– Нет, – произнесла она очень спокойно и твердо. – Мне это, право же, даже интересно, Дрезден. Я плачу тебе из своего кармана, когда этого не делает город. Ребята в отделе тоже пускают шляпу по кругу, когда мы не можем обойтись без твоей помощи. Или ты думаешь, мы позволим тебе с голоду помереть?

– Адские погребушки, Мёрф! – вскинулся я. – Я же не о деньгах. При чем здесь деньги?

Она пожала плечами:

– Тогда чего ты обиженную физиономию строишь?

Я подумал немного.

– Тебе не стоит плясать вокруг всех этих аппаратчиков только ради того, чтобы тебе позволяли делать свое дело.

– Нет, – кивнула она. – В разумном мире не стоило бы. Но – на случай, если ты не заметил – этот мир не слишком разумен. И потом, сдастся мне, ты тоже раз или два имел проблемы со своим начальством.

– Туше. – Я поднял руки. – И в яблочко.

Она невесело улыбнулась:

– Жаль, конечно, но пока все обстоит именно так. Ну, выплакался?

– К черту, – сказал я. – Давай показывай, что у тебя там.

Мёрфи мотнула головой в сторону засыпанного щебнем переулка между поврежденным зданием и его соседом, и мы двинулись туда, перебираясь через груды битого кирпича и обломки деревянных балок.

Мы углубились в переулок фута на три, когда в ноздри мне ударила знакомая серная вонь, ясно различимая даже сквозь запах гари. Так пахнуть может только одно.

– Вот черт, – пробормотал я.

– Мне показалось, пахнет чем-то знакомым, – заметила Мёрфи. – Как там, в крепости. – Она покосилась на меня. – И как в других случаях, когда... когда я ощущала этот запах.

Я сделал вид, что не заметил ее взгляда.

– Ага, – сказал я. – Это Адский Огонь.

– Это еще не все, – кивнула Мёрфи. – Идем дальше.

Мы одолели еще пару десятков футов завалов и добрались до неповрежденной части здания. Только что вокруг не было ничего, кроме обломков, а спустя шаг или два на всю высоту

здания тянулась ровная кирпичная стена, верх которой терялся в клубях пыли, дыма и кружащегося снега. Целый кирпич обрывался рваной линией – везде, кроме одного места футах в пяти от земли.

В этом месте иззубренная линия сменялась абсолютно ровным полукругом.

Я нахмурился и шагнул ближе. Серный запах усилился, и до меня дошло, что стена в этом месте прожжена насквозь узким пучком чудовищной энергии, похожим на гигантское сверло. Я с трудом представлял себе, какая температура нужна для того, чтобы прожечь в толстом слое кирпича, бетона и стали дыру диаметром с баскетбольный мяч. Отверстие с оплавленными до стеклянной гладкости краями было изначально полным кругом, но обрушившаяся часть стены срезала половину.

Любой естественный источник подобного жара по меньшей мере обуглил бы стену соседнего здания и мостовую. Однако там, где я стоял, ничего подобного не наблюдалось – так, обычный уличный мусор, припорошенный кирпичной пылью... даже снег не растаял.

– Скажи чего-нибудь, – тихо попросила Мёрфи.

– Нормальный огонь не может быть такой концентрации, – сообщил я.

– Что ты хочешь этим сказать?

Я сделал руками неопределенный жест:

– Огонь, генерированный с помощью магии, остается огнем, Мёрф. Конечно, ты можешь создать чудовищную температуру и направить ее в нужную тебе сторону, но вести себя она будет так, как и положено жару. Я имею в виду, станет подчиняться законам термодинамики.

– Значит, разговор идет о сверхъестественном, – сказала Мёрфи.

– Ну, с формальной точки зрения сверхъестественное не является...

Она вздохнула:

– Скажи, Гарри, мы имеем дело с магией или нет?

Можно подумать, по запаху Адского Огня этого не ясно.

– Да.

Мёрфи кивнула.

– Ты время от времени вызываешь огонь, – сказала она. – И насколько я видела, и не раз, этот твой огонь способен на такие штуки, какие с обычным огнем не получаются.

– Конечно, – согласился я, осторожно проводя рукой по опаленным огнем кирпичам. Они еще не успели остыть. – Просто дело в том, что, вызвав огонь, им нужно потом еще и управлять – концентрировать, нацеливать в нужную сторону. А такой контроль требует дополнительной энергии, почти столько же, сколько изначальная генерация пламени. Если не больше.

– Ты мог бы сделать что-нибудь в этом роде? – Она махнула рукой в сторону разрушенного дома.

Когда-то давно она сформулировала бы этот вопрос совсем по-другому, и я занервничал бы из-за того, что в ее карманах прячутся пистолет и наручники. Но это и правда было очень давно. Хотя тогда я, вероятно, тоже не дал бы ей прямого ответа, как и сейчас.

– Чтоб мне гореть в аду, – тихо произнес я, не слишком, впрочем, метафорически. – Ни малейшей возможности. Начнем с того, что мне и половины такого количества энергии не набрать. А если бы все же ухитрился накопить, у меня не осталось бы сил, чтобы ею управлять.

Я на секунду закрыл глаза, пытаюсь ощутить следы магических энергий, но клубившиеся в воздухе дым, пыль и продолжавшийся снегопад мешали мне. Во всяком случае, я никак не мог уловить схему, по которой могло строиться необходимое для такого огня заклятие.

Зато я обнаружил кое-что другое. Ось оплавленного отверстия шла не перпендикулярно к стене здания, а под небольшим углом к ней. Я нахмурился и оглянулся, пытаюсь проследить, куда упирается невидимая ось.

Мёрфи знакома со мной не первый год, поэтому сразу же поняла, что я заметил что-то особенное. Я тоже знаю ее достаточно хорошо, поэтому обратил внимание, как она хмурится, сдерживая интерес, чтобы не мешать мне работать.

Я выпрямился и пересек улицу. Стена противоположного дома была запорошена снегом и пылью.

– Прикрой глаза, – посоветовал я сам себе и прищурился. Потом поднял правую руку и сосредоточился. – *Ventas reductas*, – пробормотал я.

На этот раз ветер, вызванный мной, отличался от того шквала, что я обыкновенно использую. Это был несильный, хорошо отрегулированный ветер. Он срывался с моей руки и дул на стену. То, чему я учил Молли, приносило пользу и мне самому: в частности, я переработал многие самые расхожие свои заклятия – быстродействующие, лишённые особой точности заклинания, к которым чародеи прибегают в самых отчаянных ситуациях. Я пытался обучить им Молли, но ей не доставало такой грубой силы, как у меня, так что вызов достаточно мощного порыва ветра едва не лишал ее чувств. Мне пришлось изменить формулу, чтобы она могла хотя бы умеренно использовать воздушную магию, и в результате нам удалось добиться вполне удовлетворительных результатов, сравнимых по мощности с электрическим феном.

Именно эту формулу использовал я сейчас для того, чтобы очистить стену от снега и пыли. У меня ушло на это полторы минуты, и, закончив, я уловил еще один запах сквозь серную вонь.

– Дважды черт, – сказал я.

Мёрфи шагнула ко мне и посветила на стену фонариком.

На очищенной от снега стене виднелся знак, начертанный чем-то густым, бурым, напоминающим по запаху кровь. Поначалу я решил, что это пентаграмма, но тут же увидел, в чем заключается разница.

– Гарри, – тихо произнесла Мёрфи. – Это человеческая?

– Скорее всего, – ответил я. – Нет эффективнее чернил для сильных заклинаний, чем кровь смертных. Вряд ли что-то иное могло содержать столько энергии, чтобы ее хватило на взрыв такой силы.

– Это ведь пентаграмма, да? – спросила Мёрфи. – Вроде той, что ты носишь на цепочке. Я мотнул головой:

– Эта другая.

– Как это? – Уголок рта ее дернулся. – Чем она другая, если не считать крови?

– Пентаграмма – это символ порядка, – попробовал объяснить я. – Пять углов, пять сторон. Она олицетворяет силы воздуха, земли, воды, огня и духа. Она заключена в круг, касаясь углами его абриса. Это символ магии, находящейся под контролем человека. Сил, обузданных волей.

Я махнул рукой в сторону знака:

– А здесь, видишь? Углы звезды выходят далеко за пределы круга.

Она нахмурилась:

– Что это значит?

– Представления не имею, – признался я.

– Господи, – вздохнула она. – И за что мы тебе только платим?

– Ха-ха. Очень смешно. Послушай, если бы я и видел такой знак прежде, он все равно может означать разное для разных людей. Например, индуисты и нацисты одну и ту же свастику воспринимают совершенно по-разному.

– Но хоть догадки у тебя имеются?

Я пожал плечами:

– Навскидку? Не нравится мне все это – какое-то дикое сочетание пентаграммы и анархистского символа. Ничем не обузданная магия.

– Чародеи-анархисты? – предположила Мёрфи.

– Это только догадки, – сказал я.

Впрочем, нутром я ощущал, что предположение мое близко к истине, и Мёрфи, по моему, тоже это почувствовала.

– Но для чего этот символ? – спросила Мёрфи. – Какой цели он служит?

– Отражать энергию, – ответил я. – Мне кажется, энергия, прокатившись по зданию, отразилась от этого знака, а это значит... – Я на ходу спрыгивал со ступеньки на ступеньку этого логического каскада. – Это значит, что прежде эта энергия должна была откуда-то взяться. – Я медленно повернулся, пытаясь прикинуть угол. – Входящий луч энергии должен был пройти через разрушенную часть здания и...

– Луч?

Я ткнул пальцем в полукруглую дырку в стене.

– Угу. Тепловая энергия, ужас какая сильная.

Она присмотрелась к оплавленной дырке.

– На вид маловата, чтобы развалить чуть не целый дом.

– Ей и не нужно, – сказал я. – Для взрыва, во всяком случае. Этот луч только прожжет отверстие. Может быть, поджег по дороге дом, но сорвать фасад таким вот образом он не мог.

Мёрфи нахмурилась и склонила голову набок.

– Тогда что же это сделало?

– Как раз над этим я и думаю, – буркнул я.

По возможности прикинув направление луча, я быстро направился по переулку дальше. Пожарные продолжали поливать дом водой, и по дороге нам пришлось несколько раз перешагивать через шланги. Выйдя к заднему фасаду здания, я медленно двинулся вдоль него, подняв руку и прислушиваясь к любым следам магических энергий. Ничего похожего я не обнаружил, зато снова уловил запах Адского Огня, а спустя пару футов наткнулся на еще одну не-пентаграмму, идентичную первой, тоже скрытую под тонким слоем снега.

Я продолжал обходить дом по часовой стрелке. Два символа обнаружились на стене соседнего дома, и еще один – на другой стороне улицы, напротив разрушенного фасада. Завершил я круг, остановившись у первого обнаруженного мной символа.

Пять отражающих точек, направивших в дом чудовищный поток энергии, образовали вместе огромный знак.

– Вот это уже пентаграмма, – тихо произнес я.

Мёрфи нахмурилась:

– Что?

Я коснулся пальцем гладкого, оплавленного края отверстия на стене разрушенного здания.

– Луч энергии, ворвавшийся в дом сквозь эту дыру, был одной из пяти сторон пентаграммы. Или пятиконечной звезды.

Мёрфи непонимающе смотрела на меня.

Я порылся в кармане плаща и выудил кусок мела.

– Ладно, смотри. Все учатся рисовать это еще в начальной школе. – Я нарисовал на чистом куске кирпичной стены звезду – не отрывая мела от стены, пятью линиями. – Так?

– Так, – согласилась Мёрфи. – Аккурат в первом классе.

– Вот тебе, кстати, еще один пример символа, имеющего несколько различных значений, – заметил я. – Но посмотри сюда, в середину. – Я заштриховал образованный пересекающимися линиями пятиугольник. – Это форма пятиугольника, видишь? Центр пентаграммы. Здесь помещается то, что ты хочешь сюда заключить.

– Что ты имеешь в виду – «заключить»?

– Пентаграмма вроде этой – символ власти, – объяснил я. – Использовать ее можно самым разным образом. Однако чаще всего ее используют для того, чтобы изолировать кого-то или держать его в заключении.

– Ты хочешь сказать, это как призыв демона, – сказала Мёрфи.

– Точно, – подтвердил я. – Но если пользоваться ею верно, можно ловить в нее и других тварей. Помнишь круг в доме у Харли Макфинна? Пять свечей образовывали там пентаграмму вроде этой.

Мёрфи поежилась:

– Помню. Только она была не такая большая.

– Не такая, – кивнул я. – И чем большего размера ты ее делаешь, тем больше сил требуется для того, чтобы поддерживать ее в действии. Я даже слыхом не слыхал, чтобы кому-либо удавалось активировать такой объем энергии.

Я нарисовал на концах звезды маленькие крестики и обвел линии мелом еще раз, четче обрисовав пентаграмму.

– Видишь? Луч, посланный от одной отражающей фигуры к другой, прожигает по дороге отверстия в стене. Отражатели превратили луч в огромную пентаграмму плюс-минус на уровне земли.

Мёрфи, хмурясь, вглядывалась в нарисованную мной нехитрую схему.

– Центр этой фигуры не покрывает всей площади здания.

– Нет, – согласился я. – Для полной уверенности, конечно, не помешало бы иметь на руках план дома, но мне кажется, что центр пентаграммы расположен футах в двадцати от парадного входа. Этим, возможно, объясняется тот факт, что обрушилась только его передняя часть.

– Получается, что взрыв произошел в этом твоём пятиугольнике? Магический тротил?

Я пожал плечами:

– Взрыв произошел в центре пентаграммы, но не факт, что вызван именно ею. Я хочу сказать, это вполне могло оказаться более-менее традиционное взрывное устройство.

– Помещенное в центр огромной пентаграммы? – усомнилась Мёрфи.

– Возможно, – кивнул я. – Все зависит от того, для чего использовалась эта пентаграмма. А чтобы это понять, мне необходимо знать, где ее север. – Я очертил маленьким кружком верхний конец звезды. – Я имею в виду, откуда изначально исходил луч.

– Разве это имеет значение?

– Да, – ответил я. – Большинство рисуют звезду так, как это сделал я. Снизу слева до самой верхней точки в качестве первой линии. Так делается в случаях, когда тебе необходимо защитить что-то, оградить от воздействия извне или от сторонних сил.

– Значит, это могло использоваться как оберег? – спросила Мёрфи.

– Не исключено. Но пентаграмма может использоваться и для других целей – если рисовать звезду в ином порядке.

– Например, выстроить клетку для кого-то? – предположила Мёрфи.

– Именно. – Я встревоженно нахмурился. – Или отворить дверь для кого-то. Или для чего-то.

– Судя по твоему лицу, это может означать большую пакость.

– Я... – Не договорив, я покачал головой.

Мне даже думать не хотелось, какой ужас мог вырваться в наш мир с помощью пентаграммы такого калибра.

– Я думаю, если через эту пентаграмму проскользнуло что-нибудь, соответствующее ее размеру, в городе сгорит не один дом.

– Ох, – только и сказала Мёрфи.

– Послушай, пока я не знаю, для чего была предназначена эта пентаграмма. Все, что я говорю, это умозрительные предположения. И потом, тут есть еще одна странность.

– Какая?

– Я не обнаружил ни следа остаточной магии, а им полагалось бы сохраниться. Черт возьми, да при том количестве энергии, что здесь использовали, всему кварталу полагалось бы светиться. А он этого не делает.

Мёрфи медленно кивнула:

– Ты хочешь сказать, они стерли свои отпечатки.

Я поморщился:

– Вот именно, а я даже представления не имею, как это сделать. Адские погремушки, да мне и в голову не приходило, что такое вообще возможно.

Я молча отхлебнул остывшего кофе из чашки и попробовал убедить себя в том, что пробиравшая меня дрожь происходит единственно от холода. Потом протянул чашку Мёрфи – она отпила немного с другой стороны и вернула ее мне.

– Выходит, – сказала она, – у нас одни вопросы и никаких ответов. Зачем какому-то сверхъестественному налетчику из высшей лиги помещать пентаграмму в пустующем жилом здании? И вообще, зачем ему потребовалась эта пентаграмма?

– И зачем потом было взрывать это здание? – Я нахмурился, потому что в голову мне пришел еще один, совершенно очевидный вопрос. – А почему именно этот дом? – Я повернулся к Мёрфи. – Кому он вообще принадлежит?

– Венчурной компании «Озеро Мичиган», – ответила Мёрфи. – Подразделению «Митигейшн лимитед», чьим генеральным директором является...

– Трижды черт, – выругался я. – Джентльмен Джонни Марконе.

Глава 5

Я попробовал соскрести немного крови с отражающих символов и использовать в поисковом заклинании, чтобы попытаться вычислить ее изначального обладателя, но у меня ничего не вышло. Или кровь слишком пересохла, или человек, которому она принадлежала, уже умер. У меня сложилось неприятное предчувствие, что тауматургическое заклятие не сработало вовсе не по причине зимнего холода, пересушившего кровь.

Впрочем, этого можно было ожидать. Дело, в котором так или иначе замешан Марконе, простым не бывает.

Джентльмен Джонни Марконе был непререкаемым повелителем преступного мира Чикаго. Хотя материалов на него у полиции более чем достаточно, бастионы бумаг, обороняемые легионами юристов, до сих пор оставались неприступными, и положению его, равно как и растущим доходам, ничего не угрожало. Возможно, тем, кто пытался подкопаться под него, стоило бы проявить больше настойчивости, но бесстрастные факты свидетельствовали: методы управления Марконе оставались наиболее приемлемой альтернативой по сравнению с большинством других возможных вариантов. Он придерживался относительно цивилизованных принципов, пресекая насилие в отношении как обычных граждан, так и представителей закона. Бизнес его не становился от этого менее грязным, но ведь могло быть и гораздо хуже, и городские власти хорошо это понимали.

Конечно, городские власти не знали, что на самом деле все обстояло гораздо хуже. Марконе начал укреплять свое положение еще и с помощью сверхъестественных сил, подписав Неписанный закон в качестве свободно ассоциированного члена. В глазах правителей сверхъестественного мира он представлял собой нечто вроде небольшого нейтрального государства, силы, с которой стоило считаться, и я мало сомневался в том, что он и эту, новую власть использует в тех же целях, что и все остальное: для расширения своей преступной империи.

Все это стало возможным не без участия Гарри Дрездена. Мне, вероятно, могло бы служить некоторым оправданием только то, что из всех имевшихся у меня на тот момент альтернатив эта была наименее угрожающей.

Я оторвал взгляд от круга, нарисованного мною мелом на асфальте под навесом в переулке, и покачал головой.

– Извини. Ничего не выходит. Может, кровь слишком сухая. Или донор мертв.

Мёрфи кивнула:

– Значит, поищу по моргам.

Я стер мел рукой, разрушив круг, и поднялся с коленей.

– Можно тебя спросить кое о чем? – спросила Мёрфи.

– Конечно.

– Скажи, а почему ты сам пентаграммами почти не пользуешься? Я, например, ни разу не видела – только как ты круги рисуешь.

Я пожал плечами:

– Это вопрос пиара. Сама представь: я начну бегать и рисовать повсюду пятиконечные звезды – в этой-то стране. Все вокруг поднимут вой насчет Сатаны. Включая сатанистов. У меня и без этого проблем достаточно. Если мне нужна пентаграмма, я смогу просто представить ее себе мысленно.

– Ты можешь это сделать?

– Вся магия – точнее, почти вся – у тебя в голове. Ты представляешь себе тот или иной образ и удерживаешь его в сознании. Теоретически все возможно сделать без всякого мела, фигур и всего остального.

– Тогда почему ты этого не делаешь?

– Потому что при тех же результатах это требует неоправданно больших усилий. – Я запрокинул голову и прищурился, глядя на продолжавший сыпаться снег. – Ты коп. Мне нужен пончик.

Она фыркнула:

– Грешишь стереотипами, Дрезден?

– Копам приходится чуть ли не день напролет торчать в своих машинах. Часто у них нет времени даже до ближайшего «Макдоналдса» доехать. Им нужна еда, которая не портится в машине. Пончики для этого подходят едва ли не лучше всего.

– И диетические хлебцы тоже.

– Роулинс тоже мазохист?

Мёрфи как бы невзначай толкнула меня плечом, едва не сбив с ног, и я ухмыльнулся. Мы вынырнули из переулочка на почти опустевшую улицу. Пожарные уже сделали все, что могли, и у дома оставалась только одна пожарная машина. Стоило огню погаснуть, как все запорошило снегом, поэтому зевак и след простыл. На месте происшествия оставались еще несколько полицейских, да и те по большей части попрытались от снега по машинам.

– Так что все-таки у тебя с лицом? – спросила Мёрфи.

Я рассказал.

Она безуспешно попыталась удержаться от улыбки.

– Три козла?

– Четыре. И не забывай, они считаются убийцами троллей.

– Я видела однажды, как это делал ты. Это трудно?

Я невольно ухмыльнулся:

– Мне немножко помогали.

Мёрфи тоже не удержалась от улыбки.

– Еще одна подобная шуточка, и ты рискуешь схлопотать.

– Мёрфи, – укоризненно произнес я. – Мелкая мстительность не в твоём стиле. Что, пожалуй, хорошо.

– Не умничай. Не забывай: я всегда выше тебя... когда ты валяешься на земле.

– Что правда, то правда. Но удар ниже пояса. Постараюсь быть выше этого.

Она погрозила мне кулаком:

– Смотри у меня, Дрезден.

Мы вернулись к ее машине. Роулинс сидел на правом переднем кресле и притворялся, что храпит во сне. Впрочем, он не из тех людей, чтобы впасть в дремоту в первую подвернувшуюся минуту.

– Значит, на тебя наехали Летние, – сказала Мёрфи. – Думаешь, нападение на дом Марконе с этим как-то связано?

– Я больше не верю в случайные совпадения, – признался я.

– Ясно, – кивнула она. – Что ж, давай тебя до дому подброшу.

Я мотнул головой:

– Возможно, я мог бы сделать здесь еще кое-что, только для этого мне надо побыть одному. И мне нужен пончик.

Мёрфи удивленно изогнула золотую бровь.

– Что-о?

– Да вынь же свои мозги из сточной решетки и достань мне этот долбаный пончик.

Мёрфи покачала головой и, усевшись в машину, бросила мне пакет из кофейни «Данкин Донатс», лежавший под ветровым стеклом на приборной панели со стороны Роулинса.

– Эй! – возмутился Роулинс, не открывая глаз.

– Ради благого дела, – заверил я его и благодарно кивнул Мёрфи. – Позвоню, как только узнаю что-нибудь.

Она нахмурилась, глядя на мой нос:

– Ты уверен, что тебе не нужен помощник?

Я подмигнул ей подбитым глазом:

– Это из тех вещей, которые чародею приходится делать в одиночку.

Роулинс подавил смехок.

Черт, не уважают меня все-таки.

Они уехали, оставив меня под кружащимися снежинками. Стояла предрассветная тишина. На месте происшествия оставались еще несколько пожарных и примерно столько же полицейских; последние продолжали перекрывать улицу, хотя первые уже ничего не гасили. Дом опустел, покрывшись коркой льда, но я-то знал, что в стенах запросто может таиться что-то, готовое выскочить наружу. Мне удалось услышать, как один из копов говорит другому, что бригада дорожников, посланная расчищать завалы, задержалась где-то в пути, помогая застрявшему снегоочистителю, но прибудет, как только освободится.

Отойдя примерно на квартал в сторону, я обнаружил не слишком заснеженный переулок и свернул туда со своим пончиком. Некоторое время я обдумывал, какой подход выбрать. В конце концов, мои отношения с этим источником информации на протяжении последних лет заметно менялись. Логика подсказывала, что мне лучше всего держаться давно заведенного ритуала. Инстинкт же напоминал, что логика подводила меня не раз и не два, к тому же она не учитывала долгосрочных перспектив.

Видите ли, мы с моими инстинктами давно уже сжились и понимаем друг друга.

Поэтому, вместо того чтобы расставлять примитивный, пусть и магический, силок с наживкой, я широко расставил ноги, вытянул перед собой правую руку с лежавшим на ней в виде подношения пончиком и негромко произнес Имя.

Имена – с большой буквы И – обладают властью. Если вы знаете чье-либо Имя, вы автоматически получаете средство связи, с помощью которого можете связаться с его обладателем... или проделывать с ним всякие магические штучки. Иногда это очень и очень некстати. Произнесите, например, Имя какого-нибудь большого злобного духа, и вы, конечно, сможете коснуться его – но и он, в свою очередь, сможет коснуться вас, и никто не обещает, что это окажется для вас приятно. Это может стоить вам жизни – или души.

Однако Небывальщина велика, и, как говорится, несть числа рыбы в этом море. В ней буквально бесчисленное множество существ, не обладающих особенной силой и влиянием, и позвать их на помощь, назвав их по Имени, не составляет сложности.

Кстати, у людей тоже есть Имена. Ну, вроде того. Видите ли, смертные обладают неприятной привычкой постоянно менять что-то в своей личности, в своих ценностях, в своих убеждениях, поэтому использовать против смертного его Имя – дело скользкое.

Мне известно несколько Имен. Я произнес одно из них как можно мягче и осторожнее, чтобы не показаться невежливым.

Мне не пришлось долго ждать. Я и дюжину раз не повторил Имени, как появилась та сущность, которую я с его помощью призывал. Небольшой, размером с баскетбольный мяч шар голубого света вынырнул из снежной завесы и устремился мне в лицо.

Я стоял неподвижно. Даже имея дело с мелкими представителями Небывальщины, не стоит выказывать робости.

Шар резко остановился, не долетая до пончика примерно фута. С этого расстояния я мог уже разобрать в светящейся сфере очертания крошечной человекоподобной фигурки. Крошечной, но все же не такой миниатюрной, какой она мне запомнилась по последней встрече. Адские погремушки, да с тех пор он подрос едва ли не вдвое.

– Привет, Тук-Тук, – кивнул я фэйри.

– Здравия желаю! – пропищал Тук, вытягиваясь по стойке смирно.

Внешне он напоминал атлетически сложенного юношу, наряженного в доспехи из всякого мусора. На бледно-лиловые волосы он нахлобучил шлем, который представлял собой крышку от трехлитровой бутылки кока-колы. На изготовление кирасы, похоже, пошел пузырек из-под желудочного сиропа, а на сделанной из аптечной резинки перевязи висел макетный нож в оранжевых пластиковых ножнах. На ножнах виднелся коряво начертанный черным лаком для ногтей девиз «ПИЦЦА ИЛИ СМЕРТЬ!». На поясе в ножнах – шестиугольном корпусе от шариковой ручки – висел длинный гвоздь с тщательно обмотанной изолентой шляпкой. Башмаки он, похоже, позаимствовал у Кена, а может, у древнего игрушечного солдата.

– Ты вырос, – ошеломленно заметил я.

– Так точно! – гаркнул он.

– Не тот ли это макетный нож, который я дал тебе тогда? – поинтересовался я.

– Так точно! – с энтузиазмом подтвердил он. – Это мой макетный нож! На него много охотников, но он мой!

До меня дошло, что он подражает сержанту из фильма «Цельнометаллическая оболочка», и мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы не улыбнуться. Похоже, он относился к этому со всей серьезностью, и я не хотел уязвить его чувства.

Какого черта. Почему бы не подыграть ему.

– Вольно, рядовой.

– Есть! – радостно заверещал он и залихватски отсалютовал рукой, а затем описал в воздухе небольшой круг над пончиком. – Ух ты, – заметил он своим обычным тоном, – пончик. Это мой пончик, Гарри?

– Возможно, – кивнул я. – Я предлагаю его тебе в качестве платы.

Тук как мог равнодушнее пожал плечами, но его стрекозьи крылышки буквально жужжали от возбуждения.

– За что?

– За информацию, – сказал я и мотнул головой в сторону разрушенного здания. – Несколько часов назад в этом доме и вокруг него кто-то занимался серьезным колдовством. Мне нужно знать все, что известно об этом маленькому народцу.

Я решил, что немного лести никогда не повредит:

– А когда мне нужна информация от маленького народца, лучше тебя, Тук, никого не найти.

Закованная в «Пепто-Бисмол» грудь немного раздулась от гордости.

– Многие из наших готовы служить тебе, Гарри, за то, что ты освободил их от бледнокожих охотников. Некоторые из них вступили в гвардию Ца-Лорда.

«Пицца-Лорд», «Властелин пиццы» – титул, присвоенный мне отдельными представителями маленького народца. Преимущественно за еженедельные взятки в виде халявной пиццы. Многие – в том числе люди моего круга – этого не знают, но маленький народец вездесущ, и видят они гораздо больше, чем кто-либо может ожидать. Проводимая мною политика пиццевых подачек помогла мне завоевать среди окрестных эльфов-фэйри много сторонников. Когда же я добился того, чтобы мои временные союзники освободили несколько десятков пленных фэйри, моя популярность у маленького народца выросла еще сильнее.

Тем не менее «гвардия Ца-Лорда» – это что-то новенькое.

– У меня что, теперь есть своя гвардия? – спросил я.

Тук выпятил грудь еще сильнее:

– Конечно! А кто, по-твоему, не позволяет Ужасному Зверю Мистеру убивать тех фэйри-домовых, которые приходят убирать твою квартиру? Мы! Кто разит наповал мышей, крыс и омерзительных огромных пауков, готовых забраться к тебе в кровать или грызть твои шлепанцы? Мы! Не бойся ничего, Ца-Лорд! Ни самая гадкая крыса, ни самый сообразительный паук не побеспокоит твоего дома, покуда мы дышим.

Этого я и не подозревал. Выходит, в дополнение к бесплатной уборке я получил еще и санобработку жилья. Что ж, если подумать, это очень даже неплохо. У меня в лаборатории хватает предметов, которые плохо отреагировали бы на возможность превратиться в гнездо для грызунов.

– Потрясающе, – признался я. – Так ты хочешь пончик или нет?

Тук-Тук даже не ответил. Он просто рванул от меня по переулку маленькой кометой, оставив за собой вихрь возмущенных снежинок.

Вообще-то, эльфы имеют обыкновение все делать стремительно – во всяком случае, если хотят этого сами. Не успел я допеть себе под нос «Покачаться на звезде», как Тук-Тук вернулся. Правда, окружавший его светящийся шар поменял цвет, окрасившись возбужденным алым.

– Беги! – пропищал Тук-Тук на лету. – Беги, милорд!

Я уставился на него. Что угодно ожидал я услышать от маленького эльфа, только не это.

– Беги! – пронзительным голосом повторил он еще раз, заложив у меня над головой отчаянный вираж.

Мой мозг еще продолжал переваривать информацию.

– А пончик? – тупо спросил я.

Тук-Тук спикировал к самому моему лицу, уперся ручками мне в лоб и толкнул изо всех сил. Он оказался сильнее, чем я думал, и мне пришлось сделать шаг назад, чтобы не потерять равновесия.

– Забудь про пончик! – заорал он. – Беги, милорд!

Забыть? Пончик???

Наверное, это больше другого подстегнуло меня. Тук-Тук не из тех, кто легко ударяется в панику. Если уж на то пошло, в том, что касалось разнообразных опасностей, он вел себя прежде в высшей степени беспечно. Во всяком случае, игнорировал их, когда дело касалось человеческой пищи.

В тишине зимней ночи из дальнего конца переулка до меня донесся звук. Шаги – тихие, неспешные.

Панический голос у меня в голове приказывал мне послушаться Тука. Сердце мое билось как сумасшедшее. Я повернулся и устремился в направлении, которое он мне указывал.

Я вырвался из переулка и свернул налево, утопая в глубоком снегу. От полицейского участка меня отделяло квартала два или три. Там наверняка свет, люди – это не может не задержать того, кто гонится за мной, кем бы он ни был. Тук летел рядом, держась над моим плечом. На лету он достал откуда-то маленький пластиковый свисток, извлек из него резкую трель, и еще несколько разноцветных светящихся шаров, вынырнув из снега, полетели параллельным с нами курсом.

Я пробежал квартал, потом другой, и на бегу оставил последние сомнения в том, что за мной гонятся по пятам. Я ощущал это кожей, загривком и не скажу, чтобы это ощущение доставляло мне удовольствие. Из этого следовало только одно: на меня обратил внимание кто-то действительно жуткий. Страх добавил мне сил, и я припустил со всех ног.

Я свернул направо и увидел сквозь снегопад огни спасительного полицейского участка, всем своим видом обещающего безопасность.

Тут ветер задул с удесятеренной силой, и весь мир превратился в белое месиво. Я не видел ничего, даже собственных ног, даже руки, которую поднял к самому лицу. Поскользнувшись, я упал и снова отчаянно вскочил на ноги, уверенный, что, если мой преследователь догонит меня лежащего, я никогда больше не встану.

Я врезался плечом в фонарный столб и отпрянул от него. Черт, в этой слепящей снежной пелене я и представления не имел, где и что находится. Может, я ненароком выскочил на проезжую часть? Конечно, вряд ли кто отважится вести машину сквозь такой буран, но все может

случиться. Даже если он будет ехать медленно, я не увижу его, чтобы убраться из-под колес. И сигнала тоже не услышу...

Снег шел теперь так густо, что я даже дышал с трудом. Я выбрал наиболее вероятное направление из всех, что могли привести меня, как я надеялся, к дверям полицейского участка, и двинулся туда. Спустя несколько шагов я наткнулся вытянутой рукой на стену здания. Футов двадцать я двигался вдоль нее, но потом она оборвалась, и я рухнул боком в проем очередного переулка.

Завывание ветра стихло, и наступившая тишина больно ударила по органам чувств. Я привстал на четвереньки и огляделся по сторонам. Вдоль улицы продолжала клубиться непроглядная снежная завеса, причем начиналась она сразу от угла – ни дать ни взять массивная белая стена. В переулке же снегу нападало едва на дюйм, и если не считать доносившегося с улицы завывания ветра, здесь царила тишина.

Но не такая, какой ей полагалось быть.

До меня вдруг дошло, что я не один.

Переливающийся снег на мостовой сооткался в сияющий белый подол платья с зелеными и синими прожилками. Я поднял взгляд.

Она и платье носила с нечеловеческим изяществом: ни одной случайной складки. Тело ее представляло собой безупречное сочетание изгибов, красоты и силы. Платье оставляло шею и плечи открытыми, и по сравнению с ее кожей снег казался тусклым и желтоватым. На запястьях, на шее, на пальцах переливались цвета – не вся радуга, а оттенки синего, зеленого и фиолетового. Теми же невероятно меняющимися цветами сверкали и ее ногти.

На ее голове красовалась ледяная корона, элегантная, изысканная, словно выращенная из одной-единственной снежинки. Длинные белоснежные волосы, опускающиеся ниже бедер, сливались с платьем и снегом. Губы ее – восхитительные, чувственные губы – имели цвет мороженой ежевики.

Она обладала той красотой, которая на протяжении столетий вдохновляла художников и поэтов, – бессмертной красотой, какую и представить себе трудно, а тем более увидеть. Такая красота должна была бы лишить меня чувств от восторга. Она должна была бы заставить меня рыдать и благодарить Господа за то, что тот позволил мне взглянуть на такое совершенство. Она должна была бы заставить меня задохнуться, а сердце – трепетать от восторга...

Ничего этого не произошло.

Она приводила меня в ужас.

Она ужасала меня потому, что я видел и ее глаза. Широко раскрытые глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками. Цвет их тоже менялся в унисон с цветом украшений... Или, что более вероятно, это украшения меняли цвет в том же ритме, что и глаза. И хотя глаза эти тоже превосходили красотой любую смертную красоту, они оставались холодными, нечеловеческими, полными ума, чувственности, но лишенными жалости или сострадания.

Я хорошо знал эти глаза. Я знал ее.

Если бы страх не сковал мои конечности, я наверняка пустился бы наутек.

Вторая фигура выступила из темноты за ее спиной и выжидающе застыла рядом с ней. Она напоминала бы кошку – если бы только домашние кошки вырастали до такого размера. Окраски ее шерсти я не мог разобрать, но золотисто-зеленые глаза то и дело вспыхивали холодным, неестественно голубым светом.

– На твоём месте я бы поклонилась, смертный, – промяукала кошачья фигура. Голос ее тоже казался неестественным и жутким, словно человеческие звуки исходили из нечеловеческой гортани. – Склонись перед Мэб, Королевой Воздуха и Тьмы. Склонись перед повелительницей фэйри, владычицей Зимней династии сидхе.

Глава 6

Я стиснул зубы и попытался изобразить акулю ухмылку. Получилось неважно. Слишком сильно я боялся – и на это имелись все основания.

Представьте себе любую сказочную злодейку из всех, о каких вам приходилось читать. Представьте себе мстительных ведьм, коварных королей, безумных заклинательниц. Представьте себе распутных русалок, голодных огрих, свирепых женщин-оборотней. Представьте их себе, а потом попробуйте осознать, что когда-то где-то все они существовали в реальности.

Наставницей их была Мэб.

Черт возьми, да я бы не удивился, если бы она устроила им всем что-нибудь вроде аттестации. Просто чтобы не забывали, что по сравнению с ней они так, мелочь.

Мэб правила доброй половиной Феерии – тех регионов Небывальщины, что теснее других граничили с нашим миром, и ее повсеместно уважали и боялись. Я-то видел ее с беспощадной ясностью своего чародейского Зрения, и я знал – не подозревал, а знал наверняка, – что она за существо.

Чудовищный страх – вот что я испытывал. Такой ужас, что мне не удалось придумать ни одного остроумного комментария, а со мной такого просто не случается.

Я не мог говорить, но мог шевелиться. Я заставил себя подняться на ноги. Меня трясло от холода и страха, но я встал и задрал подбородок. Стоило мне проделать это, доказав, что я все-таки не совсем бесхребетная тварь, как ко мне вернулась способность издавать звуки. Голос мой звучал хрипло, но все-таки звучал.

– Что вам от меня нужно?

Губы Мэб чуть изогнулись в намеке на улыбку. Снова зазвучал кошачий голос; Мэб лишь склонила голову набок.

– Я хочу, чтобы ты оказал мне услугу. Одолжение.

Я нахмурился и попытался получше разглядеть кошачью фигуру за ее спиной.

– Это Грималкин там за вами?

Глаза кошкоподобной твари вспыхнули.

– Разумеется, – подтвердил Грималкин. – Слуга за моей спиной носит это имя.

Я уставился на него; от замешательства у меня даже страху поубавилось.

– Слуга за твоей спиной? Я никого за тобой не вижу, Грималкин.

Мэб раздраженно сжала губы. Когда Грималкин заговорил, в голосе его звучало такое же раздражение.

– Слуга просто служит сейчас моим голосом, чародей. Не более того.

– А-а, – кивнул я, переводя взгляд с одной на другого, и любопытство, воспользовавшись возможностью, взяло над страхом верх. Руки, во всяком случае, перестали трястись. – С чего это, интересно, повелительнице воздуха и тьмы потребовался переводчик?

Мэб чуть вздернула свой царственный подбородок, и губы ее снова изогнулись в легкой улыбке.

– Ты и так у меня в долгу, – произнес за нее жуткий суррогатный голос. – И если ты желаешь ответа на свой вопрос, тебе придется за это заплатить. Я не верю в благотворительность.

– Надо же, потрясение какое, – буркнул я. Фух! Похоже, орган, ответственный за способность шутить, у меня не отсох. – Мне кажется, ты упустила суть вопроса. Зачем нужен переводчик Мэб? Она же бессмертная, полубогиня.

Мэб открыла рот.

– А-а, понимаю, – произнес Грималкин. – Ты сомневаешься в том, что это действительно я. – Мэб откинула голову назад, приоткрыв рот, и ее слуга испустил негромкий, зловещий смешок. – В точности так же, как при нашей первой встрече.

Я нахмурился. Она говорила правду. Когда Мэб под видом смертной в первый раз явилась в мой офис несколько лет назад, я заметил, что что-то не так, и в результате выяснил, кто она на самом деле. Насколько мне известно, свидетелей при этом не имелось.

– Возможно, ты захочешь вспомнить старые времена, – продолжал нечеловеческий голос. Мэб подмигнула мне.

Черт. Она делала так, когда я столкнулся с ней в последний раз. Опять-таки об этом не знал никто другой. А я так надеялся, что все это подделка... Но это была настоящая Мэб.

Мэб блеснула зубами.

– Твой долг составлял три услуги, – сказала Мэб через своего слугу. – Осталось еще две. Я здесь для того, чтобы предоставить тебе возможность снять со счета еще одну.

– Так-так, – хмыкнул я. – Как же вы собираетесь это сделать?

Улыбка ее сделалась шире, продемонстрировав идеально острые клыки.

– Я собираюсь помочь тебе.

Угу.

Ох, не нравится мне все это.

– Что вы имеете в виду? – поинтересовался я, стараясь говорить как можно спокойнее и равнодушнее.

– Внемли. – Мэб взмахнула правой рукой, и слой снега на мостовой зашевелился, складываясь в маленькую, высотой около восемнадцати дюймов, модель здания. Все это напоминало то, как растекается замок из песка, только в обратной перемотке.

Здание показалось мне знакомым.

– Это что...

– Тот дом, который попросила тебя осмотреть твоя леди-рыцарь, – подтвердил суррогатный голос. Даже удивительно, как быстро привыкаешь ко всяким таким штукам – конечно, в том случае, если тебе каждый день приходится сталкиваться с необычным. – Каким он был до того, как его разрушило заклятие.

Тем временем из снега лепились все новые фигуры. Мимо дома проскальзывали немного обобщенные имитации автомобилей – до тех пор, пока один из них, дорогой лимузин, не свернул в тот самый переулок у дома, по которому я шел меньше часа назад. Мне пришлось сделать пару шагов, догоняя его, когда он остановился. Дверь снежного автомобиля отворилась, и из нее явно торопливо выбрались несколько человеческих фигур размером с игрушечных персонажей старых «Звездных Войн».

Я узнал их. Первым появился тип с квадратной головой и без шеи – мордорот по имени Хендрикс, личный телохранитель Марконе. Мать его явно принадлежала к породе аляскинских медведей-кадьяков; отцом был, скорее всего, танк «абрамс». Выбравшись из машины, он повернулся к салону и, нагнувшись, достал из него небольшой ручной пулемет, держа оружие одной рукой.

Пока Хендрикс возился с пулеметом, отворилась дверь с другой стороны, и из нее вышла женщина. Гард – дама высокая, около шести футов, хотя по сравнению с Хендриксом она казалась миниатюрной. Поверх элегантного делового костюма она накинула плащ; подняв крышку багажника, она достала из него тяжелый меч и круглый стальной щит диаметром в пару футов. Потом провела рукой над поверхностью щита и сразу же закрыла его куском ткани, похоже сшитым специально для этого.

Оба двигались с отработанной, заученной наизусть точностью профессионалов.

Третьим покинул машину сам Марконе, мужчина среднего роста, среднего телосложения – правда, костюмчик на нем стоил наверняка больше, чем моя тачка в лучшие дни. Вид он имел такой же спокойный и расслабленный, как всегда. Марконе, конечно, гад и преступник, но надо отдать ему должное: яйца у него такие, что земля дрожит при ходьбе.

Голова его резко повернулась в ту сторону, откуда они только что приехали; ни Хендрикс, ни Гард не отреагировали с такой скоростью. Стремительно – я даже заподозрил, не замешана ли в этом магия – он выхватил пистолет, и из снежного дула вырвались крошечные клубки морозного воздуха.

Тут очнулся и Хендрикс. Он мгновенно вскинул свой пулемет, и крошечные искры синего цвета – судя по всему, означавшие трассирующие пули – метнулись вдоль переулка. Гард подняла щит, прикрывая Марконе им и своим телом от того, кто находился в конце переулка. Оба нырнули в боковую дверь здания – я не видел ее, потому что эта часть стены тоже обрушилась. Хендрикс последовал за ними, не прекращая поливать переулок свинцом.

– Адские погремушки! – выдохнул я. – Марконе находился в доме?

Мэб сделала рукой рубящее движение, и верхние две трети маленького снежного дома исчезли, унесенные порывом арктического вихря – тоже миниатюрного. Здание предстало передо мной в разрезе, позволяя заглянуть в интерьер. Марконе и его телохранители перемещались по дому, как крысы в лабиринте. Они вихрем спустились по лестничному маршу. Оказавшись внизу, Марконе уверенно, почти не глядя, хлопнул рукой по какой-то кнопке и поднял взгляд.

Тяжелые – стальные, решил я – пластины одновременно перегородили лестничный марш сверху и снизу, и я почти наяву услышал зловеющий лязг. Гард протянула руку и коснулась ею центра нижней пластины, и в глазах моих возникли пятна от яркой вспышки. По короткому коридору все трое поспешили к следующему пульту, и процесс повторился. Новые двери, новые вспышки.

– Они запираются в... – пробормотал я себе под нос. Тут до меня наконец дошло. – Обереги. Бронированные двери. Он построил себе убежище.

Грималкин испустил негромкий ленивый воющий звук, который я воспринял как одобрение.

Моя квартира тоже оборудована подобными средствами защиты, которые я могу задействовать при необходимости, – конечно, в моей методике больше от Мерлина и меньше от Бонда. Однако же, черт возьми, что могло потревожить Марконе настолько, что ему пришлось в такой спешке хорониться в своей норе?

Тут Гард резко вскинула голову и уставилась в то место, где стояла Мэб, – так, словно крошечное снежное изваяние могло видеть смотревшую на нее исполинскую фигуру Зимней Королевы. Гард сунула руку в карман пиджака, вытащила что-то, напоминающее узкую деревянную коробочку – вроде тех футляров, в которых продаются дорогие перьевые ручки, – и достала из нее маленькую прямоугольную пластинку. Подняв ее, Гард снова повернулась к Мэб и крепко сжала пластинку пальцами.

Снежная скульптура рассыпалась и исчезла, будто ее и не было.

– Они увидели скрытую камеру, – пробормотал я.

– С учетом присущей смертным ограниченности Делаящая Выбор умна и изобретательна, – отозвалась Мэб. – Барон поступил мудро, воспользовавшись ее услугами.

Я покосился на Мэб.

– Что случилось?

– Мое Зрение затуманилось на несколько минут. А потом вот что.

Она еще раз взмахнула рукой, и здание возникло снова – только на этот раз облачка измороси изображали клубившийся вокруг него густой дым. Да и вся модель казалась теперь более размытой, зернистой, словно Мэб выбрала для него слишком крупные снежинки.

Тем не менее я узнал Марконе, который выходил, пошатываясь, из парадных дверей здания. Вокруг него возникло несколько фигур. Они окружили его. Откуда-то из ночи возник ничем не примечательный фургон. Неизвестные фигуры втокнули Марконе в дверь, забрались следом и уехали.

Стоило фургону скрыться в ночи, как здание дрогнуло и обвалилось, превратившись в уже знакомые мне руины.

– Я избрала тебя своим эмиссаром, – сказала мне Мэб. – Ты окажешь мне услугу, вторую из трех, что был мне должен. Ты отыщешь Барона.

– Черта с два, – ответил я прежде, чем мой мозг успел просчитать возможные последствия такого ответа.

Мэб негромко, гортанно рассмеялась.

– Еще как отыщешь, дитя чародейки. Если хочешь остаться в живых, конечно. Другого выбора у тебя нет.

Гнев разгорелся в моей груди и выплеснулся изо рта, старательно минуя мозг.

– Мы об этом не договаривались, – огрызнулся я. – Согласно условиям нашей сделки, я могу сам решать, какие услуги из запрашиваемых вами оказывать, а какие нет, и при этом вы не можете принуждать меня.

Ежевичные губы Мэб раздвинулись в безмолвном оскале, и весь мир превратился в ослепительно-белую завесу боли, обжегшую мне глаза. Черт, я даже не представлял себе, что может существовать такая боль. Я рухнул на землю, но мне не повезло: я двинулся башкой недостаточно сильно, чтобы лишиться чувств. Я не мог пошевелиться. Я не мог вздохнуть. Я не мог кричать.

А потом я ощутил рядом со мной что-то ледяное. Что-то очень мягкое и очень холодное коснулось моего уха. Сквозь боль я все-таки понял, что это. Губы. Губы Мэб. Королева Воздуха и Тьмы осторожно нанесла ряд поцелуев по внешнему краю моего уха, потом охватила губами мочку и слегка прикусила ее.

В другом ухе послышался приглушенный, напряженный, голодный шепоток Грималкина.

– Смертный грубиян. Что бы ни происходило у тебя в прошлом, что бы ни ожидало тебя в будущем, знай: я – Мэб, и я держу свое слово. Усомнись в моем слове еще хоть раз, обезьяна, и я окончательно заморожу воду в твоих глазах.

Боль с большой буквы «Б» сменилась просто болью, и я стиснул зубы, чтобы не закричать. Я снова мог шевелиться. Я отпрянул от нее, отползая на спине до тех пор, пока не уперся в стену. Я прикрыл глаза руками и буквально услышал, как ломаются перемерзшие ресницы.

С минуту я сидел, пытаюсь совладать с болью, и белая пелена в глазах понемногу сменилась алой, потом черной. Я открыл глаза. Сфокусировать взгляд мне никак не удавалось. Я ощутил на лице что-то мокрое и коснулся этого пальцем. Из глаз текли слезы пополам с кровью.

– Я не принуждала тебя и не посылала своих агентов, чтобы они делали это, – продолжала Мэб так, словно разговор не прерывался ни на мгновение. – Так или иначе, если ты хочешь остаться в живых, ты будешь служить мне. Могу тебя заверить: посланники Летних не успокоятся, пока ты не будешь мертв.

Секунду я молча смотрел на нее, слишком оглушенный болью и – еще в большей степени – страхом.

– Это еще одно яблоко раздора между вами и Титанией?

– Когда одна династия делает ход, другая вынуждена делать ответный, – кивнула Мэб.

– Титания желает смерти Марконе? – прохрипел я.

– Можно сказать и так, – ответила она. – И ее эмиссары будут и дальше пытаться убить тебя. Только ценой спасения жизни Барона ты сможешь сохранить и твою. – Она сделала паузу. – Если, конечно...

– Что – «если»?

– Если только ты не согласишься принять мантию Зимнего Рыцаря, – с улыбкой произнесла Мэб. – В таком случае я буду вынуждена поручить это дело другому эмиссару, а твое участие в нем на данном этапе закончится. – Веки ее томно опустились, а суррогатный голос сде-

лался текучим, бархатным. – Редкие, очень редкие смертные могут похвастаться такой силой, такой властью, такими наслаждениями, какие будут доступны тебе как моему Рыцарю.

Зимний Рыцарь. Смертный воин Зимней династии. Парень, последним занимавший эту должность, насколько мне известно, висел, прикованный ледяными цепями к замерзшему дереву, испытывая невыносимые муки, и каждый раз, когда жизненных сил у него больше не оставалось, его исцеляли – чтобы начать пытку заново. Страдания окончательно лишили его рассудка. Собственно, он и раньше не производил впечатления особенно приятного типа, и все же нельзя подвергать человека, каким бы он ни был, таким мучениям.

– Нет, – сказал я. – Я не хочу закончить так, как Ллойд Слейт.

– В твоих силах прекратить его страдания, – заявила она. – Он жив до тех пор, пока ты не примешь мантию. Прими же мое предложение, дитя чародейки. Освободи его. Сохрани свою жизнь. И познай власть, какой ты еще не испытывал. – Глаза ее как будто сделались больше; казалось, из них струится свет, а голос, хотя и не ее собственный, опьянял подобно наркотику. – Я многому могу тебя научить.

Порядочный человек отверг бы ее предложение мгновенно, не колеблясь.

Я считаю себя приличным человеком. Но не всегда.

Конечно, я могу найти себе какие-нибудь оправдания, если хотите. Могу, например, сказать, что сделался круглым сиротой в шесть лет. Или что вырастивший меня приемный отец подвергал меня таким психологическим и физическим истязаниям, какие вам и не снились. Или что всю свою взрослую жизнь я находился под несправедливым подозрением у Белого Совета, хотя делал все, что в моих силах, чтобы проводить в жизнь его, Совета, идеалы и принципы. Или, возможно, я мог бы сказать, что повидал за свою жизнь слишком много боли и страданий, выпавших на долю хороших людей, или слишком много всякой гадости насмотрелся своим чародейским Зрением. Я мог бы пожаловаться на то, что мне самому доводилось попадаться в когти порождениям ночи и что окончательно оправиться от этого я не смог до сих пор. Я мог бы сказать, что из-за обстоятельств я не вступал в близкие отношения с женщинами уже давным-давно.

И ведь все это чистая правда!

Дело просто в том, что есть часть меня, которая не слишком хороша. Та часть, которая жаждет испепелить моих врагов, пользуясь имеющейся в моем распоряжении силой, которая устала от незаслуженных оскорблений. Тот тихий голос у меня в голове, который советует мне порой забыть обо всех правилах, об ответственности и делать только то, что мне хочется.

На какое-то мгновение я представил себе, каково это – принять предложение Мэб. Жизнь среди сидхе была бы... полной. Во всех смыслах, доступных смертному воображению. Например, почему бы мне не пожить в собственном доме? Черт, в большом доме, а может, даже в замке. Куча денег. Горячий душ ежедневно. Каждый обед – как пир. Я смог бы позволить себе любой прикид, любую тачку. Может быть, смог бы немного попутешествовать. Побывать там, где давно мечтал побывать. На Гавайях. В Италии. В Австралии. Научился бы ходить под парусом – мне всегда этого хотелось.

О, еще женщины – а как же! Горячие, холодные – на любой вкус. Неземной красоты и чувственности, вроде той, что стояла передо мной. Зимний Рыцарь обладает статусом и властью, а для сидхе это мощные возбуждающие средства, действующие на них сильнее, чем на нас, смертных.

Я мог бы получить... да почти все, что угодно.

Все, чего это стоило бы мне, – моя душа.

Нет, я не имею в виду ничего магического или метафизического. Я говорю о сути моей личности, о том, что делает меня собой, Гарри Дрезденом, какой он есть. Если я утрачу это – то, что определяет мою личность, – что тогда останется?

Набор биологических веществ и функций. И горечь утраты.

Я хорошо понимал это. И все равно прикосновение ледяных губ Мэб к моему уху продолжало жечь меня, с каждым вдохом разбегаясь по телу медленными волнами наслаждения. Одного этого более чем хватало, чтобы заставить меня колебаться.

– Нет, Мэб, – произнес я наконец. – Я не хочу этой работы.

Спокойным, тяжелым взглядом она всмотрелась в мое лицо.

– Лжец, – негромко заявила она. – Ты хочешь этого. Я же вижу – хочешь.

Я стиснул зубы.

– Та часть меня, которая этого хочет, не имеет права голоса, – возразил я. – Я не собираюсь принимать ваше предложение. Точка.

Она склонила голову набок и еще раз посмотрела на меня.

– Настанет день, чародей, и ты будешь валяться у меня в ногах и молить, чтобы я даровала тебе мантию.

– Но не сегодня.

– Не сегодня, – согласилась Мэб. – Сегодня ты окажешь мне услугу в счет долга. Как я и говорила.

Мне не хотелось слишком задумываться об этом, но и открыто соглашаться с ней тоже не хотелось. Поэтому я просто кивнул в сторону участка мостовой, где только что находились снежные фигурки.

– Кто похитил Марконе?

– Не знаю. Это одна из причин, по которым я выбрала тебя своим эмиссаром. Ты обладаешь даром находить пропавшее.

– Если вы хотите, чтобы я сделал это для вас, мне придется задать вам несколько вопросов.

Мэб подняла взгляд, словно советуясь с невидимыми за снежной завесой звездами.

– Время, время, время. Неужели ему никогда не будет конца? – Она покачала головой. – Дитя чародейки, час почти прошел. Я должна возвращаться к своим обязанностям – как и ты. Тебе пора встать и немедленно покинуть это место.

– Почему? – осторожно поинтересовался я, вставая.

– Потому что твой маленький вассал, предупреждая тебя об опасности, имел в виду не меня.

Ураганный ветер и буран, бушевавшие на улице за пределами переулка, разом стихли. На противоположной стороне улицы стояли лицом к нам двое мужчин в длинных пальто и широкополых шляпах-стетсонах. Я кожей ощутил давление их взглядов, и мне почему-то показалось, что они удивлены, увидев меня.

Я резко повернулся спросить у Мэб, что это еще такое, и обнаружил, что она исчезла. Грималкина тоже след простыл – причем без малейшего шевеления магических энергий.

Я крутанулся назад как раз вовремя: типы в стетсонах сошли с тротуара и начали пересекать мостовую. Длинными скачками. Оба почти не уступали мне ростом и превосходили сложением. Снег продолжал идти, и вся улица превратилась в ровную белую простыню.

На этой белой простыне отчетливо виднелись оставляемые ими следы заостренных копыт.

– Черт, – выдохнул я и припустил назад по узкому переулку.

Глава 7

При виде моего отступления типы в стетсонах запрокинули головы и что-то пронзительно и блеюще прокричали. Шляпы при этом свалились, и взгляду моему предстали бараньи морды с рогами. Бебеки, чтоб их. Эти, правда, показались мне крупнее, чем те, кто напал на меня в первый раз. Крупнее, сильнее и стремительнее.

И по мере того, как они начинали догонять меня, я заметил еще одну подробность.

Оба достали из-под пальто автоматические пистолеты.

– Только этого еще не хватало, – буркнул я на бегу. – Это нечестно.

Оба открыли по мне беглый огонь, и это мне очень не понравилось. Пусть я и чародей, но пуля в башку разворотит мне мозги точно так же, как любому другому. Еще меньше мне понравилось то, что они стреляли не веером. Попасть в движущуюся цель нелегко даже из автоматического оружия, так что старый добрый метод стрельбы длинными очередями основан на исключительно математических принципах: чем больше выпущено пуль, тем больше шанса во что-нибудь попасть. Но не наверняка.

Бебеки стреляли как профессионалы. Короткими, прицельными очередями – с поправкой, конечно, на то, что стреляли они на бегу.

Что-то врезалось мне в спину чуть левее позвоночника – ощущение было такое, будто меня с размаху ударили костяшкой пальца. Острое и неприятное ощущение. Я пошатнулся – не столько от силы удара, сколько от неожиданности. Тем не менее я продолжал бежать дальше, как можно сильнее втянув голову в плечи. Заговоренный материал моего длинного кожаного плаща выдерживал попадания бебекских пуль, но из этого вовсе не следовало, что какая-нибудь из них напрямую или рикошетом от окружающих зданий не угодит в оставшиеся незащищенными ноги – а это означало бы для меня почти верную смерть. Разве что бебекам пришлось бы приложить для этого чуть больше усилий.

Трудно рассуждать здраво, когда в тебя стреляют. Люди устроены так, что в момент, когда жизнь вот-вот готова оборваться самым что ни на есть неприятным образом, они редко являют собой образец рационального и творческого мышления. Рассудок рассудком, а у тела свои собственные представления о логике выживания, и сводятся они, как правило, к двум установкам: «порвать угрозу в клочки» или «задать стрекача». Разумные мысли в процессе принятия решения участия не принимают – все решают инстинкты.

Однако наши инстинкты складывались довольно долго, так долго, что не в состоянии угнаться за потенциальными угрозами. Убежать от пули нельзя, да и схватываться врукопашную с тем, у кого в руке пистолет, тоже мало смысла, если вы, конечно, не самоубийца. Ни скорость, ни безрассудно-агрессивное поведение не могли мне помочь. Надо было придумать какой-то другой выход.

Еще одна пуля ударила в полу плаща, дернув укрепленную заклятием кожу вперед. Точно так же дернулась бы она от попадания камня, только камни не издают в полете такого злобного жужжания. На бегу я опрокинул мусорный контейнер позади себя в надежде, что он задержит бебек хотя бы на секунду-другую.

Вот видите: приходится-таки действовать рационально и, можно сказать, творчески – даже на бегу по замерзшему переулку, спасаясь от настоящих сказочных персонажей, которые поливают тебя свинцом. Признаюсь, это намного труднее, чем могло бы показаться.

Я не осмеливался оглянуться на них. Я мог бы прикрыться от пуль силовым щитом, но для этого мне пришлось бы остановиться, а у меня не имелось ни малейшей гарантии, что один из них не перемахнет через него, как звезда кун-фу. После чего никто не помешал бы им напасть на меня с двух сторон.

Конечно, если бы я оказался на их месте и проследил меня до этого переулка...

Грохот выстрелов за моей спиной стих, и до меня наконец дошло, что происходит.

Подбегая к дальнему концу переуллка, я вскинул посох, целясь наугад перед собой, и громко сказал:

– Forzare!

Я мог бы рассчитать время чуть лучше. Поток невидимой энергии, сорвавшись с конца моего посоха, тараном устремился вперед. Он угодил в третьего бебеку, когда тот выступил из-за угла, замахнувшись здоровенной дубовой палицей. Попади я в него точнее, и он полетел бы от меня вверх тормашками. Однако удар пришелся ему в правое плечо, вырвав палицу у него из рук и заставив его описать пируэт, которому позавидовал бы любой пьяный.

Я не слишком хорошо разбираюсь в овцах, но с лошадьми дело имел – спасибо моему второму наставнику, Эбинизеру Маккою, на ферме у которого я прожил несколько лет. Мне известно, например, что ноги у них ужасно уязвимы – особенно с учетом того веса, который на них приходится. С лошадиными ногами может случиться множество неприятностей – например, легко может сломаться одна из удивительно хрупких мелких косточек чуть выше копыта. Такая травма способна лишить лошадь подвижности на несколько недель – если не навсегда.

Поэтому, добежав до пытавшегося восстановить равновесие бебеки, я с размаху врезал ему посохом по ноге. Удар получился что надо – будь у меня в руках бейсбольная бита, и то вряд ли вышло бы лучше, – и я услышал резкий характерный треск. Бебека испустил пронзительный животный вопль, полный боли и удивления, и рухнул в снег. Стараясь не сбавлять хода, я миновал его, бегом пересек улицу и устремился к ближайшему углу, пока его дружки не успели снова поймать меня на мушку.

Загоняя дичь, всегда прежде убедитесь, что тот, на кого вы ее гоните, готов с ней справиться.

Я нырнул за угол за считанные доли секунды до того, как пистолеты за моей спиной грянули снова. Пули высекли из кирпичной стены град осколков. В стене рядом со мной виднелась железная дверь – судя по всему, аварийный выход без ручки снаружи. Вряд ли мне удалось бы оторваться от бебек – с их-то скоростью. Я решил рискнуть, остановился и приложил к двери ладонь, отчаянно надеясь, что замок у двери обычный, пружинный, а не какой-нибудь засов.

Хоть в этом мне повезло. Я ощутил механизм замка, сконцентрировался и еще раз пробормотал:

– Forzare.

А затем мысленно потянул ригель от косяка. Замок отворился. Я прыгнул внутрь и захлопнул дверь за собой.

В доме царили темнота, тишина и неожиданное, даже неуютное после уличной холодрыги тепло. Задышавшись, я прислонился головой к двери.

– Хоро-ошая дверь, – прохрипел я. – Умница. Хорошая, крепкая железная дверь, каких боятся эти рогатые твари из Небывальщины.

Я услышал движение за дверью только потому, что прижимался к ней ухом. Негромко хрустнул снег.

Я застыл на месте.

До меня донеслись какой-то шорох и дыхание, напоминающее негромкое конское фырканье. И снова тишина.

Должно быть, секунды три миновало, пока я понял, что бебека с той стороны делает то же самое, что и я: прислушивается в надежде понять, кто там, за дверью.

Нас с ним разделяло не больше пяти-шести дюймов.

И я стоял в полной темноте. Если бы что-нибудь пошло не так и бебеке удалось попасть внутрь, о бегстве я мог бы даже не помышлять. Я не видел ни пола, ни стен, ни каких-либо препятствий, способных преградить путь к бегству. Лестницы, например. Или чего-нибудь ржавого и режущего.

Я замер, не осмеливаясь пошевелиться. Даже стальная дверь не помешала бы бебеке изрешетить меня сквозь нее – при наличии, конечно, достаточно мощных патронов. И потом, никто не говорил мне, что из оружия у него лишь один пистолет. Я как-то видел, с какой легкостью можно проткнуть человека мечом сквозь такую дверь, и зрелище это, признаюсь вам, не из приятных.

Поэтому я стоял, стараясь не производить ни звука и думать по возможности рациональнее.

Кажется, тогда я вспомнил один из тех фильмов про маньяка в маске призрака, в котором парень прижимается ухом к душевой перегородке – точно так же, как это делал я. Таящийся в соседней кабине убийца втыкает нож прямо в ухо своей жертвы.

Мысль эта привела меня в панику, и мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не удариться в слепое бегство. Ухо отчаянно зачесалось. Если бы я не знал, что бебеки стремятся выгнать меня, как кролика из кустов шиповника, мне бы не удалось сохранять спокойствие. Это далось мне нелегко, но я справился.

По ощущениям прошло недели полторы, прежде чем я услышал еще один выдох из нечеловечески больших легких и тихое, едва слышное поскрипывание снега под копытами.

Дрожа от адреналина, усталости и холода, я как можно бесшумнее отодвинулся от двери. Если я хотел выбраться из этой истории целым и невредимым, мне следовало соображать лучше, чем эти рогатые задницы. Бебеке, Мебеке и Ненеке известно, что я спрятался здесь, и они не намерены отказываться от добычи. Один из них сторожит дверь, не давая мне возможности покинуть здание тем же путем, каким я в него попал. Значит, двое других огибают здание в поисках входа.

Одно я знал совершенно точно: оставаться здесь, когда они его найдут, мне не хочется.

Я снял с шеи амулет-пентаграмму, пробормотал заклинание, и он засиял неярким голубым светом.

Я стоял в каком-то служебном коридоре. Голый цементный пол, стены из неокрашенного гипсокартона. Две двери в правой стене и еще одна в дальнем конце коридора. Я приоткрыл первую и заглянул внутрь. Дверь открывалась в помещение, словно щупальцами осьминога окутанное трубами. Бойлерная, а может, вентиляционная камера. Здесь не укроешься.

Следующая дверь оказалась заперта на висячий замок. Не могу сказать, чтобы мне нравилось это делать, но я поднял посох, закрыл глаза, сосредотачиваясь, и выпустил из покрытого рунами деревянного дрына еще один заряд энергии – на этот раз довольно узкий, направленный. Заряд невидимым топором рассек сталь замка и врубился в деревянное полотно. Обломки замка вместе с петлями полетели на пол; металл в месте разлома тускло отсвечивал багровым.

Комната за дверью оказалась, судя по всему, мастерской техника-смотрителя – небольшой, но очень рационально оборудованной. В ней стояли верстак, шкафы с инструментами и ящики с разнообразными принадлежностями – от электролампочек до воздушных фильтров и запчастей для дверей, раковин и унитазов. Я позаимствовал несколько предметов, оставив на верстаке последнюю пару двадцаток из бумажника в качестве извинения. Потом на цыпочках вернулся в коридор и направился дальше вглубь здания.

Следующая дверь тоже оказалась заперта. Ее я вскрыл с помощью лома, позаимствованного из мастерской. Пришлось немного пошуметь.

Сзади из-за стальной двери донесся гортанный звериный рев. Что-то ударило в дверь, но недостаточно сильно, чтобы высадить ее; удар сопровождался болезненным воплем. Я оскалил зубы в недоброй ухмылке.

Дверь открывалась в довольно просторный вестибюль офисного здания. На контрольной панели рядом с дверью, которую я только что взломал, мигал огонек. Судя по всему, я привел в действие охранную сигнализацию здания. Что ж, меня это вполне устраивало. От ближнего полицейского участка нас отделяло не больше квартала, а прибытие наряда с мигалками и

всеми прочими штуками, скорее всего, прогнало бы бебек, заставив их отложить расправу до лучших времен.

Но постойте-ка. Если дом оборудован охранной сигнализацией, я не мог не задействовать ее, входя в первую дверь из переулка, а с тех пор прошло минут пять. Почему до сих пор не появились копы?

Скорее всего, дело в погоде, решил я. Улицы занесены снегом. Куча проводов порвалась, из-за чего в городе наверняка возникли проблемы с электричеством и связью. Дорожные происшествия вызвали пробки на дорогах, а после взрыва принадлежавшего Марконе здания полицейский участок даже в такой поздний час перегружен работой. Вполне естественно, что реакция на вызов запаздывает.

За стеклом входной двери шевельнулась тень, и я разглядел одного из бебек.

В моем распоряжении не оставалось и минуты.

Я сорвался с места прежде, чем сообразил, что делаю, и устремился к лифтам. Опущенная перед дверью решетка не позволила бы бебеке вломиться в вестибюль, но не мешала ему расстрелять меня из пистолета прямо с улицы.

Звук выстрелов напоминал треск разрываемого холста, только в тысячу раз громче. Стекло разлетелось, усыпав помещение осколками. Часть пуль зацепила решетку и, с искрами отрикошетив от нее, заметалась по вестибюлю. Остальные полетели в меня.

Я успел на бегу выбросить левую руку в направлении бебеки и направить заряд воли в браслет-оберег. Висит у меня на руке такая штука: сплав разных металлов и заклятий в форме цепочки, увешанной миниатюрными рыцарскими щитами. Так вот, заряд моей воли активировал наложенные на него при изготовлении заклятия, и между мной и бебекой выстроился почти невидимый, если не считать бледного голубоватого свечения, выпуклый экран защитного поля. Пули ударили в него, и по его поверхности разбежались светящиеся круги – как волны от камня в тихом пруду.

Двери всех трех лифтов были раздвинуты. Я сунулся в ближний ко мне, пробежался пальцами по всем кнопкам от первого до последнего этажа и выскочил обратно. Повторил процедуру со вторым лифтом, затем прыгнул в третий и ткнул в самую верхнюю кнопку. Глупо облегчать бебекам преследование, особенно если каждая выигранная секунда может оказаться критически важной.

Двери кабины закрылись – потом зажужжали и раздвинулись обратно.

– Ох, ну давай же! – громогласно возгласил я и ткнул в кнопку закрытия дверей с такой силой, что поранил большой палец.

Я застонал от боли. Двери, дернувшись, начали смыкаться и тут же с каким-то вялым звоном снова раздвинулись. Я так и продолжал колотить по кнопке, когда бебеки наглядно продемонстрировали свое мнение об охранных системах смертных.

Ясное дело, прикосновение металла губительно для любого обитателя страны фэйри. Ясное дело, они не могли прорваться ни через стальную дверь, ни сквозь решетку на главном входе.

А вот с кирпичными стенами, как выяснилось, все обстояло по-другому.

Последовал оглушительный грохот, и стена рядом с входной дверью взорвалась. Именно так: не рухнула, а взорвалась, когда в нее снаружи ударили со сверхъестественной силой. Осколки кирпича летели, как пули. Керамический горшок с искусственной зеленью разбился вдребезги. Несколько осколков залетели в лифт и отрикошетили от стен. Вестибюль заволокло кирпичной пылью.

Бебека, только что совершивший то, что оказалось не по зубам Большому Серому Волку, ворвался в это облако, выставив вперед свои изогнутые рога. Он сделал шаг или два, трясая головой, потом увидел меня и оглушительно заблеял.

– Черт! – заорал я лифту, еще раз надавив на кнопку. – Ну давай, давай, давай!

И лифт послушался. Кабина начала подниматься в тот момент, когда бебека, опомнившись, вскинул свой пистолет и открыл огонь. Пули пробили относительно мягкий металл лифтовой двери, но я держал свой браслет-оберег наготове, так что в меня не попало ни одной, и я еще успел, уезжая вверх, издевательски расхохотаться.

Воистину верно говорят: нет ничего, что возбуждало бы сильнее выпущенной в тебя и прошедшей мимо пули. Тем более если стрелок – наемный убийца из сказочной страны.

Миновав четырнадцать этажей, я шагнул в темный коридор и в свете поднятого над головой амулета обнаружил выход на кровлю. Дверь оказалась металлическая, с серьезным замком, и открыть ее с помощью лома у меня не было ни малейшего шанса.

Я отступил на шаг, поднял посох и нацелил его на дверь. Было время, когда я выпалил бы в нее со всей дури, сорвав с петель и оставшись при этом без сил. Теперь же я аккуратно прицелился в нижнюю дверную петлю и гаркнул:

– Forzare!

Луч невидимой энергии вроде того, которым я разделался с висячим замком на первом этаже, с негромким треском разрубил петлю. Я повторил это с двумя остальными петлями, потом с помощью лома выдавил дверь из рамы и выбежал на крышу.

Здесь дул довольно сильный ветер, несмотря на относительно тихую ночь. Впрочем, городские небоскребы даже слабый ветерок усиливают почище аэродинамической трубы, а я находился довольно высоко над уровнем земли. Ветер надул плащ как хороший парус, и мне пришлось наклониться ему навстречу. Хорошо, что снега на крыше лежало немного, не считая тех мест, где из нее выступали архитектурные детали, мешающие ветру. Там снег доходил мне до колена.

Несколько секунд у меня ушло на то, чтобы сориентироваться. Поднявшись на высоту четырнадцати этажей, вы получаете вид на улицы и здания, отличный от того, к которому привыкли на земле. Я прикинул, с какой стороны дома я в него заходил, и поспешил туда в поисках пути к бегству, который я заметил еще тогда.

Это были не пожарные лестницы, украсившие боковые фасады здания своей ржавеющей паутиной. Эти штуковины чертовски гулкие, и бебеки наверняка взяли их под контроль. Вместо этого я перегнулся через парапет и окинул внимательным взглядом нишу в кирпичной стене. Она тянулась на всю высоту здания – этакий желоб шириной три фута и глубиной два. Они располагались на каждом углу здания – наверное, для красоты.

Не могу сказать, чтобы я совсем не дрейфил. Четырнадцать этажей вниз – совсем не то же самое, что четырнадцать этажей вверх, особенно если не пользоваться лифтом или пожарной лестницей. К тому же я заметил на стене здания поблескивающую корку наледи.

Еще мгновение я колебался. Придуманый мною план сразу показался мне не слишком разумным. Собственно, на меня работало еще и то, что бебек на этот раз было всего трое. Один держал под прицелом лифты. Еще один следил за пожарными лестницами. Таким образом, на активное преследование оставался только один бебека. Я не знал, как быстро доберется он до кровли, но почему-то не сомневался, что это произойдет довольно скоро.

Идея просто-напросто столкнуть бебеку с крыши зарядом из моего посоха обладала несомненной привлекательностью, но я решил не делать этого. Падение с четырнадцатого этажа могло только взбесить бебеку до предела, к тому же наверняка выдало бы мое местоположение. Лучше тихо улизнуть, оставив их в убеждении, что я продолжаю прятаться где-то в доме.

Поэтому я перебрался через парапет, прямо на ветер. Нос и пальцы онемели почти мгновенно. Я постарался не обращать на это внимания и свесил ноги, упершись ими в кирпичные стенки ниши. Потом с отчаянно бьющимся сердцем соскользнул с парапета, так что мой вес теперь приходился на ноги, и только распор их не давал мне грохнуться вниз, на тротуар. Опустившись чуть ниже, я смог упереться в стенки еще и предплечьями, что немного убавило нагрузку на ноги.

Вряд ли я смогу описать в точности, что я испытывал, глядя вниз. Правда, время от времени землю от меня закрывали снежные вихри. Начав путешествие с крыши, я уже не мог вернуться. Одна ошибка, одно неверное движение, один неожиданный клочок льда – и я смело мог бы записать в список своих инкарнаций понятие «лепешка».

Изо всех сил упершись предплечьями в стенки, я ослаблял усилие в ноги, позволяя им сползти на несколько дюймов ниже, после чего фиксировал их и передвигал вниз руки. И еще раз. И еще.

Так я и спускался – коротенькими отрезками по пять-шесть дюймов, двигаясь по кирпичной канавке в стиле червя. Я одолел футов десять спуска, а потом представил себе навязчивую картинку: бебеку, наставляющего на меня пистолет с расстояния в несколько футов и небрежно выпускающего мне в башку всю обойму.

Я начал спускаться быстрее. Желудок сводило судорогой от высоты и страха. Я слышал собственные жалкие всхлипы – хорошо, что негромкие. Ветер завывал, швыряя снег мне в глаза. На ресницах образовался иней. Плащ почти не защищал от ветра, и я начал непривольно дрожать.

Посох я потерял, когда до земли оставалось футов пятьдесят. Он просто выскользнул из моих заоченевших пальцев, и я затаил дыхание. Стук от его падения мог привлечь внимание бебек, в результате чего вся моя затея с этим безумным способом бегства разом потеряла бы смысл.

Однако тяжелый дубовый дрын упал в сугроб и бесшумно исчез из виду. Я постарался последовать за ним, только не так быстро.

Я не поскользнулся до тех пор, пока до земли не осталось около десяти футов. Да и тогда я ухитрился приземлиться более-менее мягко – по большей части потому, что плюхнулся в тот же сугроб, который поглотил мой посох. Я начал выбираться из него и чуть не упал, запутавшись ногами в посохе. Я подобрал его почти утратившими чувствительность руками и выбрался на тротуар.

Светящийся шар мелькнул в дальнем конце переулка, скрылся, появился снова и устремился ко мне.

Лицо Тук-Тука показалось мне непривычно хмурым, даже суровым. Он нырнул ко мне, на лету приложив к губам пальчик. Я кивнул.

– Мне нужно знать, как отсюда выбраться, – беззвучно, одними губами произнес я.

Светящийся шар Тука подпрыгнул в знак согласия и унесся прочь. Я поднял взгляд. По небу метались другие шары мерцающего света – светлячки, которых и не заметить, если не знать, что искать. Ожидая Тука, я принял необходимые меры предосторожности.

Как и прежде, ждать пришлось недолго. Тук отсутствовал меньше минуты и, вернувшись, махнул мне рукой. Он летел первым, а я старался не отставать. Мне становилось все холоднее. Падение в сугроб запорошило меня снегом, который начал таять, а в такую погоду мокрая одежда хуже всего. Мне необходимо было шевелиться. Смерть от переохлаждения, возможно, уступает по зрелищности расстрелу в упор, но мне еще предстояла серьезная работа.

Добравшись до дальнего конца переулка, я услышал далекий, приглушенный снегом и ветром блеющий голос бебеки. Я оглянулся и успел увидеть, как он спустился с крыши тем же путем, что и я, только гораздо быстрее.

Мгновение спустя до меня донесся полный боли вопль – это бебека, спустившись на землю, обнаружил, что в снегу щедро разбросаны гвозди, позаимствованные мною из мастерской. Вопль не стихал несколько секунд. Должно быть, один из гвоздей застрял у бебеки в копыте, и я, несмотря на холод и усталость, не смог удержаться от мстительной ухмылки. Вряд ли этому типу светили в ближайшее время эльфийские танцы при луне.

Что ж, двое бебек уже охромели по моей милости, и я очень надеялся, что это заставит их отказаться от дальнейшего преследования – по крайней мере, временно. Впрочем, кто

их, бебек, знает. Я старался не отставать от Тука, уводившего меня глухими переулками все дальше от посланников Летних. Вокруг меня, охраняя с флангов, метались туда-сюда маленькие рождественские огоньки – гвардия Ца-Лорда бдительно несла свою вахту.

В нескольких кварталах от места, где мне удалось оторваться от бебек, я обнаружил работавший круглосуточно продуктовый магазин и ввалился внутрь, в блаженное тепло. Продавец недоверчиво косился на меня, пока я, пошатываясь, рылся в карманах в поисках мелочи, бросил ее на тарелочку у кассы и переместился к стойке кафетерия. Только после этого продавец, похоже, убедился в том, что ему не нужно доставать из-под прилавка дробовик или что там у него лежало, и принялся снова глазеть в темное окно.

По магазину шаталось еще несколько покупателей, и я увидел в окно, как по улице, рассекая снег, проехала полицейская машина – скорее всего, наряд выехал проверить сработавшую в доме сигнализацию. Славное, людное место. Возможно, безопасное. Я так замерз, что с трудом удерживал в руках бумажный кофейный стаканчик. Кофе обжег мне язык, но все равно был восхитителен – даже без сливок. Я сделал большой глоток и ощутил, как к телу понемногу возвращаются чувства.

Я постоял немного со слипающимися глазами и допил кофе. Потом скомкал стаканчик и бросил его в мусорное ведро.

Кто-то похитил Джона Марконе, и я должен был найти и спасти его. У меня складывалось ощущение, что Мёрфи вряд ли придет в восторг от подобной перспективы. Адские погрешности, это мне и самому совсем не нравилось. Но не это тревожило меня больше всего.

Больше всего меня тревожило то, что во всем этом была замешана Мэб.

Для начала, на кой черт она вообще заставила Грималкина говорить за себя? Если не считать того, что таким образом она производила еще более пугающее впечатление, чем обычно. О, конечно, на вид Мэб держалась достаточно откровенно, но на деле происходило гораздо больше, чем она говорила.

Например, Мэб сказала, что посланные Летними убийцы напали на меня, потому что она выбрала меня своим эмиссаром. Однако для этого ей пришлось бы сделать выбор давным-давно, по крайней мере за некоторое время до того, как бебеки напали на меня во дворе дома Карпентеров.

А это произошло за несколько часов до того, как нехорошие парни похитили Марконе.

Кто-то разыгрывал партию, это точно. Кто-то о чем-то умалчивал.

У меня складывалось еще менее приятное ощущение, что, если я не выясню, кто это делает, зачем и как, Мэб выкинет меня в мусорное ведро, как я только что выкинул использованный бумажный стакан.

Скомкав предварительно, разумеется.

Глава 8

Широкий приземистый пикап армейского вида прохрустел шинами по снегу и остановился у маленькой продуктовой лавки. Фары светили прямо в дверь. Я сощурил глаза, глядя против света. После секундной паузы дважды коротко взревел гудок «хаммера».

– О, да вы, наверно, шутите, – буркнул я, проковылял к двери и вышел на улицу, к пикапу. Тот совершенно сливался с ночным окружением.

Окошко со стороны водителя опустилось, и я увидел молодого человека, каких отцы несовершеннолетних дочерей отстреливают без предупреждения. В первую очередь бросались в глаза бледность лица и глубоко посаженные серые глаза. Длинные, чуть выющиеся волосы имели как раз такую длину, какая ассоциируется обычно с таким чуть равнодушным бунтарством, и были всклокочены с такой же небрежной безупречностью. Одежду его составляли черная кожаная куртка, белая рубашка – и то и другое по отдельности дороже, чем любые два предмета моей домашней обстановки. Резко контрастируя с ними, из-под воротника куртки виднелся неумело связанный шарф из толстой белой пряжи. Смотрел водитель прямо перед собой, так что я видел только его профиль, но почему-то я не сомневался, что другая, невидимая мне половина рта кривится в ухмылке.

– Томас, – кивнул я ему. – Будь на моем месте кто-то мелочнее, он бы тебя возненавидел. Он ухмыльнулся, уже не скрываясь.

– Кто-нибудь мелочнее тебя? – На последнем слове он закатил глаза, и лицо его приобрело абсолютно нейтральное выражение, которое и сохранялось на протяжении нескольких секунд. – Голод мне в глотку, Гарри, у тебя вид как у...

– Как после десяти миль бездорожья?

Он натянуто улыбнулся:

– Мне предстоит поездка в обществе енота?

– Добрый ты. Вот уж спасибо.

– Садись.

Он разблокировал пассажирскую дверь. Я медленно забрался в салон, как-то особенно остро ощущая все свои болячки... особенно жгучую пульсирующую боль в моем сломанном носу. Не глядя я швырнул посох в заднюю часть кабины этого монстра и даже удивился, не услышав гулкого грохота. Потом пристегнул ремень. Томас тронул машину с места. Он внимательно вглядывался в снегопад – не иначе как остерегаясь ненароком пересечь какую-нибудь мелкую легковушку.

– Болит, наверное? – предположил он, помолчав минуту.

– Только на выдохе, – проворчал я. – Почему ты так задержался?

– Ну, сам представь, как мне нравится, когда меня вытаскивают из постели посреди ночи, чтобы исполнять обязанности шофера у ворчливых сыщиков-неудачников. Да еще в такой снег и гололед. Такое не слишком, скажем так, окрыляет.

Я хмыкнул – человек, хорошо со мной знакомый, мог бы принять этот звук за подобие извинений.

Томас знает меня хорошо.

– Что происходит?

Я все ему рассказал.

Томас приходится мне единоутробным братом. Собственно, он единственная моя родня. Ему можно.

Он внимательно меня выслушал.

– А потом, – завершил я, – мне довелось прокатиться на грузовике-монстре.

Рот Томаса дернулся в быстрой ухмылке.

– Убойная тачка.

Я хмуро осмотрел салон:

– Скажи, свет от телеэкрана доходит до заднего сиденья за час – или чуть меньше?

– Какая разница? – хмыкнул Томас. – У них там свой монитор.

– Это хорошо, – кивнул я. – Только тебе придется подождать немного с их использованием.

Томас испустил театральный вздох.

– Почему именно я?

– Потому что, если я хочу отыскать Марконе, начинать лучше всего с его окружения. И если до них дойдет слух о том, что он пропал, неизвестно, как они могут отреагировать на мое присутствие. Поэтому ты будешь прикрывать меня со спины.

– А что, если мне дела нет до твоей спины?

– Есть, – безжалостно отрезал я. – Ты родня или где?

– Уел, – признался он. – Только что-то я не очень уверен, что ты хорошо все продумал.

– Пытаюсь думать в процессе.

Томас покачал головой:

– Слушай, ты же знаешь, я не люблю лезть к тебе с советами.

– Сегодня, насколько я понимаю, исключение, да?

– Марконе не ребенок, – вздохнул Томас. – Он добровольно подписал договор. Он знал, во что собирается ввязаться.

– И что? – пожал плечами я.

– Он сам, добровольно сунулся в джунгли, – ответил Томас, напряженно вглядываясь в снежную мглу. – Образно говоря.

– Значит, – хмыкнул я, – он сам застелил себе кроватку, а я должен позволить ему лечь в нее?

– Что-то в этом роде, – кивнул Томас. – И не забывай: ни Мёрфи, ни полиция не помогут тебе в этой кампании под лозунгом «Спаси короля мафии».

– Знаю, – согласился я. – Я бы и сам с удовольствием постоял в стороне и посмотрел, что выйдет. Но дело ведь не только в Марконе.

– Тогда в чем?

– Мэб дерет с меня шкуру живьем, если я не сделаю, как она хочет.

– Да ладно, Гарри, – возмутился Томас. – Ты же не думаешь на самом деле, что мотивации и планы Мэб настолько просты и прямолинейны. – Он добавил оборотов дворникам «хаммера». – Марконе нужен ей не просто так. Вполне возможно, ты окажешь ему не лучшую услугу, если спасешь ради прихоти Мэб.

Я промолчал, хмуро глядя в ночь.

Он поднял руку, разминая пальцы.

– И это, заметь, если исходить из того, что он еще жив и здоров. Это во-первых. – Он загнул палец. – Во-вторых, тебе еще нужно найти его. В-третьих, тебе нужно суметь вытащить его живым. И в-четвертых, не забывай, что противная сторона будет делать все, что в их силах, чтобы покалечить или убить тебя.

– К чему ты клонишь? – поинтересовался я.

– К тому, что ты ведешь игру против опасной шайки, не имея при этом ни малейшего представления, прикроет ли Мэб твою задницу, если до этого дойдет дело. – Он покачал головой. – С твоей стороны было бы куда разумнее смыться из города. Отправиться куда-нибудь в теплые края на пару-тройку недель.

– Мэб может принять это, так сказать, близко к сердцу, – заметил я.

– Мэб женщина деловая, – возразил Томас. – Извращенка, псих, это да, но деловая. Расчетливая. И до тех пор, пока ты представляешь для нее интерес в качестве потенциального рекрута, сомневаюсь, чтобы она преждевременно устранила тебя.

– Очень ободряющая мысль. Мне нравится. Может, ты и прав – если только, выражаясь твоими словами, Мэб не ведет свою игру с неполным составом шайки. Что, собственно, все нагляднее показывают события последних лет. – Я мотнул головой в сторону окошка. – И мне кажется, что у меня было бы еще больше неприятностей с бебеками, если бы не эта чертова метель. Если я слиняю в Майами или в другое теплое место, я подставлюсь агентам Летних гораздо сильнее – а ведь они только этого и ждут.

Томас нахмурился и промолчал.

– Я могу бежать, но не спрятаться, – сказал я. – Лучше встретиться с этим лицом к лицу здесь, на своей территории, где я, можно сказать, могу расслабиться. – Я широко и искренне зевнул. – А не ожидать в любую минуту нападения потусторонних громил то одной династии, то другой – чтобы те расчленили меня на закате после того, как я столько от них бегал.

– А что Совет? – поинтересовался Томас. – Ты ведь уже довольно давно носишь серый плащ. И сколько раз ты доказывал свою преданность им в бою?

Я мотнул головой:

– Как раз сейчас у Совета резервов до опасного мало. Возможно, открытых боев с Красной Коллегией в настоящий момент и нет, но Совету и Стражам потребуется не один год, чтобы полностью восстановить силы. – На мгновение я невольно стиснул зубы. – И за последние несколько лет объявилось много, слишком много чернокнижников. Стражи работают в три смены, чтобы обуздать это явление.

– Ты имеешь в виду, чтобы убить их, – уточнил Томас.

– Я имею в виду, чтобы убить их. Большинство из них подростки, понимаешь? – Я тряхнул головой. – Лючко знает, что я думаю на этот счет. Она отказывается поручать такие дела мне. Из чего следует, что грязная работа достается другим Стражам. Я не хочу грузить их еще больше, втягивая в эту заваруху.

– Меня ты грузить не побоялся, – заметил Томас.

Я фыркнул:

– Их-то я уважаю.

– Ну, хоть это мы прояснили, – сказал он.

Мы объехали снегоочиститель. Он зарылся в глубокий сугроб, напоминая стального персонажа «Ледникового периода», увязшего в асфальтовой трясине. К некоторому моему удивлению, Томасов «хаммер» медленно, но уверенно одолел снежный завал.

– Да, кстати, – покосился на меня Томас. – Куда ты собираешься дальше?

– Сначала главное, – буркнул я. – Мне нужно поесть.

– Тебе нужно поспать.

– Тик-так. Всему свое время. Пока хватит и еды, – настаивал я. – Вон, смотри, «Ай-Хоп».

Он осторожно повернул свою махину к сияющей неоновой вывеске.

– А потом?

– Буду задавать людям разные несущественные вопросы, – ответил я. – В надежде получить существенные ответы.

– При условии, что тебя при этом никто не укокошит, – добавил он.

– Именно поэтому я и захватил с собой личного вампира-телохранителя.

Томас остановил «хаммер» поперек трех парковочных мест на маленькой, совершенно пустой стоянке перед блинной.

– Нравится мне твой шарф, – заметил я и сделал попытку принюхаться. Нос болел, но я все же уловил благословенный аромат ванили и клубничного джема. – Это она тебе связала?

Томас молча кивнул. Одета в кожаную перчатку рука его коснулась мягкой вязаной ткани. Лицо его немного погрузтело. Я сразу же пожалел, что упомянул о Жюстине, навсегда утерянной для брата возлюбленной. Теперь до меня дошло, почему он дотрагивался до ее подарка в перчатках: если этот шарф связан ею в знак любви к Томасу, он просто не мог касаться его открытой кожей. Шерсть обожгла бы его не хуже раскаленного железа. Поэтому он носил шарф, чтобы ощущать аромат ее рук, ее любви, но не смел притронуться к самому подарку.

Каждый раз, когда мне кажется, что моя личная жизнь в глубокой заднице, я смотрю на своего брата и понимаю, что бывает и хуже. Много хуже.

Томас покачал головой, вырубил двигатель, и мы немного посидели в тишине.

Поэтому я хорошо услышал низкий мужской голос, прозвучавший за окном машины.

– Не шевелитесь, оба. – Послышался характерный звук передергиваемого магазина помпового дробовика. – А то убью.

Глава 9

Когда на вас нацелено ружье, у вас имеются два варианта: или действовать быстро и неожиданно для противника в надежде, что вам повезет, или застыть неподвижно в надежде договориться. С учетом того, что для бегства или борьбы у меня было маловато пространства, я выбрал вариант «Б» и застыл как изваяние.

– Полагаю, – с надеждой в голосе поинтересовался я, – у тебя не полноценная армейская модель?

– У нее сиденья с индивидуальным подогревом и си-ди-чейнджер на шесть дисков, – отозвался Томас.

Я нахмурился:

– Это, конечно, на порядок приятнее и круче, чем всякая ерунда вроде брони и пуленепробиваемых стекол.

– Эй, – обиделся Томас. – Я не виноват, что у тебя специфические запросы.

– Гарри, – произнес человек с дробовиком. – Будьте добры, поднимите правую руку.

Я удивленно заломил бровь. В обычный лексикон мордоворотов, приставляющих к вашей голове ружья, редко входят вежливые обороты вроде «будьте добры».

– Хочешь, я его убью, – едва слышно предложил Томас.

Я чуть заметно мотнул головой и поднял руку с растопыренными пальцами.

– Поверните ее, – произнес мужчина на улице. – Покажите мне запястье с внутренней стороны.

Я повиновался.

– Ох, слава богу, – выдохнул голос.

До меня наконец дошло. Я повернул голову к окну.

– Привет, Хват, – сказал я сквозь стекло. – Это у вас дробовик мне в башку нацелен или вы просто рады меня видеть?

Хват – стройный молодой человек среднего роста. Волосы у него серебристо-белые, шелковистые, и хотя красавцем этого парня не назвать, есть в его не особенно примечательных чертах некая спокойная уверенность, придающая ему определенную привлекательность. Нынешний Хват очень отличается от того нервного тощего юнца, каким я увидел его впервые несколько лет назад.

Одет он был в джинсы и зеленую шелковую рубаху – ничего больше. Ему полагалось бы мерзнуть, но этого явно не происходило. Густой снегопад просто огибал его стороной. Снежинки каким-то образом находили путь к земле, минуя его фигуру. К плечу его прижимался прикладом дробовик с длинным стволом, на поясе висел меч.

– Гарри, – произнес он ровным, лишенным враждебности голосом. – Мы можем спокойно переговорить?

– Могли бы, – отозвался я, – если бы вы не начали с тыканья мне в лоб своей пушкой.

– Неизбежные меры предосторожности, – вздохнул он. – Мне необходимо было убедиться, что вы не приняли предложения Мэб.

– И не стал новым Зимним Рыцарем? – спросил я. – Хват, вы же могли просто спросить меня.

– Стань вы одним из подручных Мэб, – возразил Хват, – и вы солгали бы мне. Это изменило бы вас. Превратило бы в слепое орудие ее воли. Я не смог бы вам доверять.

– Вы же сами Летний Рыцарь, – отозвался я. – И я поневоле вынужден задуматься, не наложило ли это на вас такого же отпечатка. Похоже, Летние последнее время не слишком довольны мною. Как знать, может, вы тоже всего лишь орудие чьей-то воли?

Хват смерил меня взглядом поверх ствола, потом резко опустил дробовик:

– Туше.

Словно ниоткуда, в руке у Томаса возник полуавтоматический пистолет, размером вполне подходящий к его тачке, и мой брат прицелился Хвату в лоб прежде, чем тот успел договорить.

Взгляд у Хвата расширился.

– Ох, черт.

Я вздохнул и осторожно забрал пистолет у Томаса.

– Ну, ну. Не будем создавать у него ложного впечатления о характере нашей беседы.

Хват с облегчением перевел дух:

– Спасибо, Гарри. Я...

Я направил ствол пистолета в лоб Хвату, и он застыл с разинутым ртом.

– Бросьте дробовик, – приказал я ему, даже не пытаясь изобразить дружелюбие.

Он сжал губы, но подчинился.

– Шаг назад, – скомандовал я.

Он послушно отступил на шаг.

Я выбрался из машины, ни на мгновение не опуская пистолета. Осторожно нагнувшись, я подобрал дробовик и, не оборачиваясь, протянул его назад, Томасу. Потом молча заглянул в лицо седоволосому Летнему Рыцарю. Бесшумно падал снег.

– Хват, – негромко произнес я, выждав небольшую паузу. – Я понимаю, в последнее время вы проводите кучу времени, вращаясь в сверхъестественных кругах. Я понимаю, такие старомодные штуки, как пистолеты и ружья, уже не воспринимаются вами в качестве серьезной угрозы. Я понимаю, что вы, возможно, хотели просто продемонстрировать серьезность своего подхода и что мне полагалось бы воспринимать весь ваш арсенал в качестве антуража для переговоров, не более. – Я прищурился на мушку Томасова пистолета. – Но вы переступили черту. Вы целились из ружья мне в голову. Друзья так не поступают.

Тишина. Снегопад.

– Нацельте оружие на меня еще раз, – так же тихо продолжал я, – и вам, черт подери, лучше нажать на спусковой крючок сразу. Вы меня поняли?

Хват прищурился и кивнул.

Я дал ему еще полюбоваться пару секунд на дырку ствола, потом опустил пистолет.

– Холодно, – сказал я. – Чего вы хотели?

– Я пришел предупредить вас, Гарри, – ответил Хват. – Мне известно, что Мэб назначила вас своим эмиссаром. Вы не знаете, во что ввязываетесь. Я пришел посоветовать вам держаться от всего этого подальше.

– Или что?

– Или вам будет больно, – тихо ответил Хват. Голос у него звучал устало. – Может, вас убьют. И пострадает куча случайных людей. – Он поднял руку и поспешно продолжил: – Пожалуйста, поймите меня. Я не угрожаю вам, Гарри. Я просто говорю вам, какие могут быть последствия.

– Я бы гораздо легче поверил вам, если бы вы не начали разговор, угрожая убить меня, – заметил я.

– Прошлый Летний Рыцарь погиб от руки своего Зимнего коллеги, – ответил Хват. – Собственно, большинство их погибали именно таким образом. Если вы примете предложение Мэб и поступите к ней на службу, у меня не будет ни малейшего шанса выстоять против вас в открытом бою, и мы оба это прекрасно понимаем. Я сделал то, что сделал, для того, чтобы предупредить вас, защитив при этом себя.

– О, – кивнул я. – Значит, это был предостерегающий дробовик. Это меняет дело.

– Черт подери, Дрезден, – сказал Хват. – Что мне сделать, чтобы вы меня выслушали?

– Вести себя более доверительным образом, – ответил я. – Например, в следующий раз, когда вы узнаете, что громилы Летних собираются устроить на меня наезд, вы можете позвонить мне и хотя бы намекнуть об этом.

Хват поморщился. Лицо его дернулось от видимого усилия. Когда он заговорил, зубы его остались крепко сжатыми, но я с некоторым усилием смог разобрать слова.

– Хотелось бы.

– Ох, – выдохнул я. Изрядная часть моего гнева разом испарилась. Оно и к лучшему: Хват не из тех, на кого стоит злиться. – Идти на попятный уже не получится.

Он с усилием вдохнул воздух и понимающе кивнул:

– Мэб знает, за какое место вас держать.

– Пока знает.

Он одарил меня не слишком радостной улыбкой.

– Она не из тех, кто отпускает на волю тех, кого хочет заполучить.

– А я не из тех, кого легко заполучить, – возразил я.

– Возможно, – не очень убежденно согласился Хват. – Вы уверены, что не передумаете?

– Нам с ней придется прийти к соглашению насчет отсутствия соглашения.

– Господи Иисусе. – Хват отвел взгляд. – Не хотелось бы мне схлестнуться с вами, Дрезден.

– Так и не схлестывайтесь.

Он молча, с серьезным выражением лица смотрел на меня.

– Я тоже не могу идти на попятный. Вы мне нравитесь, Гарри. Но я ничего не могу вам обещать.

– Мы играем в разных командах, – кивнул я. – Ничего личного. Просто придется делать то, что мы должны делать.

Хват кивнул.

Некоторое время мы оба молчали.

Потом я взял у брата дробовик, положил на снег, кивнул и полез обратно в Томасов пикап. Тяжелый полуавтоматический пистолет я протянул брату. Хват не спешил поднять дробовик.

– Гарри, – произнес он, когда «хаммер» уже тронулся с места. Рот его дернулся несколько раз, но он справился. – Не забывайте листок, который дала вам Лилия.

Я нахмурился, но кивнул.

Томас вырулил со стоянки и повел пикап дальше. Поскрипывали дворники. Хрустел под шинами снег. Ровный белый шум.

– Ладно, – произнес Томас. – Что все это значит? Подразумевается, что этот парень – друг, а он в тебя стволом тычет. В какой-то момент мне казалось, ты врежешь ему пистолетом по физиономии. А потом ты как-то разом скис.

– Можно сказать и так, – устало кивнул я.

– Ты понимаешь, о чем я.

– На него наложено заклятие, Томас.

Томас нахмурился:

– Лилия поставила ему в мозг блокировку?

– Сомневаюсь, чтобы это сделала она. Не в ее стиле.

– Тогда кто?

– Я бы ставил на Титанию, Летнюю Королеву. Если она приказала ему держать рот на замке и не помогать мне, у него нет ни малейшей возможности послушаться. Возможно, именно поэтому он явился вооруженным и пытался задеть меня. Он не мог бы поговорить со мной откровенно, но если он угрожал мне в рамках дальнейших планов Титании, это могло позволить ему обойти заклятие.

– Мне это представляется не слишком убедительным. Ты ему веришь?

– Титания уже проделывала такое с ним. И она искренне меня не любит.

– Что ж, такое случается, если убиваешь чью-то дочь, – заметил Томас.

Я устало пожал плечами. Сочетание боли, холода и многочисленных всплесков адреналина измотало меня гораздо сильнее, чем мне казалось. Я не смог удержать еще одного зевка.

– О чем это он сказал, когда мы трогались?

– А, – пробормотал я. – После той заварухи в Арктис-Торе Лилия дала мне серебряную заколку в форме дубового листа. Это превращает меня в эскайдера Летних. Предположительно, я могу воспользоваться им, чтобы призвать Летнюю династию на помощь. Это у них такой способ восстанавливать равновесие после всего, что мы натворили.

– Что ж, иметь должника за оказанную услугу никогда не помешает, – согласился Томас. – Она у тебя с собой?

– Угу, – кивнул я.

Заколка и впрямь лежала во внутреннем кармане моего плаща, в маленькой коробочке из-под кольца. Я достал ее и продемонстрировал Томасу.

Он присвистнул:

– Тонкая работа. Красотища.

– Сидхе знают толк в красоте, – согласился я.

– Возможно, ты мог бы воспользоваться ею, чтобы они от тебя отстали?

– Если бы все было так просто, – фыркнул я. – Титания может решить, что лучший способ помочь мне – это сломать мне спину, парализовав ниже пояса и уложив в больничную койку. Опять-таки это избавит бебек от необходимости меня убивать.

Томас скептически хмыкнул:

– Тогда почему Хват упомянул о ней?

– Может, ему приказали, – предположил я. – Может, Титания надеется, что я обращусь за помощью, и тогда ей представится возможность лично меня раздавить. А может...

Я позволил себе осесть и помолчать, пока с силой пинал свой и без того избитый за день мозг, чтобы он хоть немного варил.

– А может, – сказал я наконец, – потому что он хотел предупредить меня об этом. Бебеки уже дважды меня находили, а ведь физически они меня не преследуют и не отслеживают. Ни то ни другое место не относится к числу тех, где я обычно пребываю. И каким образом, интересно, нашел меня сам Хват, да еще в разгар метели? Наверняка не шатаясь наугад у первой попавшейся блинной.

Глаза у Томаса расширились: до него дошло.

– Это маяк для слежки.

Я смерил серебряный листок угрюмым взглядом.

– Титания, – произнес я ворчливо, но все-таки не без восхищения. – Вот ведь хитрая сучка!

– Черт, – признался Томас. – Мне теперь даже неловко, что я на этого жука пистолет наставлял.

– Мне бы, возможно, тоже было неловко, – согласился я, – если бы не тот факт, что Хват начинает вести себя так же по-жучьи и по-лисьему, как остальные сидхе.

– Лучше избавься от этой штуки, – буркнул Томас. – Пока их не набежало еще больше.

Он нажал на клавишу, опускавшую окошко со стороны пассажира. Спрятанный в двери моторчик кашлянул и задребезжал, прежде чем рывком дернуть стекло вниз. Чародеи неважно сосуществуют с техникой. Для суперсовременного оборудования я просто живое воплощение закона Мёрфи – чем дольше я находился в блестящем Томасовом нефтеналивном танкере, тем больше его устройств могло испортиться.

Я поднял листок, чтобы выкинуть его в окно, но что-то остановило меня.

– Нет, – пробормотал я.

Томас удивленно покосился на меня:

– Нет?

– Нет, – уже уверенно повторил я, сжав пальцы вокруг предательского серебряного листика. – У меня есть идея получше.

Глава 10

Когда я закончил наконец работу над закланием, которое, по моим расчетам, заставит бебек изрядно попотеть, и устало выбрался из лаборатории, Томас сидел у камина. Мышь, мой пес-переросток, лежал у его ног, и на его серебристой шерсти играли багровые отблески огня. Мышь с интересом наблюдал за манипуляциями Томаса.

Мой брат сидел на полу, скрестив ноги по-турецки, и раскладывал на чистом куске ткани детали моего разобранного пистолета. Рядом на полу лежали щетка, бумага для чистки и стояла бутылочка ружейного масла.

Мистер, еще один из живущих у меня переростков, только кот, дождался мгновения, когда я подниму крышку люка в полу гостиной, и, проскользнув мимо меня, нырнул в подвал.

– Задай им жару, тигрище, – бросил я ему вслед. – Пусть побегают, не жалея копыт.

Оставив люк открытым, я доплелся до дивана и рухнул на него. Мышь мягко стукнул хвостом по полу.

– Ты в порядке? – поднял взгляд Томас.

– Устал, – признался я. – Сложное заклание.

– Ну-ну, – хмыкнул он, глядя на свет сквозь ствол пистолета. – Какое здание на этот раз ты сжег дотла?

– Сожгу твою берлогу, если не перестанешь задавать дурацкие вопросы, – отозвался я. – Дай мне минуту перевести дух, и поедем.

Томас бросил на меня внимательный, оценивающий взгляд.

– Мне все равно нужно еще минуты две, если не пять. Когда ты последний раз чистил эту штуковину?

– Эм... Кто у нас сейчас президент?

Томас неодобрительно пощипал зубом и вернулся к чистке.

– Дай мне знать, когда созрешь выходить.

– Мне и минуты хватит, – сказал я. – Только дух перевести.

Когда я проснулся, из окон моей полуподвальной квартиры лился неяркий утренний свет, а шея болела так, будто все кости в ней сварены неопытным сварщиком. Все синяки и ссадины, что я последовательно получил на протяжении минувшей ночи, вступили в стовор с целью насильственного захвата контроля над моей нервной системой. Я застонал и с трудом повернул голову, оглядываясь по сторонам.

Томас сидел, прислонившись спиной к стене у камина, расслабленный и невозмутимый, как любой тигр. Его и мой пистолеты, а также кривой нож-кукри, который он в последнее время предпочитал остальным клинкам, лежали в непосредственной близости от его руки.

Что-то с грохотом упало на пол с одной из полок или рабочих столов в лаборатории. До меня донесся стук лап Мистера по металлической поверхности центрального стола.

– Чего ты ухмыляешься? – поинтересовался брат.

– Мистер, – коротко ответил я.

– Он все утро предметы роняет, – сообщил Томас. – Я хотел запереть его, пока он ничего не разбил, но череп сказал, чтобы я оставил его в покое.

– Угу, – кивнул я, с усилием поднялся на ноги и побрел к маленькому алькову, который служит мне подобием кухни. Найдя в шкафу пузырек аспирина, я кинул в рот несколько таблеток и запил их стаканом воды. – Это ради твоей же безопасности. Мистер огорчается, когда кто-то мешает ему наслаждаться кошачьей мятой.

Шаркая ногами, я вернулся к люку и заглянул вниз. Как я и ожидал, маленький полотняный мешочек с кошачьей мятой, в который я сунул серебряный дубовый листок, все еще висел на длинной резиновой ленте под потолком – прямо над Маленьким Чикаго. У меня на

глазах Мистер запрыгнул на лабораторный стол, взвился в воздух и вцепился в мешочек снизу. Приземлился он вместе с мешочком где-то в районе Линкольн-парка. Кот в блаженном экстазе потерся мордой о мешочек, потом отпустил его и успел только шлепнуть по нему лапой, когда резинка утащила мешочек обратно, приложив по дороге несколько раз о миниатюрные небо-скребы модели.

Тут до Мистера, похоже, дошло, что за ним наблюдают. Он задрал ко мне морду, само-довольно мяукнул, дернул обрубок хвоста и спрыгнул со стола на пол.

– Боб? – окликнул я. – Заклятие еще действует?

– Так точно, кэп! – откликнулся Боб. – Гр-р-р-р-р!

– Это еще что за штуки? – поинтересовался Томас у меня над ухом.

Я подпрыгнул от неожиданности, едва не свалившись в люк.

– Ты когда-нибудь отучишься делать так?

Он кивнул с совершенно серьезным выражением лица, но я-то видел, как дергаются уголки его губ в отчаянной попытке сдержать улыбку.

– Точно. Извини, забыл.

Я рыкнул и обозвал его нелицеприятным, но от этого не менее точным эпитетом.

– Он совсем достал меня своими просьбами сводить его на этот фильм про пиратов. В общем, я захватил его с собой, когда последний раз ездил в киношку в Авроре, и он увлекся этой темой. Постепенно это проходит, но если он еще раз назовет меня «кэпом», я взорвусь.

– Все это, конечно, интересно, – кивнул Томас. – Но я спрашивал не об этом.

– Ах да, – кивнул я и махнул рукой в сторону мешочка с кошачьей мятой. – Заколка-листок там.

– А это не приведет головорезов Летних прямо сюда?

Я очень вредно хихикнул:

– Нет. Здесь они ее не увидят. Обереги помешают.

– Тогда зачем резинка?

– Я подключил закливание-маяк Летних к полю Маленького Чикаго. Каждый раз, когда листок оказывается на расстоянии фута от модели, мое закливание пересылает сигнал маяка в соответствующий район города.

Томас задумчиво прищурил глаза, потом расплылся в ухмылке. Мистер как раз поймал мешочек и дернул его на стол возле Музея естественной истории.

– Если они следят за этим маяком, им придется здорово помотаться по всему городу.

– По снегу глубиной в два с половиной фута, – с ухмылкой подтвердил я.

– Ты просто садист.

– Спасибо, – не без гордости хмыкнул я.

– А они этого не раскусят?

– Рано или поздно, – согласился я. – Но это даст нам некоторый запас времени для работы. Извини, что заснул.

Я дохромал до двери и снял с крючка плащ.

– Куда сначала? – спросил Томас.

– Пока никуда. Сиди и не рыпайся.

Я подошел к стоявшей у двери жестяной бочке из-под попкорна, в которой у меня хранятся такие вещи, как посох и магический меч Фиделаккиус, взял из нее лопату для снега и вышел. Мышь с готовностью направился за мной. Открыть дверь потребовало немалых усилий: снега за ночь навалило столько, что задуло даже через порог в комнату. Я начал с нижней площадки, постепенно поднимаясь по лестнице, – ни дать ни взять могильщик, только в обратном порядке.

Покончив с этим, я почистил тротуар, смахнул снег с перил парадного и лестницы, ведущей в расположенную на втором этаже квартиру Уиллоуби. Потом прокопал тропу к почтовым

ящикам. Это заняло у меня меньше времени, чем я ожидал. Снега за ночь выпало много, но он не успел покрыться корочкой наста, так что копать его не представляло особого труда. Мыш стоял на стреме, и я старался не кидать снег ему в морду.

Мы вернулись в квартиру, и я сунул лопату обратно в бочку.

Томас хмуро наблюдал за моими манипуляциями.

– Тебе необходимо было чистить тротуар? Знаешь, Гарри... почему-то у меня складывается впечатление, что ты просто не считаешь ситуацию настолько серьезной, чтобы срочно принимать меры.

– Во-первых, – заявил я, – я не слишком горю желанием выворачиваться наизнанку ради спасения задницы Джона Марконе, одетой в «Армани». Мысли о нем не лишают меня сна. Во-вторых, мои соседи сверху – пожилые люди, и если никто не почистит тротуар, они окажутся в снежном плену. В-третьих, я не могу не вести себя примерно по отношению к домовладельцам. Миссис Спанкелкриф почти глуха, но, знаешь, довольно трудно скрыть даже от глухого, когда к тебе в дверь ломится толпа демонов или зомби. Однако она готова простить мне не слишком частые разнузданные оргии, если я, скажем, почищу тротуар перед ее домом.

– Квартиру сменить проще, чем твою задницу, – заметил Томас.

Я пожал плечами:

– Я вчера так перенапрягся, что мне просто необходимо было что-нибудь предпринять, чтобы мышцы расслабились и согласились действовать. На это в любом случае ушло бы время, так почему бы при этом о соседях не позаботиться? – Я поморщился. – Кроме того...

– Тебя угнетает тот факт, что дому твоей хозяйки периодически достается из-за того, что в нем живешь ты, – предположил Томас, покачал головой и фыркнул. – Очень на тебя похоже.

– Ну... да. Но дело не в этом.

Он вопросительно нахмурился.

Я помолчал, подбирая верные слова.

– Существует много такого, над чем я не властен. Я не знаю, что случится в следующие несколько дней. Не знаю, с чем мне придется встретиться, какой выбор передо мной встанет. Я не могу предугадать этого. И повлиять на это не могу. Слишком все это сложно. А вот это, – я мотнул головой в сторону лопаты, – предугадать могу. Я знаю, что, если я возьму эту лопату и почищу тротуар, это сделает жизнь соседей безопаснее и приятнее. – Я взглянул на Томаса и пожал плечами. – Для меня это существенно. Дай мне еще пару минут принять душ.

Он внимательно посмотрел на меня и кивнул.

– Что ж, – с едва заметной улыбкой произнес он, демонстративно повел носом и поморщился. – Конечно, подожду. С радостью.

Я помылся. Мы уже шли к двери, когда зазвонил телефон.

– Гарри, – послышался из трубки голос Мёрфи. – Что, черт подери, там происходит?

– Чего? – не понял я. – А что, черт подери, там происходит?

– У нас как минимум пара дюжин... думаю, точнее всего это можно назвать «видения». Все, что угодно, от снежного человека до загадочных светящихся шаров. И конечно, все это спустили в ОСП.

Я уже открыл рот, чтобы ответить ей, но помедлил. Во все это замешаны Марконе со свитой. Возможно, у Марконе меньше связей во власти, чем ему хотелось бы, но в полиции у него источники информации точно имеются – и наверняка доступ к этой информации есть и у его подчиненных. Немного осмотрительности не помешает.

– Ты из конторы? – спросил я.

– Угу.

– Нам нужно поговорить.

Возможно, Мёрфи и не хочет признавать, что кто-то из ее коллег по отделу может работать на сторону, но она не из тех, кто не верит в факты только потому, что они ей не нравятся.

– Ясно, – сказала она. – Где?

– В «Макэнелли», – ответил я и покосился на часы. – В три сойдет?

– Увидимся там.

Я повесил трубку и снова повернулся к двери. Мыш последовал за мной, но я осторожно подтолкнул его ногой в обратную сторону.

– В другой раз, малыш, – сказал я ему. – У этих нехороших парней уйма людских ресурсов, доступ к квалифицированной магии, и мне нужны надежные тылы. Так что побудь дома; пока ты здесь, никакая сволочь не залезет сюда и не заложит мне взрывающихся сюрпризов.

Мыш скорбно вздохнул, но сел.

– И присмотри за Мистером, ладно? Если его начнет тошнить, убери кошачью мятую.

Пес с сомнением покосился на люк в лабораторию.

– Да ладно тебе, – хмыкнул я. – Ты в семь раз его больше.

Не могу сказать, чтобы Мыш выглядел убежденным.

Томас с удивлением переводил взгляд с меня на пса и обратно.

– Он что, тебя понимает?

– Когда это в его интересах, – буркнул я. – Он умнее большинства известных мне людей.

Томас переварил эту информацию и немного неуверенно покосился на Мыша.

– Э... да... послушай. То, что я говорил раньше о Гарри, не считается, ладно? Я это не серьезно. Просто шутка.

Мыш дернул ухом и царственно отвернулся от Томаса.

– Чего? – оглянулся я в их сторону. – Что ты говорил?

– Пойду двигатель прогрею, – заявил Томас и ретировался на улицу.

– Это мой дом, – проворчал я, ни к кому конкретно не обращаясь. – Почему всякие тут отпускают шуточки в мой адрес у меня дома?

Мыш воздержался от комментариев.

Я запер дверь – как в физическом, так и в магическом смысле – и вскарабкался на эту гору под названием «хаммер», чтобы взгромоздиться на пассажирское место. Утро выдалось морозное, но день обещал сделаться еще холоднее; мне после душа это было особенно чувствительно, однако сиденье оказалось приятно теплым. Само собой, я никак не мог признаться Томасу в том, что элементы роскоши предпочтительнее бронестекол, но, черт возьми, это было все-таки уютно.

– Ладно, – сказал Томас. – Куда едем?

– Туда, где меня примут по-царски, – ответил я.

– Неужели в «Бургер-кинг»?

Я провел рукой по лбу и пробормотал про себя слово «братоубийство». Мне пришлось добавить еще «псих несчастный» и «суд присяжных меня оправдает», прежде чем я остыл настолько, чтобы разговаривать по-человечески.

– Поворачивай налево и двигай вперед. Пожалуйста.

– Ну, – хмыкнул Томас. – Раз уж ты сказал «пожалуйста»...

Глава 11

Из всех оздоровительных центров в Чикаго «Превыше всего», возможно, самый престижный. Он расположен в самом центре и занимает весь второй этаж бывшей дорогой гостиницы. Теперь верхние этажи здания отведены под офисы, а на первом этаже находится небольшой торговый комплекс.

Далеко не каждый желающий может подняться на второй этаж на специальном лифте. Для этого необходимо быть членом клуба, а членство в нем предельно ограничено и чудовищно дорого обходится. Членские карточки этого клуба имеются только у самых богатых и влиятельных людей нашего города.

А еще у меня.

Магнитная полоска на моей карточке не сработала, когда я сунул ее в щель ридера. Меня это не слишком удивило. Я таскал ее в своем кошельке несколько месяцев, и крайне сомнительно, чтобы записанный на нее код смог сохраниться дольше пары дней. Я нажал на кнопку интеркома.

– «Превыше всего», – отозвался жизнерадостный женский голос. – Это Билли. Чем могу помочь?

Томас покосился на меня и выразительно повел бровью, как бы говоря: «Помочь? Тебе?»

– Сейчас увидишь, – чуть слышно буркнул я ему и снова повернулся к интеркому. – Похоже, моя карта почему-то не срабатывает. Гарри Дрезден со спутником. Будьте добры.

– Минуточку, сэр, – прошептала Билли. Она вернулась через нескольких секунд. – Примите мои извинения за проблему с вашей членской картой, сэр. Открываю для вас лифт.

И впрямь двери лифта раздвинулись, и мы с Томасом вошли в кабину.

Лифт выпустил нас в главный вестибюль «Превыше всего».

– Ты надо мной смеешься, – заявил Томас. – С каких это пор ты занялся фитнесом?

Из вестибюля заведение мало чем отличалось от обычных фитнес-залов. Уйма спортивных тренажеров, гантелей и зеркал. Похоже, владельцы заплатили чертову кучу денег какому-то психу, вообразившему себя дизайнером, чтобы их интерьеры выглядели модно и уникально. Может, конечно, вкус у меня не ахти какой, но, на мой взгляд, они вполне могли бы пригласить для этого одну из тех горилл, которые рисуют в зоопарках. Вряд ли результат сильно отличался бы от нынешнего, да и платить можно было бы едой.

Там и здесь мужчины, преимущественно белые, преимущественно старше сорока, изнуряли себя различными физическими нагрузками. Рядом с каждым стоял личный тренер, дававший советы, поддерживавший, помогавший.

Все тренеры были исключительно женского пола, не старше двадцати с небольшим лет. Все до одной красовались в смехотворно коротких беговых шортах, так плотно облегающих их бедра, что кровь, должно быть, только чудом попадала в сосуды девичьих ног. И все они были в футболках с эмблемой клуба – тоже туго облегающих фигуру, и каждая девушка обладала таким телосложением, что наряд на ней смотрелся потрясающе. Сомневаюсь, чтобы хоть у одного фитнес-центра в мире состояло в штате такое количество фантастически красивых девиц.

– А, – произнес Томас, оглядевшись по сторонам. – Это ведь не типичный фитнес-клуб, да?

– Добро пожаловать в самый внимательный к твоему здоровью бордель в истории человечества, – хмыкнул я.

Томас негромко присвистнул сквозь зубы:

– Я слышал, «Бархатный салон» возродили. Это он и есть?

– Угу, – подтвердил я.

К нам подскочила девица с каштановой шевелюрой; улыбка ее вполне могла бы претендовать на призовое место на конкурсе красоты. На мгновение мне показалось, что футболка ее лопнет от давления изнутри. Вышитая золотом надпись на груди слева гласила: «БИЛЛИ».

– Добрый день, мистер Дрезден, – прочирикала она и приветливо кивнула Томасу. – И вам, сэр. Добро пожаловать в «Превыше всего». Не желаете ли выпить чего-нибудь перед упражнениями? И позвольте взять ваши плащи.

Я поднял руку.

– Спасибо, Билли, не надо. Я пришел не упражняться.

Улыбка ее не померкла ни на йоту, оставшись такой же милой и безмозглой, и она вопросительно склонила голову набок.

– Я здесь, чтобы поговорить с мисс Деметрой, – сообщил я.

– Мне очень жаль, сэр, – ответила Билли. – Ее сейчас нет.

Смотреть на девицу было одно удовольствие, и я не сомневался, что и остальные органы чувств могли бы получить такое же наслаждение, если что, – а вот врать она умела неважно.

– Очень даже есть, – возразил я. – Передайте ей, что пришел Гарри Дрезден.

– Мне очень жаль, сэр, – повторила она с надоедливостью заевшей грампластинки. – Мисс Деметры нет в здании.

Я одарил ее самой зубастой из своих улыбок.

– Вы вроде как новенькая здесь, да, Билли?

Улыбка девушки наконец дрогнула, но тут же выровнялась.

– Томас, – вздохнул я. – Дашь ей наглядный урок?

Мой брат огляделся по сторонам, шагнул к ближнему стеллажу со стальными гантелями и взял две самые большие – по одной в руку. С усилием не больше того, с каким я завязывал бы ивовые прутья, он скрутил толстые стальные стержни вместе, в результате чего получилась немного кривоватая «Х». Он поднял ее повыше, чтобы Билли хорошенько ее разглядела, а потом уронил к ее ногам. Сплетенные гантели приземлились с убедительным грохотом, и Билли подпрыгнула от неожиданности.

– Видите, что он может без труда согнуть и поломать, – произнес я. – Дорогие тренажеры, дорогую мебель, дорогих клиентов. Не знаю, насколько он здесь может все расшвырять, но я бы соврал вам, если бы сказал, что мне не хотелось бы этого узнать. – Я наклонился к ней чуть ближе. – Билли, возможно, вам стоило бы передать мою просьбу. Мне очень не хотелось бы, чтобы у вас вычли из жалованья стоимость всех этих поломанных штук.

– Я сейчас вернусь, сэр, – пискнула Билли заметно севшим голосом и поспешила прочь.

– Тонкая работа, – заметил Томас.

Я пожал плечами:

– Экономит время.

– Как ты получил членство в подобном заведении?

– Здание принадлежит Марконе. Он полагает, у меня меньше шансов разгромить его, если меня будут отвлекать сиськами.

– Что ж, я могу его понять, – кивнул Томас.

Взгляд его задержался на девице, которая сидела за столом, заполняя какие-то бумаги. Та застыла и медленно, очень медленно подняла голову. Рот ее приоткрылся, темные глаза расширились. Она задышала быстрее, потом встряхнулась и опустила взгляд, изо всех сил притворяясь, что читает свои бумаги.

Брат медленно закрыл глаза и отвернулся от девушки с уверенностью человека, закрывающего за собой тяжелую дверь. Когда он снова открыл глаза, цвет их изменился: из темно-серых они сделались светлыми, почти серебряными.

– Ты в порядке? – тихо спросил я его.

– Мм, – промычал он. – Извини. Отвлекся. Тут... энергетика такая...

Черт возьми, я мог бы это предугадать. При том разврате, той похоти, что давно уже царили в этом здании, они не могли не оставлять за собой следа – вибрацию особой психической энергии, и Томас наверняка улавливал ее.

Вампиры вроде моего брата питаются не кровью, а жизненной энергией своих жертв. Возможно, демонстрация сверхъестественной силы Томаса и упростила нам дело, но она стоила ему части этой энергии – точно так же, как, скажем, полдня энергичной ходьбы не могут не оставить меня или вас голодными.

Обыкновенно вампиры Белой Коллегии питаются во время занятий сексом. Для этого они умеют пробуждать страсть в других, переполняя своих жертв ненасытной, первобытной похотью. При желании Томас мог запросто парализовать девицу на месте и делать с ней все, что заблагорассудится, а она не могла бы равным счетом ничем ему помешать. Черт, да она сама умоляла бы его продолжать, и побыстрее.

Он не стал этого делать. Он вообще этого больше не делает. Много лет он боролся с этой частью своей натуры и наконец обнаружил способ держать ее под контролем – питаюсь не большими порциями, а отщипывая крошечные, безопасные кусочки от клиенток дорогого салона красоты, которым он владел. Но конечно, я отдавал себе отчет, что, хотя этого и хватало для полноценной жизнедеятельности, по части наслаждения это даже отдаленно не могло сравниться с традиционным, старомодным соблазнением, кульминацией которого становится взрыв эмоций и чувственного экстаза.

Я понимал, что его Голод, нечеловеческая часть его души, буквально криком кричит, побуждая его поступить именно так. Впрочем, если бы он послушался этого требования, это могло бы причинить девушке серьезный вред, даже убить ее. Мой брат не таков – однако борьба с Голодом легко не дается. Это именно борьба. И я знал, что побуждает его к этой борьбе.

– Эта девочка немножко похожа на Жюстину, – заметил я.

При звуках этого имени он застыл, и лицо его окаменело. Медленно, постепенно глаза его приобрели свой обычный оттенок. Он тряхнул головой и улыбнулся мне.

– Правда?

– В достаточной мере, – буркнул я. – Ты в порядке?

– Как всегда, – откликнулся он.

Он не поблагодарил меня вслух, но я расслышал в его голосе признательность. Я притворился, будто этого не заметил, – именно так, как он от меня ожидал.

Это наши, мужские проблемы. Разберемся.

К нам снова подпорхнула Билли.

– Сюда, пожалуйста, сэр, – прошептала она; улыбка ее снова намертво прилепилась к лицу.

Заметно нервничая, она провела нас через тренажерный зал. Мы миновали коридор, в который выходили душевые и приватные «оздоровительные» кабинеты. За дверью, которую она открыла перед нами, обнаружился еще один, ничем не примечательный коридор, какие можно увидеть в любом конторском здании. Билли кивнула в сторону двери в дальнем конце коридора и ретировалась.

Я стукнул в дверь один раз, открыл ее и обнаружил за ней мисс Деметру, сидевшую в своем большом, но лишенном излишеств кабинете за своим большим, но лишенным излишеств столом. Как обычно, она производила впечатление хорошо следящей за собой женщины среднего возраста, стройной, хорошо одетой и по-деловому собранной. На самом деле ее звали не Деметра, однако она предпочитала деловой псевдоним, а времени подкалывать ее у меня не было.

– Мисс Деметра, – произнес я, стараясь держаться по возможности нейтрально. – Добрый день.

Она всмотрелась в экран ноутбука, закрыла его и убрала в ящик тумбочки. Только после этого она подняла на меня взгляд и кивнула.

– Мистер Дрезден... что случилось с вашим лицом?

– Оно всегда такое, – отозвался я. – Просто макияж сегодня забыл наложить.

– А, – понимающе кивнула она. – Присядете?

– Спасибо, – произнес я и сел напротив нее. – Прошу прощения, если потревожил не вовремя.

Она чуть заметно дернула плечом.

– Полезно знать, что способности тех, кого я назначила исполнять секретарскую работу, неограничены, – улыбнулась она. – Чем могу вам помочь? – Она подняла руку. – Нет, постойте. Позвольте, я по-другому сформулирую. Что я могу сделать, чтобы побыстрее от вас избавиться?

Чувствительный чувак мог бы слегка обидеться на такую реплику. Хорошо все-таки, что я – это я.

– Я ищу Марконе, – сказал я ей.

– Вы звонили ему в офис?

Я медленно поднял на нее взгляд.

– Я ищу Марконе, – повторил я.

– Я поняла, что вы его ищете, – ответила Деметра; выражение ее лица совершенно не изменилось. – Какое отношение это имеет ко мне?

Я почувствовал, как губы мои раздвигаются в натянутой улыбке.

– Мисс Ди, я не могу не удивляться тому, зачем вы попросили секретаршу говорить всем, что вас нет в офисе.

– Возможно, у меня просто много неотложной работы.

– Или, возможно, вы знаете, что Марконе пропал, и используете эту тактику для того, чтобы отделаться от его шестерок, которым не терпится занять его место.

Пару мгновений она молча смотрела на меня с ничего не выражающим лицом.

– Право же, я не понимаю, о чем вы говорите, мистер Дрезден.

– Вы уверены, что не хотите избавиться от меня? – поинтересовался я. – Или вы хотите, чтобы я остался и давил на вас? Я ведь могу сильно помешать вам вести дела, если меня раздражить.

– Не сомневаюсь, – ответила Деметра. – Зачем вы хотите его найти?

Я поморщился:

– Я вынужден ему помочь.

Она изогнула изящную, ухоженную бровь.

– Вынуждены?

– Это довольно сложно, – сказал я.

– И не вызывает особого доверия, – добавила она. – Мне хорошо известно, как вы относитесь к Джону Марконе. Даже если допустить, что у меня имеется информация, касающаяся его местонахождения, я не уверена, что мне хочется усугубить ситуацию.

– Как вы можете ее усугубить? – не понял я.

– Вовлекая в нее вас, – ответила она. – Вас явно не заботят лучшие интересы мистера Марконе, а ваше вмешательство может подтолкнуть его похитителей к необратимым поступкам. Сомневаюсь, чтобы мысль о его смерти лишила вас сна.

Я наверняка нашел бы достойный ответ на эти слова, когда бы не поскользнулся на банановой корке собственной совести: кто, как не я, произнес примерно те же слова всего час с небольшим назад?

– Но... сэр! – послышался из коридора снаружи возмущенный голос Билли.

Дверь за моей спиной распахнулась, и я, оглянувшись, увидел нескольких мужчин, стоявших там. В центре громоздился здоровяк лет сорока пяти, явно давно уже равнодушный к пиву, а может, к макаронам. Живот его изрядно выпирал из-под пояса, хотя хорошо сшитый костюм отчасти скрывал это обстоятельство. Точно так же он скрывал бы наплечную кобуру с пистолетом – если бы сам их обладатель не старался выставить их напоказ.

– Деметра, – буркнул здоровяк. – Мне нужно поговорить с вами наедине.

– Я вам не по средствам, Торелли, – невозмутимо ответила Деметра. – И у меня деловой разговор.

– Пусть его займет пока одна из ваших шлюх, – огрызнулся Торелли. – Нам с вами нужно поговорить.

Она выгнула бровь:

– О чем?

– Мне нужен список ваших банковских счетов, пароли службы безопасности и копии всех деловых записей за последние шесть месяцев. – Он нахмурился, возвышаясь над ней.

Торелли явно принадлежал к тем типам, которые привыкли добиваться своего, нависая над кем-то и хмурясь изо всех сил. Я таких видел. Я попытался заглянуть поверх стоявших в дверях мордovorотов в коридор, чтобы посмотреть, чем там занят Томас, но ничего не разглядел.

– Можно подумать, вам здесь что-то принадлежит, – заметила Деметра. – С какой это стати я должна снабжать вас своими счетами и записями?

– Здесь многому предстоит измениться, курва. Начиная с твоего поведения. – Торелли оглянулся на четверых стоявших у него за спиной мужчин и мотнул головой в сторону Деметры.

Двое, типичные чикагские мордovorоты среднего калибра, обогнули Торелли и направились к ней.

Я поморщился. Не то чтобы я слишком беспокоился за Деметру, но она была мне нужна, и мне вряд ли удалось бы уговорить ее помочь мне, окажись она в реанимации. А кроме того, она женщина, а женщин бить нехорошо. И позволять двум безмозглым наемным громилам делать это тоже не стоит.

Я встал и, держа в руке посох, повернулся к этой парочке. Я посмотрел на них как можно более сурово, но это не остановило их, даже не замедлило. Тот, что заходил справа, швырнул что-то мне в лицо, и мне некогда было разглядывать, что это такое. Я пригнулся, увидел-таки, что это запорошенная снегом перчатка, и сообразил, что это обманный выпад.

Парень слева шагнул ко мне, дождавшись, пока я пригнусь, и лягнул меня башмаком с железными набойками, целясь в колено. Я чуть повернул ногу и принял удар в икру. Это оказалось чертовски больно, но подвижности меня не лишило. Я перекатился влево – так, чтобы левый мордovorот оказался между мною и правым. Он замахнулся на меня правой рукой, и я принял удар его кулака на посох. Хрустнули костяшки. Мордovorот взвыл.

Другой обогнул своего оглушенного болью коллегу и ринулся на меня, очевидно намереваясь повалить на пол, чтобы все четверо могли попинать меня некоторое время ногами.

Я никак не мог такого допустить. Поэтому я вскинул сжатую в кулак правую руку, выставив в его сторону четыре витых перстня – по одному на каждом пальце. Прошептав заклинание, я высвободил энергию, заключенную в одном из перстней. Она ударила в мордovorота с силой локомотива, отшвырнув назад. С очень приятным слуху грохотом он врезался спиной в стену и сполз на пол.

Я повернулся к продолжавшему пребывать в оглушенном состоянии первому мордovorоту. Первым делом я лягнул его в обе икры по очереди – ха! Получи, гад! – потом двинул его башмаком в бедро, и он тоже повалился на пол.

Я повернулся к двери и уперся носом в ствол пистолета Торелли.

– Неплохо, детка, – произнес без пяти минут важная шишка. – Это дзюдо или что-то в этом роде?

– Что-то вроде этого.

– Мне бы пригодился человек с вашими навыками и способностями, как только в моем спортклубе произойдет, – он угрюмо покосился на Деметру, – смена руководства.

– Я вам не по карману, – заявил я.

– Мне многое будет по карману, – возразил он. – Назовите свою цену.

– Сто пятьдесят шесть гаджиллионов долларов, – с готовностью ответил я.

Он насупился, словно пытался понять, шучу я или нет. А может, он просто прикидывал, сколько нулей я имел в виду.

– Считаешь себя настолько неотразимым, а?

– Я охрентительно обаятельный, – сообщил я. – Особенно с той енотовидной физиономией, которую я заполучил, собираясь сюда.

Торелли потемнел как туча.

– Детка, ты только что совершил последнюю ошибку в своей жизни.

– Господи, – вздохнул я. – Если бы.

Томас приставил ствол своего «дезерт-игла» к затылку Торелли.

– Брось железку и не рыпайся, – мягким, приятным тоном произнес он.

Торелли застыл от неожиданности, но возражать не стал. Он только немного повернул голову, пытаясь высмотреть двух оставшихся мордovorотов. Со своего места я видел в коридоре пару ног, лежавших пятками вниз, но ничего больше.

Я шагнул к нему вплотную.

– Забирайте своих людей и убирайтесь отсюда, – негромко велел я ему. – И не советую возвращаться.

Он смерил меня угрюмым взглядом, затем сжал губы, кивнул и начал собирать свое войско. Томас подобрал его пистолет и небрежно сунул его за пояс, что, вообще-то, не положено по технике безопасности. Тихо ступая по ковру, он приблизился и встал рядом со мной, напряженно следя за всеми движениями мордovorотов.

Они убралась, почти неся на себе бедолагу со сломанной кистью. Замыкали шествие двое из коридора, еще не отошедшие от крепкой удушающей хватки Томаса.

Когда дальняя дверь коридора закрылась за ними, я повернулся к Деметре.

– На чем мы остановились?

– Я сомневалась в искренности ваших намерений.

Я покачал головой.

– Хелен. Вам известно, кто я. Вам известно, чем я занимаюсь. Да, я считаю Марконе порочным сукиным сыном, который, вероятно, заслуживает смерти. Но это не значит, что я собираюсь отказаться от помощи ему.

Десять или пятнадцать секунд она молча смотрела на меня. Потом взяла со стола блокнот, вырвала страницу, написала на ней что-то, сложила листок и протянула мне. Я взялся за угол и потянул, но она не отпускала его.

– Дайте мне слово, – произнесла она. – Обещайте, что сделаете все, что в ваших силах, чтобы помочь ему.

Я вздохнул. Ну конечно.

На вкус слова казались протухшей корейкой с солью и уксусом, но я все-таки заставил себя произнести их вслух.

– Я сделаю это. Даю вам слово.

Деметра отпустила бумажку. Я заглянул в нее. Адрес, ничего больше.

– Возможно, это поможет вам, – сказала она. – А может, и нет.

– Это больше, чем у меня имелось минуту назад, – заметил я и кивнул Томасу. – Пошли.

– Дрезден, – окликнула меня Деметра, когда я уже подошел к двери.

Я задержался.

– Спасибо. За то, что укоротили Торелли. Он мог покалечить кого-нибудь из моих девушек.

Я оглянулся на нее и кивнул.

А потом мы с Томасом отправились в пригород.

Глава 12

Деловые интересы Марконе широки и разнообразны. Впрочем, когда ты отмываешь столько денег, сколько он, по-другому и быть не может. Он владел ресторанами, холдинговыми компаниями, занимался импортом и экспортом, инвестировал средства, проводил всевозможные финансовые операции – и, разумеется, в его империю входили строительные компании.

Сансет-Пойнт – один из тех ожогов, что коверкают поверхность нашей планеты: пригородный микрорайон. Расположенный в получасе езды на север от Чикаго, он в свое время представлял собой живописные лесистые холмы по берегам маленькой речушки. Теперь и деревья, и холмы свели под корень бульдозерами, оставив голую, открытую всем ветрам землю. Речка превратилась в сточную канаву. Под снежным покровом все здесь выглядело ровным, белым и стерильным, как внутренности нового холодильника.

– Ты только посмотри, – повернулся я к Томасу, махнув рукой в сторону домов. Каждый стоял на участке, выступавшем от стен на расстояние, не превышающее размер почтовой марки. – И люди платят, чтобы жить в местах вроде этого?

– Разве ты сам не живешь в подвале?

– Я живу в центре большого города, а кроме того, я это помещение арендую, – возразил я. – А дома вроде этих стоят по несколько тысяч баксов, если не больше. Кредит на такой лет тридцать выплачивать.

– А что, разве не милые домики?

– Милые клетки, – буркнул я. – Пространства между ними нет. Зелени никакой. Места вроде этого превращают человека в полевку. Он возвращается с работы и шмыгает в норку. И остается там до тех пор, пока ему не приходится выползть на работу, на которую он не может не ходить, потому что ему надо выплачивать кредит за эту мышиную норку.

– Все равно на порядок лучше твоей квартиры, – настаивал Томас.

– Отнюдь.

Захрустев шинами по снегу, «хаммер» остановился, и Томас недовольно уставился в ветровое стекло.

– Чертов снег. Поди догадайся, где у них здесь улицы.

– Просто старайся не въехать кому-нибудь в стену, – посоветовал я. – Двадцать третий мы проехали минуту назад. Должно быть, это совсем рядом.

– Двадцать третий проспект, переулок или проезд? – спросил Томас.

– Бульвар.

– Проклятые закоулки, – с чувством произнес он и медленно тронул машину дальше. – Вот. – Он кивнул головой в сторону следующего выплывшего из снежной пелены знака. – Этот? – Угу.

Из-за самодельного уличного указателя показался другой, стандартный дорожный знак, согласно которому Двадцать четвертый проезд заканчивался тупиком. Конец пути.

– Проклятое предвестие, – буркнул я.

– Что еще?

– Ничего.

Мы медленно двигались сквозь бело-серую завесу снегопада. Свет не имел направления, преломляясь в миллиардах ледяных кристалликов. Мотор «хаммера» урчал чуть слышно; по сравнению с ним хруст снега под шинами казался оглушительным грохотом. Мы миновали с полдюжины игрушечных домиков, симпатичных и пустых; снег налипал на стены, из-за чего окна казались глазницами наполовину погребенного черепа.

Что-то было не так. Я не мог бы сказать, что именно, но ощущал это так же явственно, как резное дерево посоха, который сжимал в руках.

Мы были здесь не одни.

Томас тоже это почувствовал. Плавным движением он вытянул из-за спинки водительского сиденья свой пояс. На нем висела в ножнах старая кавалерийская сабля, которую он брал с собой на самые рискованные дела вместе с другой своей любимой игрушкой – ножом с искривленным лезвием. Эта штука называется кукри, и это традиционное оружие гуркхов.

– Что это? – тихо спросил он.

Я закрыл глаза на мгновение, напрягая свои чародейские чувства в попытке уловить любые необычные возмущения энергии вокруг нас. Падающий снег мешал моим магическим чувствам не меньше, чем обычным, физическим.

– Не знаю точно, – негромко ответил я. – Но что бы это ни было, можно наверняка ставить на то, что оно знает о нашем присутствии.

– Как ты собираешься играть, если начнется музыка?

– Мне ничего и никому не надо доказывать, – буркнул я. – Я предлагаю бежать, как маленькая девочка от трех медведей.

– Меня это устраивает. Только чтобы Мёрфи от тебя ничего такого не слышала.

– Угу. У нее избыточная чувствительность к слову «маленькая».

Плечи буквально сводило от напряжения по мере того, как Томас медленно, осторожно вел машину вперед. Он остановил пикап у последнего дома. По сравнению с остальными тот имел достроенный вид, и даже кусты торчали из-под снега у стены. В окнах виднелись шторы, и ведущие к гаражу следы шин еще не успел окончательно запорошить снег.

– Кто-то стоит за третьим от угла окном, – негромко сообщил Томас. – Я видел там какое-то движение.

Я не заметил ничего, но, если подумать, я ведь не сверхъестественный хищник, обладающий кучей неправдоподобно острых чувств. Я кивнул в знак того, что услышал его слова, и осмотрел землю вокруг дома. Снег производил впечатление нетронутого.

– Похоже, мы здесь первые посетители, – сказал я. – Возможно, мы кого-то беспокоим.

– Снайпер?

– Не исключено, – кивнул я. – Это из тех вещей, к которым привычно большинство людей Марконе. Пошли.

– Не хочешь, чтобы я обождал здесь?

Я мотнул головой.

– Там есть что-то еще. Возможно, это ерунда, но, сидя в машине, ты будешь легкой мишенью. Вот если бы у тебя была бронированная версия...

– Ворчи-ворчи, – обиженно отозвался Томас.

– Постараемся сохранять спокойствие и дружелюбие, – сказал я, отворил дверцу «хаммера» и ступил в снег, сразу провалившись в него по колено.

Стараясь двигаться не слишком быстро, я держал руки на виду. С противоположной стороны «хаммера» Томас в точности копировал мои действия.

– Эй, в доме! – громко произнес я. – Есть здесь кто? – Голос мой звучал так, словно я стоял в помещении: сильный снегопад обладает таким эффектом. – Меня зовут Дрезден. Я пришел поговорить.

Молчание. Мои башмаки и джинсы начали промокать.

Томас резко повернул голову в направлении конца улицы, где еще стояли в ожидании бульдозера деревья. Секунду или две он напряженно всматривался туда.

– Это там, в деревьях, – тихо сообщил он.

Волосы у меня на затылке встали дыбом, и я горячо понадеялся, что у того, кто прятался в деревьях, кем бы он ни был, нет ружья.

– Я здесь не ради драки! – Я обращался к окнам, подняв два пальца. – Слово разведчика!

На этот раз и я заметил, как дернулась штора, и уловил за ней движение. Скрипнула дверь внутри.

– Входите, – произнес мужской голос. – Руки держите так, чтобы я их видел.

Я кивнул Томасу. Он поднял руку с ключами от машины и нацелил брелок на «хаммер». Послушно щелкнули замки, чирикнула сигнализация. Он обогнул машину, повесив на плечо пояс с саблей, а я тем временем протаптывал по снегу тропу к крыльцу. Поднявшись на крыльцо, я энергично потопал по нему башмаками, стряхивая с нижней части тела снег и одновременно изготавливая к действию свой браслет-оберег. Мне не слишком хотелось ступать в темную дверь, представляя собою идеальную мишень для затаившегося в доме стрелка, не приняв никаких мер предосторожности. Зайдя внутрь, я уже держал свой щит перед собой, бесшумный и невидимый.

– Стоять там, – послышался мужской голос. – Посох на пол. Руки на вид.

Я прислонил посох к стене и выставил руки вперед ладонями вверх. Этот голос, сыпавший короткими фразами, был мне хорошо знаком.

– Привет, Хендрикс.

Из полумрака соседней комнаты выступил массивный мужской силуэт. Здоровый дробовик в его руках казался детской игрушкой. Сложение он имел бычье, и эпитеты вроде «капитальный» или «похожий на скалу» вполне подходили практически ко всем деталям его анатомии, особенно если рассматривать их начиная с головы. Он приблизился ко мне достаточно, чтобы я мог разглядеть его коротко остриженную рыжую шевелюру.

– Дрезден. Шаг в сторону.

Я повиновался, и дробовик нацелился на моего брата.

– Ты, вампир. Меч на пол. Руки за голову.

Томас закатил глаза:

– А почему ему не надо держать руки за головой?

– Для него это не имело бы никакого значения, – отозвался Хендрикс. Маленькие, глубоко посаженные глаза повернулись ко мне, словно орудийные башни. – Чего вам нужно?

Не уверен, что мне приходилось раньше слышать от Хендрикса больше двух-трех слов сразу, тем более связанных в логически выстроенное предложение. Это даже немного нервировало: вроде как если бы Мистер вдруг научился сам открывать банки кошачьих консервов. Потребовалась секунда, не меньше, чтобы я совладал с мозговым ступором.

– Э-э... – произнес я. – Я хотел...

До меня дошло, как беспомощно я, должно быть, выгляжу, и я взял себя в руки.

– Я хочу помочь вашему боссу, – уверенным тоном произнес я.

На стене что-то щелкнуло: включился динамик интеркома.

– Пусть чародей поднимается, – произнес женский голос.

– Уверены? – пробурчал Хендрикс.

– Выполняйте. Вампир остается внизу.

Хендрикс заворчал и мотнул головой куда-то вправо.

– Туда и вверх по лестнице, Дрезден. Шевелитесь.

– Гарри, – негромко произнес Томас.

Хендрикс выразительно повел стволом дробовика.

– Только не ты, красавчик. Ты остаешься на месте. Или выметайтесь оба.

– Все в порядке, – вполголоса сказал я брату. – Мне спокойнее, когда дверь прикрывает кто-то, кому я доверяю. Просто на случай, если объявится кто-нибудь еще. – Я мотнул головой в направлении деревьев, где, по словам Томаса, что-то скрывалось.

Он покачал головой:

– Как скажешь.

Он небрежно, расслабленно прислонился спиной к стене, не убирая рук из-за головы. Впрочем, казалось, он держит их там только для того, чтобы не касаться затылком жесткой стены.

Я обогнул Хендрикса.

– Поосторожнее с ружьем, – посоветовал я ему, не поворачивая головы и не замедляя шага. – Случись с ним что, Хендрикс, и вам не поздоровится.

Хендрикс не обратил на мои слова ни малейшего внимания. Подозреваю, он просто исчерпал запас красноречия.

Я поднялся по лестнице, отмечая по дороге кое-какие детали. Во-первых, ковер здесь был дешевле даже моих, что по какой-то непонятной причине заставляло меня чувствовать себя увереннее.

Во-вторых, на ковре виднелись пятна крови. Много крови.

Ближе к верхней площадке ее обнаружилось еще больше, в том числе длинное пятно вдоль стены. Следуя этим жутковатым указкам, я приблизился к двери одной из трех спален и постучал.

– Заходите, Дрезден, – отозвался женский голос.

Я шагнул внутрь.

Мисс Гард лежала в постели. Кровать придвинули к окну, чтобы она могла видеть происходящее на улице. Рядом с ней лежала тяжелая автоматическая винтовка незнакомой мне модели. В пределах досягаемости ее рук стоял, прислоненный топором к кровати, тяжелый боевой топор. Гард светловолоса, высока, атлетически сложена, и хотя идеальной красавицей ее не назвать, она производит впечатление: точеные черты лица, голубые, как лед, глаза, спортивное тело.

И много, очень много крови.

Она разве что не плавала в крови, которой пропиталась насквозь вся кровать. Разорванная сорочка открывала черный спортивный лифчик и длинную рану, перечеркнувшую ее живот чуть ниже пупка. Из раны слегка выступали блестящие серо-красные веревки. Кишечник.

Живот мой скрутило, и я отвел взгляд.

– Бог мой, – произнесла мисс Гард негромким, хриловатым голосом. Лицо ее было бледно. – Можно подумать, вам никогда не приходилось видеть вспоротых животов.

– Это я от облегчения, – буркнул я, заставив себя посмотреть ей в лицо. – В первый раз за день вижу хоть кого-то, кто выглядит хуже, чем я.

На мгновение лицо ее осветилось усталой улыбкой.

– Вам необходим врач, – сказал я.

Она покачала головой:

– Нет.

– Да, – возразил я. – Обязательно. Я вообще не понимаю, как вы еще живы – с такой-то потерей крови. Подумайте, во что обойдется «Монок секьюритис» подобрать вам замену.

– Им это не понадобится. Со мной все будет в порядке. Компания хорошо заботится о медицинском обслуживании своих сотрудников. – Она взяла с окровавленной простыни маленький тюбик, более всего напоминающий суперклей для моделлистов. – Меня не первый раз потрошат. Приятного мало, но выкарабкаюсь.

– Черт, – произнес я. Это и впрямь впечатляло. – Скажите, у вас там нет вакансий?

Мой вопрос вызвал у нее новую слабую улыбку.

– Вы неважно соответствуете устраивающему компанию профилю.

– Жаль. Мне уже надоело подолгу отходить после каждой катавасии.

Гард устало покачала головой:

– Как вы нас нашли?

– Деметра, – признался я.

Она повела золотой бровью.

– Пожалуй, этому не стоит удивляться. Хотя я его предупреждала. Он слишком доверчив.

– Марконе? Слишком доверчив? – Я изумленно вытаращился на нее. – Леди, да вы еще больше параноик, чем я.

– Это не паранойя – просто долгий опыт. Убежище перестает быть убежищем, если о нем становится известно. – Она опустила руку и осторожно заправила кишки обратно в рану. При этом она чуть зашипела от боли, но не позволила такой мелочи, как выставленный напоказ внутренний орган, помешать разговору. – Вы угрожали ей?

– Эм... Скорее, убедил в том, что я намерен помочь Марконе.

Она подняла тюбик авиамодельного клея и выдавила по несколько капель с обеих сторон раны, в которую только что заправила внутренности. Кровь при этом потекла чуть сильнее. Я заметил, что несколько дюймов раны уже склеены.

– Вы дали ей слово?

– Э-э, да, но... – Я больше не мог этого выносить. – Послушайте, вы не могли бы повременить с этим на время нашего разговора? А то как-то трудно сосредоточиться на теме.

Она сжала края раны, выдохнув при этом ругательство на незнакомом мне языке.

– Вам известно, – произнесла она, – что этот клей изначально создавался для оказания первой помощи на поле боя?

– А вам известно, что вы вот-вот узнаете, что я ел на завтрак? – парировал я.

– Не знаю только, правда ли это, – продолжала она. – Я это в кино видела. Про – черт возьми... – про оборотней. – Она перевела дух и медленно отняла руки от раны.

Еще два или три дюйма опухшей плоти сошлись, стянутые клеем. Вид она, правда, имела кошмарный: серое лицо, застывшее от боли.

– Зачем, Дрезден? Зачем вы ищете Марконе?

– Вкратце? Если я не сделаю этого, пострадает моя задница.

Прищурившись, она покосилась на меня.

– Значит, это личное дело?

– Еще какое личное. Могу дать вам свое слово, если хотите.

Она покачала головой:

– В вашем слове я не сомневаюсь. Оно... Вы всегда говорили правду. – Она зажмурилась от боли и несколько секунд тяжело дышала. – Но мне от вас кое-что нужно.

– Что?

– Белый Совет, – хрипло выдохнула она. – Я хочу, чтобы вы попросили Белый Совет помочь вернуть Марконе.

Я изумленно уставился на нее:

– Эм... Чего?

Она поморщилась и принялась запихивать в брюшную полость еще несколько дюймов кишок.

– Неписанный договор нарушен. Необходимо бросить вызов нарушителю. Призвать эмиссара. Как Страж... – Она помолчала, справляясь с болью, и нанесла еще несколько капель клея. – Как Страж вы обладаете правом бросить вызов.

Пальцы ее соскользнули, и рана снова открылась. Она побелела от боли.

– Черт подери, Сигрун, – буркнул я и двинулся на помощь, почти забыв о ее состоянии и думая только о боли, которую она испытывала. – Уберите руки, не мешайте.

Она повиновалась, и я сумел-таки сжать края раны, дав возможность едко пахнущему клею схватиться.

Она сделала попытку благодарно улыбнуться мне.

– Мы... мы неплохо поработали вместе на пивном фестивале. Вы профессионал. Я уважаю такое.

– Готов поспорить, вы скажете это любому, кто заклеит вам живот.

– Оповестите Совет, – произнесла Гард. – Бросьте вызов.

– У меня есть предложение получше, – возразил я. – Скажите мне, где находится Марконе, я вытащу его оттуда, верну домой, и делу конец.

Она начала заправлять в живот следующий кусок, а я держал наготове клей.

– Все не так просто. Я не знаю, где он.

До меня дошло.

– Но вы знаете, кто его похитил.

– Да. Другой участник договора, подписанного Марконе. У меня нет полномочий оспаривать их действия. А у вас есть. Возможно вам удастся вывести их на свет, заставить остальных участников договора оказать на них давление.

– Ну да, конечно, – буркнул я, выдавливая клей на края раны. – Совет придет в невероятный восторг, узнав, что один из его младших членов втягивает его в распри, которые его не касаются.

– Но вы ведь привыкли? – прохрипела Гард. – Не похоже, чтобы это с вами случилось впервые.

Я свел края раны и стал ждать, пока клей схватится.

– Не могу, – тихо произнес я.

Она дышала слишком часто, слишком резко. Я едва удерживал края раны вместе.

– Как... ч-черт... скажете. В конце концов... это ваша задница под ударом.

Я поморщился и медленно отпустил края раны, удостоверившись, что клей схватился. Мы справились с последними несколькими дюймами разреза, и кровотечение остановилось.

– Не могу с этим спорить, – сказал я и прищурился. – Кто это? Кто из участников договора убрал Марконе со сцены?

– Вы уже встречались однажды с ними.

– Гарри! – вдруг послышался снизу голос Томаса.

Я резко повернулся к двери, и тут окно за моей спиной разлетелось брызгами стекла. Осколки отскочили от моего заговоренного плаща, но пара острых кусков стекла обожгла шею и ухо. Я попытался обернуться, и мне показалось, что мне в лицо что-то летит. Я отбил его в сторону левой рукой, пригнулся и отпрянул назад, подальше от незнакомца.

Тот приземлился, сгорбившись, на кровати, двинув при этом ногой по незащищенному, раненому животу Гард. Тварь ненамного превосходила ростом ребенка, имела красно-черную окраску и почти человекоподобный вид, но ее покрывала хитиновая оболочка. Фасетчатые глаза казались слишком большими для головы, а руки заканчивались клешнями, как у богомола. Прозрачные крылья за спиной трепетали, издавая негромкое, назойливое жужжание.

Но не это пугало в ней больше всего.

Глаза у твари словно светились изнутри красно-оранжевым светом – и над этой парой глаз светилась еще одна. Эти тошнотворно-зеленые глаза жили отдельной жизнью, мигая и поворачиваясь независимо от первой пары. А на хитиновом лбу горел знак Падшего ангела.

Я вдруг очень пожалел о том, что мой посох остался в двадцати футах от меня, этажом ниже. С таким же успехом он мог находиться сейчас на Луне – проку от него было все равно не больше.

Стоило мне подумать об этом, как рыцарь Ордена Темного Динария открыл свою хитиновую пасть, испустил полный злобы трубный вопль и прыгнул мне в лицо.

Глава 13

Когда-то в моей жизни бывало такое, когда меняющий облик, одержимый демоном псих, вломившийся в окно, чтобы выцарапать мне лицо, представлялся мне ужасным, возмутительно неприятным сюрпризом.

Однако времена эти давным-давно прошли.

Последние несколько лет я провел на переднем крае сверхъестественной войны между объединяющим чародеев Белым Советом и вампирскими коллегиями, причем чем дальше, тем больше я оказывался в нее вовлеченным. Чародеи, идущие на бой не готовыми и не собравшими необходимые силы, имеют изрядный шанс не вернуться домой. Хуже того, люди, которые полагались на их защиту, из-за этого страдают.

Второе по важности правило боевой магии звучит предельно просто: не позволяй до себя дотронуться.

Идет ли речь о вампирах, ограх или каких-либо других чудовищных мерзостях, почти все они способны сделать с вами много страшного, оказавшись в непосредственной близости от вас, – что наглядно продемонстрировал на моем носу заурядный представитель клана бебек накануне вечером.

Главное правило боевой магии тоже просто: будьте готовы.

Конечно, чародеи тоже способны обрушить на неприятеля чудовищную энергию. С одной существенной оговоркой: они должны быть готовы к бою. Проблема в том, что нападающие на нас твари тоже отлично это понимают, поэтому их излюбленной тактикой является атака из засады. Возможно, срок жизни чародея и велик, но назвать нас неуязвимыми нельзя. В общем, когда дело пахнет жареным, приходится думать с опережением событий.

Я, например, стараюсь быть готовым ко всему – и учу этому же молодых, менее опытных чародеев. Как раз на такой случай.

Петля стальной цепи выметнулась из моего кармана, не зацепившись, потому что я репетировал это движение тысячу раз, и я хлестнул эту насекомую тварь по лицу.

Разумеется, она оказалась быстрее меня. Так обычно и бывает. Тварь успела перехватить цепь клешнями и, резко дернувшись всем телом, вырвать ее у меня из руки.

В том, что она проделала это со скоростью мысли, если не быстрее, имелась и положительная сторона. Богомол не успел заметить двух существенных особенностей моей цепи. Во-первых, та покрыта медью.

А во-вторых, к другому, свободному концу цепи прикреплена обычная электрическая вилка.

Я ткнул пальцем в направлении ближайшей розетки и выкрикнул:

– Galvineus!

Вилка атакующей змеей метнулась к розетке и воткнулась в нее.

Свет в доме мигнул и немного померк. Динарианец резко подпрыгнул в воздух и упал на пол, отчаянно содрогаясь и размахивая конечностями. Переменный ток заставил мышцы челюстей и клешней чудовища сжаться, не давая тому отпустить цепь. Из-под хитинового панциря в нескольких местах начал выбиваться дым.

– Чародей! – прохрипела Гард.

Она схватила деревянную рукоять топора и слабеющей рукой толкнула ее ко мне. Снизу донеслись крики и грохот дробовика. Все это воспринималось мной как фоновая, несущественная информация. Все, что по-настоящему касалось меня, находилось на расстоянии вытянутой руки.

Топор ударил по ноге, но заговоренная кожа плаща не дала ему поранить меня. Я подобрал топор – видит бог, тяжелый! – замахнулся и обрушил на динарианца с такой силой, словно колот дрова.

Топор угодил куда надо, с хрустом уйдя в панцирь динарианца по самый обух. Конвульсии твари вырвали оружие из моих рук – а заодно и вилку из розетки.

Голова богомола повернулась ко мне, и тварь снова заверещала. Одним движением она выдернула из себя топор и вскочила на ноги.

– В сторону, живо! – выдохнула Гард.

Я повиновался, рухнув на пол и перекатившись в сторону.

Раненая женщина разрядила винтовку в упор, с расстояния не больше трех футов. Грохот очереди не смолкал несколько секунд.

Мне трудно описать словами, что за месилово вышло. Скажу только, что выводить пятна гнойной субстанции, что чудищу заменяла кровь, обошлось бы, возможно, дороже, чем заново отделать стены, пол и потолок.

Выстрелы стихли. Гард охнула, и винтовка выпала из ее пальцев, а сама она вздрогнула и прижала руки к животу.

Я подскочил к ней и поднял с кровати, стараясь не задевать раненого живота. Она оказалась тяжелой. Не как борец сумо, но все же роста в ней было шесть футов, и мускулатура крепче средней. Весом она почти не уступала Томасу. Я крикнул от натуги, перехватил удобнее и потащил ее к двери.

Гард негромко всхлипнула от боли, и из раны снова начала сочиться кровь. При мысли о том, что она, должно быть, испытывает, у меня самого заболел живот. Глаза ее закатились. Требовалось очень сильно постараться, чтобы одолеть порог переносимой ею боли, но, похоже, визит динарианца стал той самой последней соломиной.

Вряд ли день мог складываться еще менее удачно, подумал я.

Но тут окровавленное месиво, в которое превратился динарианец, зашевелилось.

– О, да ты, наверное, надо мной издеваешься! – закричал я.

Место, где только что лежала одна тварь, кишело теперь тысячами крошечных богомолов. Они сбегались к середине спальни, сбиваясь в две кучи, постепенно приобретающие форму суставчатых ног.

Внизу снова ударил дробовик, и по лестнице загрохотали шаги.

– Гарри! – произнес Томас.

Он понимался по лестнице, держа в руке обнаженную саблю, когда я с Гард на руках выбрался на верхнюю площадку.

– У нас тут тоже гости! – крикнул я и начал по возможности быстро, но осторожно спускаться по ступенькам.

– В доме их, кажется, еще трое, – сообщил Томас, посторонившись, и тут взгляд его остановился на Гард. – Мама родная!

На полу в прихожей валялся труп – большой, черный и лохматый. Ничего более определенного я сказать не могу, потому что большей части головы у него не доставало – судя по некоторым признакам, она была размазана по противоположной стене. От разбросанных по полу потрохов поднимался пар: в помещении царил холод, проникавший в дом через разнесенную в щепки входную дверь. В полутемной гостиной маячил Хендрикс с наведенным на зияющий проем входа дробовиком.

Что-то царапалось по перекрытию над нашими головами.

– Что это? – спросил Томас.

– Огромный богомол, собирающий себя из ошметок.

Томас удивленно заморгал.

– Это мои предположения, – уточнил я.

– Как она? – проворчал Хендрикс.

– Неважно, – сказал я. – Не стоит нам задерживаться здесь. Никаких обрешеток, даже порога – не с чем работать. Надо сматываться.

– Ее нельзя тащить, – заявил Хендрикс. – Это может ее убить.

– Если ее не тащить, это убьет ее еще вернее, – возразил я. – И нас заодно.

Хендрикс яростно покосился на меня, но спорить не стал.

Томас уже сунул руку в карман. Он был напряжен как пружина, и взгляд его беспокойно шарил по дверям – возможно, в попытке отслеживать тех тварей, что перемещались за стенами дома. Выудив из кармана брелок с ключами, он зажал его в зубах, взял саблю в одну руку, «дезерт-игл» – в другую и начал мычать сквозь зубы «Лягушонка на свидании».

Гард медленно обмякла, и голова ее свесилась вниз, как у тряпичной куклы. У меня уже не хватало сил удерживать ее.

– Хендрикс, – произнес я, кивая на сторону Гард.

Без лишних слов он отставил дробовик в сторону и забрал у меня женщину. При этом я успел увидеть его глаза, полные страха и тревоги – не за себя. Он взял ее очень осторожно – я даже не думал, что он так может.

– Откуда мне знать, что вы нас не бросите? Не удерете, бросив нас им на растерзание?

– Вам неоткуда это знать, – бросил я, забирая свой посох. – Оставайтесь, если хотите. Эти твари убьют вас обоих – это я гарантирую. Или попытайтесь счастья с нами. Выбор за вами.

Хендрикс испепелил меня взглядом, но потом покосился на безжизненное тело, лежавшее у него на руках, и упрямства в его лице немного поубавилось. Он кивнул.

– Гарри, – спросил Томас, – как ты собираешься это сделать?

– Направляемся напрямиком к твоему супертанкеру, – ответил я. – Кратчайший путь между двумя точками... ну и все такое.

– Они наверняка следят за дверью, – заметил Томас.

– Надеюсь, что так.

– Ладно, – кивнул он, закатив глаза. – Если у тебя есть план.

По перекрытию над нашими головами проскрипели шаги, замершие на лестничной площадке.

Ствол Томасова пистолета метнулся в сторону лестницы. Я не стал оглядываться. Я следил за дверью.

Со стороны лестницы послышался голос... будто бы кто-то водил по расстроенным скрипичным струнам гнилой змеиной шкурой.

– Чародей.

– Я тебя слушаю, – откликнулся я.

– Эту ситуацию возможно разрешить без дальнейшего кровопролития. Ты согласен на переговоры?

– Почему бы и нет? – ответил я, не отворачиваясь от двери.

– Дашь ли ты мне право свободного выхода – под свое слово?

– Считаю, я дал слово.

– Раз так, и я обещаю не трогать тебя сейчас.

– Как скажешь, – отозвался я и понизил голос до едва слышного шепота, услышать который мог один Томас. – Следи за ними в оба. Они устроят подлянку при первой же возможности.

– Тогда зачем предоставлять им эту возможность? – так же тихо спросил Томас.

– Затем, что из разговора с ними мы можем узнать что-нибудь важное. Допрашивать трупы сложнее. Поменяйся местами со мной.

Мы поменялись местами – теперь мой посох целился в сторону лестницы, по которой спускалась богомолородная тварь. Она пригнулась на верхней ступеньке из тех, с кото-

рых она могла осмотреть вестибюль. По ее внешности я бы даже не предположил, что всего несколько минут назад ее расколошматили до состояния гамбургера пули из ружья Гард.

Так вот, она пригнулась – движением, в котором не было ничего человеческого – и склонила голову почти под прямым углом, сначала в одну сторону, потом в другую. Затем живот ее вздулся. Мгновение мне казалось, что ее вот-вот вырвет, тем более что изо рта у нее показалась какая-то желто-розовая слизь. Вместо этого тварь подняла клешни, схватилась ими за голову и, словно кожуру, ободрала ее со слизи – таким движением обычно надевают свитер со слишком узким горлом. Из слизи возникло человеческое лицо, а куски хитиновой оболочки головы свесились на грудь и на спину динарианца.

Динарианец... нет, динарианка производила бы впечатление пятнадцатилетней девочки, когда бы не волосы – серебристые, короткие, липнущие к черепу. У нее оказались великолепные большие зеленые глаза, да и лицо симпатичное, с изящным остреньким подбородком, чистой бледной кожей и высокими скулами. Вторая пара зеленых глаз и знак Падшего ангела слабо светились у нее на лбу.

Она медленно улыбнулась.

– Цепи я не ожидала. Мне казалось, ты предпочитаешь огонь и силу.

– Ты стояла на одной моей знакомой, – сказал я. – У меня не было желания испепелять ее или пробивать ею стену.

– Глупо, – пробормотала девушка.

– Я пока здесь.

– Но и я тоже.

– У тебя пять секунд на то, чтобы перейти к делу, – буркнул я. – Я не собираюсь позволять тебе тянуть время, пока твои дружки занимают позицию для атаки.

Девушка-Богомол сощурила глаза. Вторая пара глаз на лбу тоже сощурилась. Чертовски неуютно. Она кивнула в сторону Хендрикса и Гард.

– Мое дело связано с ними. Не с тобой, о Страж Белого Совета. Отдай их мне. Ты можешь уйти с миром. Как только эти двое будут мертвы, я соберу своих соплеменников, и мы покинем город, не причиняя вреда невинным.

Я хмыкнул:

– Что, если они нужны мне живыми?

– Если хочешь, я могу подождать, пока ты не допросишь их.

– Угу, только этого мне не хватало: чтобы вы маячили у меня за спиной.

Она подняла клешню:

– Даю тебе свое слово: ни тебе, ни твоему спутнику не причинят никакого вреда.

– Соблазнительно, – заметил я.

– Возможно, мне следует прибавить и материальное поощрение для тебя? – спросила Девушка-Богомол. – Я заплачу двести тысяч наличными.

– Какого черта тебе это нужно?

Она пожала плечами:

– Мой конфликт происходит с Бароном-выскачкой и его подчиненными, не с Белым Советом. Я предпочитаю демонстрировать уважение к твоим коллегам, нежели идти на ссору с ними из-за твоей смерти.

– Ну-ну.

Улыбка ее сделалась чуть резче.

– Если тебе угодно, я могу предложить и развлечься – когда мы покончим с этим делом.

Я хрипло хохотнул.

– Ого, – произнес я, продолжая смеяться. – О-го-го. Надо же, как смешно.

Она уставилась на меня, удивленно моргая. Выражение ее лица вызвало у меня новый, еще более громкий взрыв смеха.

– Ты... ты хочешь, чтобы я... Адские погремушки, неужели ты думаешь, что я не знаю, что случается с самцом богомола, стоит ему сделать свое дело?

Она злобно оскалилась. Зубы ее оказались блестящими, черными.

– Ты хочешь, чтобы я верил тебе, – продолжал я, не переставая смеяться. – И ты считаешь, что, если помашешь у меня перед носом звенящим или шуршащим, ты получишь все, что хочешь? Господи, прелесть какая... так и хочется положить тебя в карман на память.

– Не оспаривай того, что принадлежит мне, чародей, – огрызнулась она. – Я все равно получу их. Заключи со мной соглашение. Я буду соблюдать его условия.

– Угу, – кивнул я. – Я уже видел, как твои приятели держат свое слово. Давай-ка лучше я сделаю тебе встречное предложение. Верните мне Марконе целым и невредимым и немедленно убирайтесь из города, и тогда я сохраню тебе жизнь.

– Допустим, что мы примем твоё предложение. Почему я должна верить, что ты позволишь нам уйти с миром?

Я одарил ее слабой улыбкой и вспомнил слова давно погибшего друга.

– Потому что я знаю, чего стоят твои слова, динарианка. А ты знаешь, чего стоят мои. Мгновение она молча смотрела на меня.

– Я посоветуюсь со своими спутниками и вернусь через пять минут.

Я кивнул. Она отозвалась тем же жестом и начала подниматься обратно по лестнице.

Она скрылась из виду. Где-то наверху лязгнуло разбитое стекло.

А потом что-то красно-черное молнией слетело по лестнице и устремилось на нас под хор адских воплей с улицы.

Коварство срабатывает неважно, если противоположная сторона ожидает этого, а я держал заклятие наготове с той секунды, как Девица-Богомол повернулась к нам спиной. Она не добежала еще до нижней ступеньки, а я уже вскинул свой посох.

– Forzare! – провозгласил я.

Мощная струя кинетической энергии ударила в нее и отшвырнула прочь. Долетев до верхней площадки, она не остановилась, а со зловещим хрустом пробила стену и исчезла из вида.

Что ж, за дело. Что-то ворвалось в дверь, и Томас встретил это что-то саблей и пистолетом. Я не успел разглядеть этого хорошенько, но у меня сложилось впечатление об этом как о чем-то со спиральными рогами и зеленой чешуей. Я накачал в посох побольше энергии, нацелил его на стену и, повторив слово заклинания, разрядил энергию – не мощной струей, а медленным, ровным потоком, после чего добавил еще немного, превратив его в широкую, прижатую к наружной стене пружину.

А потом я шагнул назад и выкрикнул команду «Forzare!» во всю мощь легких. Послышался чудовищный скрежет дерева и стали, звон стекла – и вся передняя стена дома метнулась вперед.

Взвыли демонические голоса. Я повернулся и увидел, как Томас, воспользовавшись замешательством противника, рубит его саблей в лапшу. Динарианец отпрянул назад, оглушительно вопя от боли.

– Черт! – воскликнул Томас. – Совсем новая была машина!

– Кончай ныть – и вперед! – громко ответил я и первым бросился к «хаммеру».

Рухнувшая стена здания накрыла пространство перед домом и крышу машины слоем обломков. Сквозь пыль и снег я ничего не видел, но слышал, как остальные динарианцы пытаются выбраться из-под завала.

Мы добежали до «хаммера» и попрыгали в салон. Томас уже тронул его с места, когда Девица-Богомол спикировала откуда-то сверху на капот и заскрежетала по нему клешнями.

– Черт тебя раздери! – прокричал Томас.

Он дернул рычаг переключения передач, и «хаммер» рванулся назад. Свободной рукой Томас выхватил пистолет и разрядил его в демоницу прямо сквозь ветровое стекло. Вместо кровавых брызг от девицы летели облачка мелких насекомоподобных тварей, однако, судя по воплям, это причинило ей изрядную боль. Она свалилась с капота и исчезла.

Томас развернул «хаммер», и мы нырнули в снежную круговерть, почти сразу скрывшую от нас дом... точнее, то, что от него осталось.

Некоторое время мы ехали молча, давая уняться сердцебиению и адреналиновому шторму в крови.

Первым нарушил молчание Томас.

– Не думаю, что мы многое узнали, – заметил он.

– Черта с два немного, – возразил я.

– Что, например?

– Мы узнали, что в городе не меньше пяти динарианцев. Еще мы узнали, что они тоже представители Неписаного закона, причем явно недовольные участием в нем Марконе.

Томас согласно хмыкнул.

– Что теперь?

Я устало покачал головой. Последнее заклятие далось мне нелегко.

– Теперь? Думаю... – Повернув голову, я посмотрел на Гард, не подававшую признаков жизни. – Думаю, мне стоит обратиться к Совету.

Глава 14

Теперь, когда за мной охотились не одна, а целых две команды сверхъестественных убийц, мои возможности стали несколько ограниченными. В конце концов, имелось только одно место, куда я мог отвезти Гард и Хендрикса, не подвергая опасности ничьи жизни: церковь Святой Марии Всех Ангелов.

Именно поэтому я попросил Томаса отвезти меня к Карпентерам.

– Мне до сих пор кажется, что это не самая удачная мысль, – негромко заметил Томас.

Снегоочистители на улицах старались вовсю, но одолеть снег им пока не удавалось. Тем не менее подъезды к больницам оставались более-менее свободными.

Некоторые улицы больше всего напоминали фронтовые траншеи Первой мировой, превратившись в узкие проезды между высоченных, в человеческий рост, сугробов.

– Динарианцам известно, что мы используем церковь в качестве убежища, – возразил я. – Они наверняка следят за ней.

Томас хмыкнул и покосился на зеркало заднего вида. Гард так и не приходила в сознание, но дышала. Хендрикс сидел, закрыв глаза и приоткрыв рот. Я не мог упрекнуть его в этом. Я ведь не дежурил всю ночь, охраняя раненого товарища, и то с удовольствием бы вздремнул.

– Что это за твари? – спросил Томас.

– Рыцари Ордена Темного Динария, – ответил я. – Помнишь меч Майкла? С гвоздем в рукояти?

– Конечно.

– Существуют еще два подобных ему. Три меча, три гвоздя.

На мгновение глаза Томаса потрясенно округлились.

– Постой. Те самые гвозди? Из Распятия?

Я кивнул.

– Они самые.

– А эти твари? Противоположная сторона?

– Угу. У каждого из этих динарианских жутиков имеется по серебряной монете.

– Три серебряные монеты, – вздохнул Томас. – Можно сказать, состояние.

– Тридцать, – поправил я его.

Томас слегка поперхнулся:

– Тридцать?

– Изначально. Правда, Майкл с товарищами конфисковали несколько штук.

– Тридцать сребреников, – дошло наконец до Томаса.

Я кивнул:

– В каждой монете заключена душа одного из Падших. Любой, кто вступит во владение одной из монет, обретает силу Падшего ангела. С ее помощью они меняют облик – да ты и сам видел как. Исцеляют раны и все такое.

– С ними трудно справиться?

– Кошмарно трудно, – кивнул я. – И многие из них прожили достаточно долго, чтобы развить в себе изрядные магические способности.

– Ха, – заметил Томас. – Тот, что ломился в дверь, не слишком тянул на сверхзлодея. Страшненький, конечно, но не Супермен.

– Может, тебе просто повезло, – сказал я. – Пока монета у них, они вполне подпадают под определение «крепкий орешек».

– Ага, – кивнул Томас. – Что ж, тогда понятно.

– Что понятно? – не понял я.

Томас полез в карман и достал серебряную монетку размером чуть больше пятицентовой, потемневшую от времени – только блестел нетронутый окисью знак Падшего ангела. – Когда я выпотрошил Капитана Страшил, из него выпала эта штука.

– Адские погремушки! – выдохнул я и отпрянул от монеты.

Томас дернулся от неожиданности, и «хаммер» накренился, заехав колесами на сугроб. Томас вернул его на проезжую часть, не сводя взгляда с меня.

– Эй, Гарри. Ты что?

Я прижался боком к дверце «хаммера», пытаюсь как можно дальше отодвинуться от этой штуки.

– Слушай, ты только... просто не шевелись, ладно?

Он удивленно заломил бровь:

– Ла-а-адно... А почему?

– Потому что, если эта штука коснется твоей кожи, ты обречен, – буркнул я. – Заткнись на секунду, дай подумать.

Перчатки. Томас весь день ходил в перчатках, чтобы не опасаться подаренного Жюстиной шарфа. Он не касался монеты голыми пальцами, иначе уже понял бы, в какое дерьмо впался. Это хорошо. Однако монета не стала от этого менее опасной, и я сильно подозревал, что заключенный в нее Падший способен в той или иной степени воздействовать на физическое окружение – достаточно для того, чтобы, скажем, укатиться от прежнего обладателя или каким-то образом заставить Томаса занять вакантное место.

Заключение. Ее надо во что-то заключить. Я порылся в карманах. Единственной емкостью, которую я захватил с собой, оказался старый матерчатый мешочек, в котором некогда продавалась подарочная бутылка виски «Кроун-Роял», – я таскаю в нем свой набор игровых костей. Я вытряхнул кубики в карман и раскрыл мешочек пошире.

Левая рука у меня почти всегда в перчатке. Страшные ожоги, которые я получил несколько лет назад, неплохо поджили, но все равно кисть выглядит довольно устрашающе. Я не выставляю ее напоказ из уважения к тем, кто может ненароком на нее посмотреть. Я растопырил пальцы левой руки, растягивая горло мешочка.

– Клади ее сюда, – сказал я Томасу. – Только, ради бога, не урони ее и не коснись ею меня.

Глаза у Томаса округлились еще сильнее. Он прикусил губу и очень осторожно опустил безобидный на вид серебряный кружок в мешок с вензелем «Кроун-Роял».

Я рывком затянул шнурок и завязал его узлом покрепче. Потом торопливо выдвинул пепельницу «хаммера», сунул туда мешочек с монетой и захлопнул ее обратно.

Только после этого я перевел дух и откинулся на спинку кресла.

– Господи, – тихо пробормотал Томас и нерешительно помолчал секунду-другую. – Гарри, это действительно так страшно?

– Даже хуже, – ответил я. – Но никаких более серьезных мер предосторожности мне пока в голову не идет.

– А что бы случилось, если бы я ее коснулся?

– Заключенный в монету Падший вторгся бы в твое сознание. Он предлагал бы тебе власть. Силу. Искушал бы по максимуму. И стоило бы тебе поддаться, как он овладел бы тобой без остатка.

– Мне приходилось сопротивляться искушению, Гарри.

– Не такому. – Я устало посмотрел на него. – Это же Падший ангел, дружище. Проживший не одну тысячу лет. Он знает людскую психологию. И знает, как на ней играть.

Его голос сделался чуть резче.

– Я ведь родом из семьи, где все инкубы или суккубы. Думаю, я имею представление о соблазнении.

– Тогда ты должен понимать, как они тебя заполучат. – Я понизил голос и продолжил немного мягче: – Это могло бы вернуть Жюстину к тебе, Томас. Позволь себе снова касаться ее.

Секунду он пристально смотрел на меня, и в глубине его глаз мерцали огоньки давно тлевшей страсти. Потом мой брат медленно отвернулся, глядя на дорогу, а лицо снова застыло нейтральной маской.

– Да, – негромко произнес он. – Нам, пожалуй, лучше избавиться от этой штуки.

– Избавимся, – кивнул я. – Церковь две тысячи лет противостоит динарианцам. Там знают, что делать с этими монетами.

Томас покосился на пепельницу, потом отвел взгляд и нахмурился при виде искореженного капота своего «хаммера».

– Почему бы им не показаться месяцев шесть назад? Когда я ездил на «бьюике»?

Я фыркнул:

– Вижу, с приоритетами у тебя все в порядке.

– Только-только познакомился с этими ребятами – и уже ненавижу их, – заявил Томас. – Но почему они здесь? И почему сейчас?

– Вкратце? Я бы предположил, что они выбрались сюда размазать Марконе, доказав тем самым остальным участникам договора, что жалким смертным не место среди нас – я имею в виду, сверхчеловеков.

– А они тоже участники договора?

– Надо проверить, – сказал я. – Сомневаюсь, чтобы они значились в числе участников как «Орден одержимых демонами психопатов». Но, судя по тому, что говорила эта Девушка-Богомол, похоже на то.

Томас покачал головой:

– Так что же они получают с этого? Что можно доказать похищением Марконе?

Я пожал плечами. Эти же самые вопросы я уже задавал себе и не смог пока нащупать убедительных ответов.

– Понятия не имею, – признался я. – Однако у них нашлось чем разнести тот дом к чертовой матери и чтобы обойти все препятствия, которыми окружил себя Марконе.

– А какого черта Королевы фэйри вяжутся в это дело? – поинтересовался Томас.

Я снова пожал плечами. Этот вопрос я тоже себе задавал. Терпеть не могу, когда мне приходится отвечать на собственные же вопросы вроде этого.

Оставшуюся часть дороги до дома Майкла мы проделали в серо-белой тишине.

Его улицу успели очистить от снега вполне прилично, так что мы без труда подкатали прямо к подъездной дорожке. Майкл и двое его старших сыновей, вооружившись большими лопатами, убирали снег на участке.

При виде «хаммера» Майкл поджал губы, сказал что-то сыновьям, и те, переглянувшись, поспешили в дом. По расчищенной дорожке Майкл приблизился к машине с моей стороны, посмотрел на моего брата, потом перевел взгляд на пассажиров, сидевших сзади.

Я опустил стекло.

– Привет, – сказал я.

– Гарри, – спокойно произнес он. – Что вы здесь делаете?

– Только что я имел беседу с Девушкой-Богомолом, – ответил я и поднял к окошку блокнот, где нарисовал ангельский знак, пока он оставался свежим в моей памяти.

Майкл сделал глубокий вдох и поморщился. Затем кивнул.

– Я предчувствовал, что они в городе.

– Правда? – спросил я.

Парадная дверь дома отворилась, и на крыльце появился крупный темнокожий мужчина в синих джинсах и темной кожаной куртке. На плече его висела спортивная сумка, и рука его

словно невзначай нырнула в нее. Держался он на морозе так, словно был одет по-зимнему. Не вынимая руки из сумки, он направился в нашу сторону.

Только когда он подошел достаточно близко, чтобы разглядеть детали, лицо его расплылось в широкой ухмылке, и он остановился бок о бок с Майклом.

– Гарри! – произнес он сочным голосом с явственным русским акцентом. – Надо же, какая встреча.

Я ответил ему такой же улыбкой.

– Привет, Саня. – Я протянул ему руку, и он пожал ее с такой силой, что я всерьез испугался за целостность костей. – Вы-то что здесь делаете?

– Так, проездом, – ответил Саня, ловя пальцем снежинку. – Приземлился у вас последним рейсом, прежде чем аэропорт закрыли. Похоже, придется задержаться здесь на несколько дней.

Взгляд его скользнул с моего лица на блокнот, и улыбка на губах сменилась брезгливо сжатой линией.

– Кто-то знакомый? – спросил я его.

– Тесса, – ответил он. – И Имариэль.

– Значит, вы встречались прежде?

Он снова стиснул на мгновение зубы.

– Подручный Тессы... завербовал меня. Тесса здесь?

– И не одна, а с друзьями. – Я набросал знак, который видел на почернелом динарии всего несколько минут назад, и протянул им.

Саня покачал головой и взглянул на Майкла.

– Акариэль, – не задумываясь, произнес Майкл.

Я кивнул:

– Он в мешке из-под виски в пепельнице.

Майкл выпучил глаза. Саня тоже.

– Надеюсь, у вас найдется один из этих ваших освященных платков. Я бы отвез это к падре Фортхиллу, но, боюсь, он под пристальным наблюдением Падших. Мне нужно тихое место, чтобы отсидеться.

Саня с Майклом обменялись долгими, многозначительными взглядами.

Потом Саня нахмурился, разглядывая моего брата.

– А это что еще за вампир?

Я заметил, как застыл от неожиданности Томас. Как правило, даже обитатели сверхъестественного мира не распознают вампира Белой Коллегии – если, конечно, не застанут того за своим вампирским промыслом. Это естественный камуфляж для его вида, и они полагаются на него так же, как, скажем, леопард – на свои пятна.

Однако скрыть что-либо от Рыцаря Креста не так-то просто. Может, это входит в список дарованных им способностей, а может, сама работа требует от тех, кто избран заниматься ею, подобного свойства – не спрашивайте, не знаю. В вопросах веры и отношений со Всевышним я не слишком силен, так что плаваю в этих водах с особой осторожностью и по возможности кратковременно. Я только знаю, что мало кому из нехороших парней удастся подкрасться нераспознанным к Рыцарю Креста и что у этих Рыцарей налицо предрасположенность выводить истину на свет.

На мгновение я встретился с Саней взглядом.

– Он со мной, – произнес я. – А еще именно благодаря ему Акариэль отдыхает сейчас в заточении.

Некоторое время Саня колебался. Он покосился на Майкла, который нехотя кивнул.

Младший Рыцарь задумчиво прикусил губу и тоже заглянул вглубь салона.

Хендрикс проснулся, но не пошевелился, только наблюдал за Саней пристальным взглядом.

– Женщина, – хмурясь, произнес Саня. – Что с ней?

– Ранена, – ответил я.

Что-то похожее на огорчение промелькнуло в его чертах.

– Да, конечно. Вы бы не привезли ее сюда, если бы считали, что она опасна.

– Не для вас и не для меня, – сказал я. – Тесса, конечно, может иметь иное мнение.

Санины брови поползли вверх.

– Так вот как она получила ранение?

– Это случилось после того, как ее ранили.

– Да ну. – Саня придвинулся чуть ближе к Гард, чтобы получше определить ее состояние.

– Назад, – пророкотал Хендрикс. – Товарищ.

Саня вновь сверкнул белозубой улыбкой и продемонстрировал Хендриксу пустые ладони.

Майкл кивнул Томасу:

– Загоняйте машину за дом. Сугробы заслонят ее от посторонних глаз.

– Спасибо, Майкл, – сказал я.

Он мотнул головой:

– В мастерской есть обогреватель и пара раскладушек. Детей я подставлять под это не хочу.

– Я понимаю.

– Правда? – мягко спросил Майкл.

Он легонько похлопал по искореженному капоту пикапа и махнул рукой, давая Томасу знак проезжать.

Спустя двадцать минут мы все расположились в теплой, хотя и немного тесноватой мастерской Майкла.

Гард лежала на раскладушке и спала; лицо ее розовело буквально на глазах. Хендрикс сидел, привалившись спиной к стене рядом с ее раскладушкой, – предположительно охраняя ее, но периодически всхрапывая. Саня отправился в дом, чтобы с помощью Молли и остальных детей приготовить нам что-нибудь поесть.

Я наблюдал, как Майкл, чуть слышно бормоча слова молитвы, заворачивает динарий Акариэля в чистый белый платок с вышитым на нем серебряным крестом. Затем он сунул платок в небольшой деревянный ларец – тоже украшенный серебряным крестом.

– Прошу прощения, – произнес он. – Мне нужно обезвредить это.

– Где они хранят эти штуки? – поинтересовался Томас, когда Майкл вышел.

Я пожал плечами:

– Возможно, в каком-нибудь большом складе с миллионом одинаковых ларцов.

Томас фыркнул.

– Даже не думай об этом, – предупредил я. – Не стоит, правда.

Томас провел рукой в перчатке по белому шарфу.

– Правда?

– Ты сам видел, как орудуют эти твари. Они начнут манипулировать твоими эмоциями и самоконтролем – и с Жюстиной случится что-нибудь плохое. Или они дождутся, пока не подсекут тебя, не посадят на крючок и не выдернут из воды – в общем, пока не превратят тебя в свою марионетку, только из костей и плоти. И с Жюстиной случится что-нибудь плохое.

Томас пожал плечами.

– У меня в голове и так уже есть один демон. Один или два – велика разница?

Я внимательно посмотрел на его профиль.

– Да, один монстр у тебя в голове уже есть, – согласился я. – И это едва не стоило ей жизни.

Минуту он молчал. Потом с досадой врезал локтем по деревянной стене мастерской. Треснуло дерево, и в отверстие ворвался поток холодного воздуха.

– Может, ты и прав, – произнес он упавшим голосом.

– Будь я проклят, – пробормотал я.

В голове моей созрела одна мысль, от которой мне сделалось настолько не по себе, что по спине пробежал холодок.

Томас потер ушибленный локоть.

– Чего?

– Мысль одна... на редкость неприятная. – Я махнул рукой в сторону изможденных гвардейцев Марконе. – Боюсь, динарианцы захватили Марконе вовсе не для того, чтобы стереть его в порошок в назидание остальным.

Брат пожал плечами.

– Тогда на кой черт они это сделали?

Я прикусил губу – с такой силой свело судорогой мой желудок.

– Затем, – сказал я, – что они, возможно, хотят завербовать его.

Глава 15

Томас остался охранять наших спящих красавиц, а я отправился к Карпендерам на кухню потолковать с Майклом и Саней.

Я выложил им все карты до последней. Смотрите выше насчет целесообразности попыток врать Рыцарям Креста – и даже без этого оба более чем заслуживали моего доверия. Рассказ не отнял у меня много времени.

– Поэтому, – закончил я, – мне кажется, нам нужно действовать быстро, чтобы выдернуть у них Марконе, пока его не принудили вступить в клуб.

Майкл нахмурился и сложил свои тяжелые, натруженные ручки на столе перед собой.

– Что заставляет вас считать, что Марконе ответит им отказом?

– Марконе та еще гадина, – кивнул я. – Но гадина независимая. Он не согласится работать ни на кого.

– Вы уверены? – спросил Саня, тоже задумчиво хмуря брови.

– Угу, – сказал я. – Мне кажется, именно поэтому они хотели захватить Хендрикса и Гард, а не убить их. Так они могли заставить его принять монету – угрожая убить его людей.

– Это часто используемая тактика, – буркнул Майкл.

– Не для Тессы, – убежденно возразил Саня. – Она предпочитает выискивать тех, у которых уже имеется повод принять монету. Потенциальные таланты новобранца значат для нее меньше, чем необузданная страсть.

Майкл принял этот аргумент кивком головы.

– Из чего следует, что распоряжается не Тесса.

Саня блеснул зубами в свирепой ухмылке.

– Никодимус здесь.

– Охре... – начал я ругательство, но покосился на Майкла и смягчил выражение. – Адские погремушки! В прошлое свое посещение Никодимус едва не уколошил нас всех. И он убил Широ.

Оба Рыцаря кивнули. Майкл склонил голову и пробормотал короткую молитву.

– Ребята, – произнес я. – Я знаю, что инстинкты требуют от вас бдеть в ночной тиши, подставлять другую щеку и все такое. Но он тут с демоническим воинством, по меньшей мере вдвое превышающим по численности то, с которым он заваливался сюда в прошлый раз. Если мы будем ждать, пока он доберется до нас, он и трухи от нас не оставит.

– Согласен, – заявил Саня. – Перехватить инициативу. Найти его и врезать змею прежде, чем он сумеет свернуться для броска.

Майкл покачал головой:

– Брат, ты забываешь о нашем предназначении. Сила дана нам не для того, чтобы мы разили наших врагов, сколь бы они этого ни заслужили. Наше предназначение заключается в спасении несчастных душ, поработанных Падшими.

– Никодимус не хочет, чтобы его спасали, – возразил я. – Он совершенно спелся со своим демоном.

– Что совершенно не меняет нашего долга, – сказал он. – Любой, даже Никодимус, может искать искупления вне зависимости от содеянного им – до тех пор, пока он способен дышать, чтобы просить прощения.

– Насколько я понимаю, пара проникающих ранений в грудь не поможет нам обойти эту проблему? – спросил я у него. – Потому что если бы помогала, то мне пришлось бы их устроить.

Саня коротко хохотнул.

Майкл тоже улыбнулся, но улыбка его быстро погасла.

– Моя точка зрения заключается в том, что мы можем предпринимать такие агрессивные ходы лишь в самых критических ситуациях.

– Фэйри находятся на грани междоусобной войны, – сказал я. – Что, возможно, подбросит дров в топку войны между Белым Советом и коллегиями вампиров – боюсь, что в пользу нехороших парней. Один из самых опасных людей, которых я знаю, вот-вот получит против своей воли доступ к знаниям и силе Падшего ангела, что даст динарианцам в обмен практически неограниченное влияние в Штатах. Я уже не говорю о серьезных последствиях всего этого лично для меня. – Я переводил взгляд с одного Рыцаря на другого, потом поднял руку. – Я голосую за то, что ситуацию следует считать критической. Кто за?

Майкл перехватил дернувшуюся вверх руку Сани и мягко прижал ее обратно к столу.

– Здесь не демократия, Гарри. Мы служим царю.

Мгновение Саня хмурился, косясь на меня, но все же откинулся на спинку стула, поддерживая Майкла своим молчанием.

– Вы хотите с ними говорить?! – спросил я у Майкла. – Вы, наверное, надо мной смеетесь.

– Я этого не утверждал, – возразил Майкл. – Но и просто убивать их, не попробовав других средств разрешения ситуации, я не намерен. Возможно, это выход, Гарри. Но выход недостаточно хороший.

Я устало откинулся на спинку и потер рукой висок, в котором уже зарождалась боль.

– Ладно, – негромко произнес я, пытаясь на ходу придумать удовлетворительный план действий. – Что, если... если переговоры буду вести я? Согласны ли вы притаиться поблизости – в качестве подкрепления?

Майкл вздохнул:

– Во всем этом есть изрядная доля условности. Вы же прекрасно понимаете, что они попытаются предать вас в ту же минуту, когда это покажется им выгодным.

– Угу. И сделают это согласно собственному выбору. Но разве вы не этого ждете, а? Один из способов разрешения проблемы – выждать, пока она сама не подскажет плана действий. Желательно, чтобы при этом погибло как можно меньше хороших парней...

Вид Майкла выражал невеселые сомнения, но он все же кивнул.

– Отлично, – сказал я. – Тогда я попробую все организовать.

– Как? – поинтересовался Саня.

– Это уже мои проблемы, – буркнул я и покосился на часы. – Вот дерьмо. Опоздал на встречу. Можно попользоваться вашим телефоном?

– Конечно, – кивнул Майкл.

Я встал и направился к телефону. По дороге огляделся по сторонам.

– А где все? – спросил я, нахмурившись.

– Черити увезла их на несколько дней, – ответил Майкл. – Все равно со всей этой заварухой не до школы.

Я согласно хмыкнул:

– А где Молли?

Майкл помолчал, потом покачал головой:

– Не знаю точно. Сомневаюсь, чтобы она поехала с ними.

Я поразмыслил над этим и решил, что, пожалуй, догадываюсь, где она.

– Как вы сохраняете все это, – я указал подбородком на кухонную технику, – в порядке, когда Молли в доме? Я полагал, все это станет ломаться, искрить и взрываться направо и налево.

– Приходится принимать множество профилактических защитных мер, – с готовностью ответил Майкл. – И примерно вдвое больше ремонта, чем я обычно делаю.

– Мне жаль.

Он улыбнулся:

– Невелика цена. Она того стоит.

Признаюсь: то, за что мне нравится Майкл, не имеет отношения ни к мечам, ни к уничтожению зла.

Я снял трубку и набрал номер таверны Макэнелли.

– Мак, – отозвался Мак, владелец, в присущей ему лаконичной манере.

– Это Гарри Дрезден, – представился я. – Скажи, сержант Мёрфи у тебя?

Мак утвердительно хмыкнул.

– Дай ей пива за мой счет и передай, что я еду.

Мак хмыкнул еще раз.

– Спасибо, дружище.

Он повесил трубку, не попрощавшись.

Я сделал еще один звонок и поговорил с женщиной со славянским акцентом – судя по голосу, напрочь лишенным чувства юмора. Я пробормотал слова пароля – тихо, чтобы их не слышали остальные присутствующие, – но связь оказалась такой отвратительной, что мне пришлось едва не прокричать его в трубку. Впрочем, подобного следует ожидать, когда на обоих концах провода чародеи.

Телефонной сети потребовалось не больше десяти минут, чтобы соединить меня с той, кто мне был нужен.

– Лючко, – произнес в трубке молодой женский голос. – Что случилось, Гарри?

– Эй! – возмутился я. – Вы меня, можно сказать, обижаете, капитан. То, что я вам звоню, еще не означает, что у меня тут какой-то кризис.

– Формально так, пожалуй. Тогда зачем вы звоните?

– Ладно. У меня тут кризис.

Она издала неопределенное «м-м-м».

– Группировка, известная как Орден Темного Динария, похитила барона Марконе.

– Короля преступного мира, которого вы сами выдвинули на членство в договоре? – переспросила Лючко, не скрывая иронии. – И какое отношение это имеет к Белому Совету?

– Эти сволочи-динарианцы тоже подписывали договор, – сказал я. – Помощники Марконе вопят от отчаяния. Они просили меня заявить официальный протест против похищения и призвать уполномоченного для разрешения этого спора.

Последовали несколько секунд молчания.

– Какое отношение, – повторила Лючко, на этот раз тверже, – это имеет к Белому Совету?

– Договор – ничто без поддержки и гарантий, – сказал я. – В наших же долгосрочных интересах обеспечивать его соблюдение всеми сторонами, не допуская создания прецедента, который...

– Не вешайте мне лапши на уши! – заявила командующая корпусом Стражей, и на этот раз в голосе ее ощущался итальянский акцент. – Если мы предпримем какие-либо официальные действия, это может спровоцировать войну – войну, которую мы в нашем нынешнем положении просто не можем себе позволить. Нам всем известно, что Красная Коллегия всего лишь переводит дух. Нам и так дорого обошлись наши потери, а в случае нового конфликта они могут иметь непоправимые последствия.

Я старался, чтобы голос мой звучал ровно, сурово.

– Мэб лично связалась со мной. Она недвусмысленно дала понять, что в наших интересах вмешаться.

С формальной точки зрения я не лгал. Я ведь не уточнял, кого имею в виду, говоря «мы». Я очень рассчитывал на то, что упоминание о Мэб окажет на Лючко требуемое действие. Дело в том, что если Красная Коллегия не стерла нас за годы войны с лица земли – так только потому, что Мэб гарантировала нам, чародеям, свободный проход через контролируемые Зимой реги-

оны Небывальщины, а это давало нам такую же мобильность, что и у наших противников. Те не испытывали особых затруднений, используя транспорт смертных для переброски своих сил.

– Иисусе Христе! – выдохнула Лючко. – Она угрожает лишить нас прохода по своим землям, если мы не согласимся на ее требования?

– Ну, – осторожно сказал я, – напрямую она этого не говорила.

– Разумеется. Она вообще ничего не говорит напрямую.

– Однако же обещания свои она держит, – напомнил я.

– Она не принимает на себя обязательств, от которых невозможно ускользнуть. Она запрещает блокировать проходы своему народу, а также – в знак уважения к нам – и Диким фэйри. Все, что ей достаточно сделать, это снять запрет, действующий в отношении Диких, и тогда нам придется пробиваться через Небывальщину с боем.

– Да, она хитроумная сучка, – согласился я, скрестив на всякий случай пальцы.

Лючко энергично выдохнула через нос:

– Очень хорошо. Я улажу все необходимые формальности с Советом Старейшин. Какого уполномоченного вы бы предпочли?

– Архив. Мы неплохо сработались.

Лючко снова издала «м-м-м». До меня донесся скрип карандаша по бумаге.

– Дрезден, – произнесла она. – Надеюсь, вам не надо напоминать, насколько важно для нас избегать крупномасштабных конфликтов – даже с относительно небольшими силами.

Перевод для тех, кто не понял: *Не начинай новой войны, Гарри.*

– Однако, – продолжала она, – еще важнее для нас не утратить возможность прохода через Небывальщину.

Перевод: *Если только без этого не обойтись.*

– Я понял, – отозвался я. – Я сделаю все, что в моих силах.

– Сделайте больше, – посоветовала Лючко резковатым тоном. – В Совете Старейшин есть такие, которые считают, что и та война, что уже идет, началась по вашей некомпетентности.

Я почувствовал, что заливаюсь краской.

– Если они в очередной раз вылезут с этой темой, напомните им, что единственно по моей некомпетентности их не разнес на элементарные частицы новоявленный бог, – огрызнулся я. – А потом напомните им, что опять-таки по моей некомпетентности у нас появилась возможность передышки благодаря перемирию. А потом...

– Довольно, Страж, – отрезала Лючко.

Я совладал с раздражением и закрыл рот.

Эй, мы же все собрались на выходные. Время чудес.

– Я извещу вас, когда узнаю что-нибудь, – сообщила напоследок Лючко и повесила трубку.

Я тоже положил трубку на рычаг – резче, чем стоило бы, – и повернулся к столу. Майкл и Саня смотрели на меня.

– Гарри, – негромко произнес Майкл. – Вы ведь говорили с капитаном Лючко?

– Угу, – подтвердил я.

– Вы не говорили нам, что Мэб угрожала взять назад свои обязательства.

– Ну, нет.

Майкл обеспокоенно смотрел на меня.

– Потому что она этого не делала. Вы просто солгали Лючко.

– Да, – коротко ответил я. – Потому что для переговоров мне необходимо одобрение Совета. Потому что мне необходимы эти переговоры, чтобы эта шайка чертовых убийц, замучивших Широ, получила возможность доказать вам, что дело действительно дрянь.

– Гарри, если Совет узнает, что вы ввели его в заблуждение...

– Они, вероятно, обвинят меня в измене, – договорил я.

Майкл поднялся из-за стола:

– Но...

Я уставил в него палец:

– Чем дольше мы будем тянуть, тем надолше эти отморозки останутся в городе и тем больше этих козлоподобных громил будет охотиться за мной, подвергая опасности ни в чем не повинных людей. Мне надо действовать, а лучший способ убедить Совет вмешаться – это создать у них представление, будто огонь угрожает и их холеным задницам.

– Гарри, – снова начал Майкл.

– Не надо, – оборвал я его. – Не надо мне разговоров о покаянии, о всепрощении и о том, что каждый имеет право на второй шанс. Я всегда за то, чтобы действовать правильно, Майкл, и вы это знаете. Но сейчас не время.

– Разве спешка что-нибудь меняет, Гарри? – мягко спросил он.

– Даже ваша Книга утверждает, что всему свое время, – сказал я. – Время исцелять – и время убивать.

Майкл перевел взгляд с меня на дверь в гостиную, где висел на стене его двуручный Амораккиус в скромных кожаных ножнах, с простой рукоятью в стиле крестоносцев, оплетенной проволокой.

– Не в этом дело, Гарри. Я ведь больше вашего видел, что они творят. И не испытываю угрызений совести, сражаясь с ними, если дело доходит до этого.

– Они уже взорвали дом, пытались убить меня и создали ситуацию, при которой случайными жертвами едва не стали ваши дети. Или даже этого мало?

Вместо ответа Майкл покачал головой, встал, снял со стены Амораккиус и ушел куда-то вглубь дома.

Некоторое время я хмурился ему вслед, бормоча себе под нос различные нелестные эпитеты.

– Вы его озадачили, – заметил Саня.

Я покосился на чернокожего Рыцаря.

– Чего?

– Вы его озадачили, – повторил Саня. – Тем, что вы сделали.

– Что сделал? Соврал Совету? Мне кажется, у меня не было особого выбора.

– Но ведь соврали же, – констатировал Саня. Он сунул руку в лежавшую на полу у его ног спортивную сумку и вынул из нее длинную кавалерийскую саблю – Эспераккиус. Гвоздь в рукояти говорил о том, что сабля приходится сестрой мечу Майкла. Саня принялся внимательно изучать клинок. – Вы ведь могли просто очертя голову броситься на них.

– Один? Я, конечно, дурак, но не настолько.

– Он ваш друг. Он пошел бы с вами. Вы это понимаете.

Я мотнул головой:

– Он мой друг. Точка. С друзьями так не поступают.

– Именно, – кивнул Саня. – Итак, вместо этого вы подвергаете свою жизнь опасности, защищая его убеждения. Рискуете своей шкурой, спасая его сердце. – Он достал гладкий точильный камень и начал водить им вдоль клинка. – Я думаю, он считает это весьма мессианским поступком.

– Я сделал это вовсе не поэтому.

– Конечно, не поэтому. Он это понимает. Ему сейчас нелегко. Обычно это он защищает других, и он готов при необходимости заплатить цену.

Я вздохнул и покосился в ту сторону, куда ушел Майкл.

– Я просто не знаю, что еще я мог бы сделать.

– Да, – произнес Саня по-русски. – Но он все еще боится за вас.

Он замолчал, только камень продолжал скользить вдоль клинка.

– Вы разрешите задать вам один вопрос? – спросил я.

Здоровяк продолжал ровно водить рукой вдоль сабли.

– Легко.

– Вы имели несколько напряженный вид при упоминании имени Тессы, – сказал я.

Секунду Саня искоса смотрел на меня; вид у него при этом оставался непроницаемый.

Потом он чуть пожал плечом и вернулся к своему занятию.

– Она с вами что-то сделала?

– Практически не замечала. И не говорила, – ответил Саня. – Для нее я был всего лишь работником. Одним лицом больше, одним меньше... Кто я, что я – это ее не волновало.

– А эта, ее напарница? Та, что вас завербовала?

Он чуть пошевелил желваками на скулах:

– Ее зовут Розанна.

– Это она причинила вам боль, – предположил я.

– С чего вы это взяли?

– С того, что, когда вы говорите о ней, по вашему лицу видно, что вам причинили боль. Лицо его на мгновение осветилось улыбкой.

– Вы знаете, сколько чернокожих живет в России, Дрезден?

– Нет. Полагаю, они там в некотором роде меньшинство...

Точильный камень застыл на середине клинка, и Саня, изогнув бровь, внимательно посмотрел на меня.

– Да, – произнес он наконец ровным тоном. – Вроде того.

– Думаю, чернокожих там больше, чем в Штатах.

Он хмыкнул:

– Даже в Москве я выглядел в глазах коренных жителей очень, очень странно. А когда мне в юные годы случалось выезжать в города поменьше, приходилось быть осторожным на оживленных улицах. Там на меня так оглядывались, в том числе водители, что едва не доходило до дорожных происшествий. Буквально. Многие люди в этой части света никогда не видели чернокожего человека. Со временем ситуация меняется, но в подростковом возрасте я ощущал себя чуть ли не снежным человеком. Уродом.

До меня начало доходить.

– Такое отношение может сделать молодого человека немного раздражительным.

Брусок двинулся дальше вдоль клинка.

– О да.

– Так вот что вы имели в виду, когда говорили про Тессу. Что она предпочитает тех, кто уже созрел принять монету...

– Да. Я знаю это по собственному опыту, – кивнул Саня. – Розанна обладала всем, о чем только мог мечтать озлобленный, бедный, отчаявшийся юнец. Хороша собой. Сильна. Чувственна. И ее совершенно не беспокоил цвет моей кожи. – Саня покачал головой. – Мне было шестнадцать.

Я поморщился:

– Угу. Самый подходящий возраст для неудачного выбора. У меня по этой части тоже имеется некоторый опыт.

– Она предложила мне монету, – продолжал Саня. – Я ее принял. И на протяжении пяти лет после этого я и существо по имени Магог шатались по всему миру следом за Розанной, предаваясь всем порокам, какие только могут вообразить молодой человек вместе с Розанной... и подчиняясь командам Тессы. – Он тряхнул головой и посмотрел на меня. – Под конец этого срока, Дрезден, я вряд ли чем-то отличался от зверя – разве что ходил на двух ногах. О, мои мысли и чувства никуда не делись, но они сделались рабами моих животных страстей. Я

совершил много такого, чего мне не... – Он осекся и отвернулся от меня. – Я совершил много разного.

– Она манипулировала вами, – негромко произнес я. – Розанна. Она уговорила вас попробовать наркотик, сделать то или это. Постепенно, шаг за шагом. Растлевая вас, чтобы Падший мог завладеть вами.

Он кивнул:

– И все это время я даже не подозревал об этом. Мне казалось, она заботится обо мне так же, как я заботился о ней. – Он слабо улыбнулся. – Не забывайте, особой сообразительностью я никогда не отличался.

– Кто вас из этого выдернул? – поинтересовался я. – Широ?

– В некотором роде, – кивнул Саня. – Широ сорвал одну из Тессиних затей – в Антверпене, кажется. Мы с Розанной были тогда в Венеции. Тесса ворвалась в наш номер – в совершенном бешенстве. У них с Розанной случился спор, сути которого я до конца так и не понял. Только вместо того, чтобы выйти, как мне было сказано, я остался и подслушал их. В общем, я услышал, что на самом деле думала обо мне Розанна, услышал ее отчет Тессе о работе со мной. И понял наконец, каким идиотом был все это время. Я выбросил монету в канал, ушел и не вернулся.

Я удивленно уставился на него.

– Должно быть, это далось вам нелегко.

– Да вся моя тогдашняя жизнь походила на снежный ком, катившийся напрямик в ад, – жизнерадостно ответил Саня. – Ну да, не самая удачная метафора. Тогда я считал этот мой поступок равносильным самоубийству: Тесса наверняка выследила бы меня и убила, но Широ преследовал ее до Венеции – там он вместо нее и нашел меня. Майкл – не чикагский, другой Майкл – встретил нас на Мальте и предложил мне Эспераккиус, вот этот, и работу. Предложил шанс бороться против зла, которое я сам помогал творить. Это хорошая работа. Постоянные разъезды, новые места, интересные люди, сложные задачи.

Я тряхнул головой и рассмеялся:

– Что ж, позитивный взгляд на вещи.

– Я делаю мир лучше, – отозвался Саня с убежденностью человека, чья вера тверда, как скала. – А вы, Дрезден? Вы не задумывались о том, чтобы принять Фиделаккиус? Присоединиться к нам?

– Нет, – тихо ответил я.

– Почему нет? – спросил Саня спокойно, без осуждения. – Вы знаете, за что мы сражаемся. Вы знаете, сколько добра мы приносим другим. То, чем занимаетесь вы, во многом совпадает с нашей работой: защищать тех, кто не в состоянии защитить себя сам, противостоять силам зла и насилия, когда те поднимают голову.

– Я не слишком подхожу для всей этой божественной тусовки, – заявил я.

– А я агностик, – парировал Саня.

Я фыркнул:

– Адские погрешности! Вы еще скажите мне, что вам это безразлично. Вы носите святой клинок и водите компанию с ангелами.

– Клинок обладает силой, это так. Существа, связанные с этой силой, в некотором роде... ангелоподобны, да. Но с тех пор, как я принял меч, мне доводилось видеть много странных и могущественных существ. И если называть их не «ангелами», а «пришельцами», получится, что я работал в сотрудничестве с могущественными существами – не обязательно принадлежащими к Небесному Воинству. – Саня улыбнулся. – Я понимаю, что все это философские выкрутасы, но я не готов отказываться от подобной точки зрения. Мы занимаемся достойным делом, даже если не рассматривать это со стороны веры, религии и Бога.

– С этим не поспоришь, – согласился я.

– Тогда скажите мне, – настаивал Саня, – почему вы не хотите принять меч?

Я немного подумал, прежде чем ответить.

– Потому что он не для меня. И Широ сказал, что я пойму, кому и когда его вручить.

Саня пожал плечами и согласно кивнул.

– Что ж, это серьезная причина. – Он вздохнул. – Фиделаккиус пригодился бы нам в этом конфликте. Если бы Широ был сейчас с нами...

– Хороший человек, – согласился я. – Знаете, что он был королем?

– Мне казалось, он просто увлекался музыкой Короля. Элвиса, в смысле.

– Нет-нет, – сказал я. – Сам Широ. Он прямой потомок последнего короля Окинавы. С тех пор миновало несколько поколений, но его семья королевской крови.

Саня пожал широкими плечами.

– На протяжении столетий, друг мой, сменилось много королей, так что их кровь изрядно разошлась среди людей. Вот моя семья, например, может проследить свои корни вплоть до Салахуддина.

Брови мои невольно поползли на лоб.

– Салахуддина... Вы имеете в виду Саладина? Царя Сирии и Египта во время Крестовых походов?

Саня кивнул:

– Его самого. – Он снова застыл и посмотрел на меня; глаза его расширились.

– Я знаю, вы агностик, – сказал я. – Но в совпадения вы верите?

– Не так, как в свое время, – ответил Саня.

– Это не может быть простым совпадением. Вы оба – потомки королевских родов. – Я задумчиво пожевал губу. – Вот я и думаю: имеет ли королевское происхождение какое-то отношение к тому, каким образом избирается следующий обладатель одного из этих мечей?

– Я солдат и философ-любитель, – хмыкнул Саня. – Вы – чародей. Такое может играть какую-то роль?

Я сделал неопределенный жест рукой:

– И да, и нет. Я хочу сказать, существует множество факторов, связывающих магию с наследственностью. И целая куча древних ритуалов напрямую повязана с политическими правителями.

– Король и его страна едины, – серьезно процитировал Саня.

– Вроде того.

Саня кивнул:

– Майкл показывал мне это кино.

– Кроме Мерлина, в этом фильме нет ничего хорошего. И кроме капитана Пикарда, который надирает задницу врагам в кольчуге, вооруженный здоровенным топором. – Я махнул рукой. – Суть в том, что во многих культурах король, султан или кто там еще обладают властью не только физической, но и духовной. И сопутствующие этому энергии придавали древним королям еще и метафизическое значение.

– Возможно, что-то, сопоставимое с силой мечей? – предположил Саня.

Я пожал плечами:

– Возможно. Когда я родился, монархов на планете сделалось негусто. Раньше я об этом как-то не особенно думал.

Саня улыбнулся:

– Что ж, теперь вам осталось только найти принца или принцессу, готовую положить жизнь на алтарь борьбы за добро. У вас есть кто-нибудь на примете?

– Не очень много, – признался я. – Но у меня такое чувство, что мы на пороге чего-то подобного. – Я бросил взгляд на настенные часы. – Поздно уже. Я вернусь часа через два или позвоню.

– Да, – согласился Саня по-русски. – Мы присмотрим за вашими бандюгами.

– Спасибо, – сказал я и вернулся в мастерскую.

Хендрикс сполз на пол и посапывал. Гард так и вовсе храпела. Томас беспокойно расхаживал взад-вперед.

– Ну что? – спросил он.

– Мне надо заехать к Маку и поговорить с Мёрфи, – сказал я. – Поехали-ка.

Томас кивнул и шагнул к двери.

Я сунул руку в стоявшее у двери мусорное ведро, достал оттуда пустую банку из-под машинного масла и бросил ее в наименее загроможденный угол помещения. Не долетев до стены, пластмассовая фляга ударилась обо что-то невидимое, и Молли негромко ойкнула, возникнув из ниоткуда, потирая ушибленное бедро.

– Откуда она взялась? – недовольно поинтересовался Томас.

– Что я на этот раз сделала не так? – обиженно выпалила Молли. – Я вроде бы все приняла в расчет. Даже Томас не догадался, что я здесь.

– Ты ничего не упустила, – ответил я. – Просто я представляю себе ход твоих мыслей, Кузнечик. И если я не могу оставить тебя там, где безопасно, придется взять тебя туда, где я могу за тобой присматривать. Может, от тебя даже будет какая-нибудь польза. Едешь с нами.

Молли просияла.

– Отлично! – воскликнула она и следом за нами поспешила к выходу.

Глава 16

Я опоздал больше чем на час, и это не подняло Мёрфи настроения.

– Вид у твоего носа хуже, чем вчера, – заметила она, стоило мне плюхнуться за стол напротив нее. – Да и фингалы под глазами, похоже, больше сделались.

– Господи, – откликнулся я. – Тебе идет злиться. Очень хорошеешь при этом.

Глаза ее угрожающе прищурились.

– Твой носик-пуговка так трогательно розовеет, а глаза, как нальются кровью, еще голубее кажутся.

– У тебя есть еще что сказать напоследок, Дрезден, или тебя уже можно задушить?

– Мак! – крикнул я, поднимая руку. – Пару светлого!

Она пригвоздила меня к стулу взглядом:

– И не думай, что сможешь откупиться от меня пивом. Даже таким хорошим.

– Я и не пытаюсь, – ответил я, вставая из-за стола. – Я откупаюсь от тебя потрясающим – по-настоящему потрясающим пивом.

Я подошел к стойке, на которую Мак выставил две бутылки собственноручно сваренной нирваны. Профессиональным движением больших пальцев он сшиб с них крышки, обойдясь без открывалки. Я подмигнул ему, взял бутылки и вернулся к Мёрфи.

Я протянул ей одну бутылку, оставил себе другую, и мы выпили. Сделав глоток, она пристально посмотрела на бутылку и сделала еще один, побольше.

– Это пиво, – объявила она, – только что спасло тебе жизнь.

– Мак – известный пивной маг, – ответил я.

Я бы никогда ему этого не сказал, но в тот момент сильно жалел, что он не подает свое пиво охлажденным. Очень славно было бы приложить заиндевевшую бутылку к больному виску, да и чертов сломанный нос, глядишь, перестал бы мучить меня так яростно. Но увы, он продолжал гореть как в огне.

Мы с Мёрфи сидели за столиком у одной из стен таверны. В помещении тринадцать столов; потолок поддерживают тринадцать деревянных колонн, затейливо украшенных резьбой на темы преданий Древнего мира. Стойка бара причудливо искривлена, и стульев возле нее стоит тоже тринадцать – столько же, сколько вентиляторов, которые медленно вращаются под потолком. Планировка помещения, расстановка в нем мебели – все предназначено для преломления и рассеивания случайных потоков магических энергий, которые неизбежно витают вокруг занимающихся магией, когда те раздражены или возбуждены. Это совершенно необходимая мера защиты от сгустков негативных энергий, способных воздействовать на настроение или поведение посетителей.

Впрочем, на их сверхъестественные способности это не влияет – вот почему у двери висит большое, написанное от руки объявление. Мак добился, чтобы все участники Неписаного договора официально признали его заведение нейтральной территорией, взяв тем самым на себя обязательства избегать здесь конфликтов или, по крайней мере, затевать их вне его стен.

Тем не менее нейтральная территория остается безопасной только до тех пор, пока кто-нибудь не вообразит, что нарушение Соглашений сойдет ему с рук. В общем, здесь лучше держать ухо востро.

– С другой стороны, – уже спокойнее заметила Мёрфи, – возможно, ты слишком жалок, чтобы забить тебя до смерти прямо сейчас.

– Ты имеешь в виду мой нос, – предположил я. – По сравнению с тем, как в свое время досталось моей руке, это все ерунда.

– Но думаю, удовольствия все равно мало.

– Можно сказать и так.

Она сделала еще глоток и внимательно посмотрела на меня.

– Ты собираешься разыграть свою чародейскую карту и посоветовать мне не лезть в это дело.

– Не совсем, – сказал я.

Она смерила меня своим полицейским, профессионально отстраненным взглядом и кивнула:

– Так говори.

– Помнишь тех типов в аэропорту несколько лет назад?

– Да. Которые убили в часовне старика с Окинав. Жуткая смерть.

Я слабо улыбнулся.

– Мне кажется, он бы поспорил с тобой на этот счет, если бы мог.

Она пожала плечами.

– Жуткая была катавасия, – произнесла она негромко.

– Так вот, те типы, что стояли за этим, вернулись. Они и похитили Марконе.

Мёрфи нахмурилась, и взгляд ее на мгновение сделался отрешенным, устремленным в себя.

– Они замахнулись на его бизнес?

– Или пытаются заставить его вступить в их команду, – ответил я. – Пока не знаю точно.

Мы этим занимаемся.

– «Мы»?

– Помнишь Майкла? – спросил я.

– Мужа Черити?

– Угу.

– Помнится, в аэропорту нашли тогда пару мужчин с вырванными языками и фальшивыми паспортами. Оба убиты холодным оружием. Мечами, как это ни странно в наше время. Жестокая смерть, Гарри. – Она положила ладони на стол и чуть наклонилась ко мне. – Я не люблю жестокости.

– Мне очень жаль, Мёрф, – сказал я. Возможно, в моем голосе прозвучали одна-две нотки сарказма. – Обязательно попрошу их надеть мягкие детские перчатки. Я сообщу тебе, что они ответят, если, конечно, останусь жив после такой просьбы.

Мёрфи спокойно посмотрела на меня:

– Значит, они вернулись?

Я кивнул:

– Только на этот раз они прихватили с собой на вечеринку больше друзей.

– Где они?

– Не надо, Мёрф.

– Где они, Гарри? – спросила Мёрф голосом, не терпящим пререканий. – Если они настолько опасны, я не собираюсь ждать, пока они нанесут удар первыми, на выгодных им условиях и с удобной позиции. Мы должны ударить первыми, не дав им шанса причинить вред кому-либо еще.

– Ведь бойня выйдет, Мёрф.

– Возможно, – кивнула она. – А может, и нет. Ты удивишься, узнав, какие возможности появились у нашего департамента теперь, с началом войны против терроризма.

– Допустим. И что ты скажешь своим боссам?

– Что те же самые террористы, которые напали на аэропорт и убили женщину в порту, готовят новую операцию. Что единственный способ обеспечить безопасность мирных граждан – это нанести упреждающий удар. Чтобы все специальные антитеррористические подразделе-

ния, наш отдел, все копы в городе, все, кого мы сможем получить в подкрепление из ФБР и армии, находились в полной боевой готовности.

Я сидел, переваривая эту информацию. Не знаю, что произвело на меня большее впечатление: интонация Мёрфи – или открывающиеся возможности.

Черт возьми. Та огневая мощь, о которой говорила Мёрфи, могла бы заставить призадуматься даже динарианцев. А с учетом политической обстановки простое словосочетание «террористический заговор» не может не вызвать отклика: «реагировать всеми доступными силами». Да, конечно, большинство современных видов оружия поражает сверхъестественные цели гораздо менее эффективно, чем ожидают те, кто с этими целями мало знаком, – и все же, даже если эффективность указанного оружия сведется к пчелиным укусам, и пчелиные укусы могут разить наповал, если их достаточно много.

Человечество, как правило, в политике сверхъестественного мира играет двоякую роль. С одной стороны, над людьми насмехаются и презирают их за отказ замечать реальность до такой степени, что сверхъестественному даже не надо особо прятаться. При малейшей возможности среднестатистический смертный найдет рациональное объяснение любому странному происшествию, квалифицируя его как «необычное, но поддающееся логике явление». Как следствие, многие сверхъестественные хищники относятся к людям как к стадным животным, играя с ними при охоте, как кошка с мышью.

С другой стороны, перегнуть палку тоже никто не хочет. Напуганное или разъяренное человечество превращается в такую силу, связываться с которой не стоит даже сверхъестественному миру. В конце концов, факелы и рогатины не менее опасны, чем в давно прошедшие времена, и, на мой взгляд, большая часть обитателей Небывальщины оставалась практически в неведении, насколько продвинулось за последнее столетие человечество по части разрушительных способностей.

Именно поэтому я испытывал сильный соблазн противопоставить динарианцам армию разъяренных копов. Пять или шесть винтовок вроде той, что имела у Гард, возможно, не убьют Деву-Богомола, но если на каждую из составляющих демоницу букашек найдется по несколько пар крепких армейских башмаков, даже мисс Клешне может прийтись очень и очень несладко.

Конечно, все это имело реальные шансы на успех при условии, что вовлеченные в это смертные будут а) знать, с кем они сражаются, и б) относиться к этому серьезно и действовать слаженно. Возможно, Мёрфи и ее коллеги из ОСР имеют представление о серьезности ситуации, но это вряд ли можно сказать обо всех остальных. Обычно все ожидают такого армейского боевичка, когда на самом деле им придется иметь дело с фильмом ужасов. Я ни на секунду не поверю, что Мёрфи, Столлинкс или кто угодно другой в Чикаго сумеет заставить любого вовлеченного в операцию выслушать их, начини они говорить о монстрах и демонах.

Я снова потер висок, думая о Сане. Может, нам и удалось бы объяснить происходящее в более приемлемых терминах. Например, вместо «демонов-оборотней» можно сказать что-нибудь о террористах, вступивших в обладание (ха-ха, понимаете, да?) «экспериментальными генетически модифицированными биометрическими бронекостюмами». Может, подобной информации и хватило бы для того, чтобы те отнеслись к работе серьезно.

А может, и нет. Может, напоровшись на чудище из кошмарного сна, они просто заорут как дети, забыв про координацию и прочие установки, – особенно если среди динарианцев найдется кто-нибудь, обладающий достаточными магическими способностями, чтобы от них начала выходить из строя техника. В результате мы не получим ничего, кроме паники, хаоса и побоища.

– Мысль неплохая, – сказал я Мёрфи. – Возможно, даже работоспособная мысль. Но не думаю, чтобы время ее реализации уже наступило. Рановато.

Глаза ее вспыхнули холодным синим огнем.

– И решать, когда это делать, будешь ты?

Я сделал еще глоток пива и поставил бутылку на стол.

– Похоже, так.

– И это ты мне говоришь? – возмутилась Мёрфи.

Я откинулся на спинку стула.

– Во-первых, – вполголоса сказал я, – даже если ты соберешь все это войско, максимум, на что ты можешь надеяться, это чудовищно дорогая, кровавой ценой вырванная победа. Во-вторых, пока еще есть шанс, что я разрешу всю эту ситуацию по каналам Совета – или, по крайней мере, добьюсь того, чтобы к моменту, когда полетят пух и перья, мы не находились в центре этого чертова города.

– Но ты...

– А в-третьих, – продолжал я, – я не знаю, где они.

Мёрфи прищурилась, а потом часть напряжения как-то разом покинула ее черты.

– Ты говоришь мне правду.

– Обыкновенно, да, – сказал я. – Дайте мне день или два, и я, возможно, смогу выследить их. Но до этого может и не дойти.

Она внимательно изучала мое лицо.

– Но ты же не считаешь, будто их можно отговорить от того, ради чего они сюда заявились?

– Ни в коем случае. Однако у меня есть надежда уговорить их баловаться со спичками подальше отсюда.

– А что, если кто-нибудь пострадает, пока ты будешь заниматься политикой? – спросила она. – Те, кого ты встретил вчера вечером, привлекли к себе внимание. Пока никто не пострадал, но это может измениться. Я не готова спускать такое с рук.

– Это были другие, – устало сказал я. – Эти, я думаю, особой опасности для людей не представляют. – Я рассказал ей про нападения Летних.

Она одним глотком допила остаток пива и вздохнула.

– Почему с тобой всегда все сложно?

Я скромно пожал плечами.

– Вот в чем проблема, Гарри, – тихо произнесла она. – В прошлый раз, когда эти маньяки объявлялись здесь, они оставили за собой трупы. Велось расследование. Несколько свидетелей дали довольно точное твое описание.

– И это ничем не кончилось, – кивнул я.

– Это ничем не кончилось, потому что руководила следствием я, – поправила меня Мёрфи чуть более резко. – Дело не закрыто. И если подобные события заставят к нему вернуться, я уже никак не смогу тебя защитить.

– А Столлингс?

– Джон, возможно, попробовал бы, – ответила Мёрфи. – Но в отделе внутренних расследований рвется вверх по служебной лестнице Рудольф, и если он унюхает что-то, то подымет шум на весь город, это дело заберут из нашего отдела, и мы не сможем на него влиять.

Я нахмурился, задумчиво вертя в пальцах бутылку.

– Что ж, – заметил я. – Это может все заметно усложнить.

Мёрфи закатила глаза.

– Тебе так кажется? Черт подери, Гарри. Давным-давно я согласилась с тобой, что есть вещи, в которые наш департамент лучше не вовлекать. Я обещала тебе не дудеть в свисток и не поднимать тревоги при первых признаках чего-то неестественного. – Она чуть подалась вперед, пристально глядя на меня. – Но я коп, Гарри. В первую очередь я коп. Это моя работа – охранять и защищать жителей города.

– А я что, по-твоему, делаю?

– Лучшее из всего, что ты умеешь делать, – произнесла она без злости. – Я знаю, что сердце у тебя хорошее. Но ты можешь действовать из самых что ни на есть лучших побуждений и все равно ошибаться. – Она помолчала, чтобы до меня дошло. – И если ты ошибешься, это может стоить кому-то жизни. Жизни, которую я поклялась защищать.

Я промолчал.

– Ты просил меня с уважением относиться к твоим границам, и я делаю это, – тихо продолжала она. – И ожидаю от тебя взаимного уважения. Если мне хоть на секунду покажется, что, позволив тебе разбираться с этим делом, я поставлю под угрозу чьи-то жизни, я не собираюсь тихо стоять в сторонке. Я вмешаюсь и привлеку к делу все силы, до которых смогу дотянуться. И если я это сделаю, я ожидаю от тебя стопроцентной поддержки.

– И решать, когда это произойдет, будешь ты? – поинтересовался я.

Она смотрела на меня, не дрогнув. Ни капельки.

– Похоже, так.

Я снова откинулся на спинку стула и, прикрыв глаза, потягивал пиво.

Мёрфи не знала всего, что было поставлено на кон в этой игре. Конечно, она знала больше, чем кто-либо другой, и далеко не все. Стоит ей сделать один неверный шаг, и она может испортить все так, что уже не исправить.

Наверное, то же самое она думала обо мне – и не раз.

Когда я просил Мёрфи доверять мне, тем самым я просил ее о многом.

Как же я мог не отплатить ей тем же, если считаю себя ее другом?

Очень просто.

Не мог я этого.

Черт возьми, если она решила вмешаться, она это сделает – со мной или без меня. В этих обстоятельствах мое присутствие означает разницу между кровавой победой и катастрофой. И...

И вдруг я испытал гораздо больше сочувствия к Майклу с его замешательством.

Я открыл глаза:

– Если ты решишь подключить к этому полицейское управление Чикаго, ты получишь мою помощь. Но тебе придется мне поверить: время решать эту проблему таким способом еще не настало.

Она провела пальцем по царапине на деревянной столешнице.

– Что, если бы в том доме было полно людей, Гарри? Семей. Эти динарианцы могли бы убить не одну сотню людей.

– Дай мне время, – попросил я.

Она оперлась руками о край стола и встала, снова глядя на меня все тем же нейтральным взглядом. Когда она заговорила, у меня засосало под ложечкой.

– Я бы рада, – сказала она. – Но...

Дверь паба распахнулась, едва не слетев с петель и оставив на старой деревянной стене отметины.

В помещение вошел... Зверь. Поначалу я даже не понял, кто это. Представьте себе крупного человека, пытающегося залезть в собачью будку. Ему пришлось согнуться и пролезать в дверь бочком, протискивая в проем сначала одно плечо, потом другое, стараясь не ободраться при этом о косяк. Примерно так выглядела его здоровенная, покрытая серой шерстью фигура. Только с рогами и раздвоенными копытами.

Огромный бебека – на несколько футов выше любого из известных мне троллей или огров – протиснулся в дверь и остался стоять, пригнувшись. Его голова, плечи и верхняя часть спины упирались в потолок. Взгляд его золотых, с прямоугольными зрачками глаз медленно шарил по комнате. Сжатые в кулачищи пальцы не уступали размерами хорошим кабачкам, и запах от него исходил резкий, звериный.

Благодаря снегопаду в таверне было немногочленно – несколько завсегдатаев и мы с Мёрфи. Но даже в этом случае зрелище вышло не из тех, что видишь каждый день, и в помещении воцарилась полная тишина.

Взгляд бебеки остановился на мне.

Тут он, все так же бочком, двинулся в мою сторону. Мак метнулся к кнопке, отключавшей вентиляторы, но лопасти первых двух, мимо которых проходил незванный гость, ударили того по рогам и разбились о них вдребезги. Бебека даже не моргнул. Он остановился у нашего стола, осмотрел Мёрфи и обратил пристальный, тяжелый взгляд на меня.

– Чародей, – пророкотал он таким низким, глубоким и мощным голосом, что я скорее ощущал его, нежели слышал. – Явился я сюда о братьях моих младших говорить. – Глаза его угрожающе сузились, и кулачищи напряглись, хрустнув суставами. – Как равно и о том, что с ними совершил ты.

Глава 17

Сжав в руке посох, я встал лицом к исполинскому бебеке.

Мёрфи смотрела на меня округлившимися, если не сказать выпученными глазами.

– Это нейтральная территория, – негромко произнес я.

– Истинно так, – согласился бебека. – И договор – вот то, что не дает мне хребет твой изломать и череп раскроить.

– А мне – поджарить зад твой необъятный, – отозвался я, глядя на него хоть и снизу вверх, но в упор, а также дерзко выпятив подбородок. – И не думай, что это дастся тебе просто, Крошка.

– Как знать, как знать, – пророкотал бебека. – Вопрос такой лишь поединок рассудить способен.

Я старался дышать ртом и не слишком глубоко. От бебеки пахло не так плохо, как можно было ожидать, но все же, черт возьми, пахло, и довольно сильно.

– Говори.

– Мы счет к тебе имеем, друг Зимы, – заявил бебека.

– И друг Лета, – напомнил я. – Они одарили меня побрякушками и всем прочим.

– Не стану отрицать, – согласился бебека. – Ты службу добрую свершил династии моей, пусть и не Королеве. Тем более я удивлен, что против младших родичей моих запретное оружие применил ты.

– Запретное? – негромко переспросила Мёрфи.

– Железо, – объяснил я ей и снова повернулся к бебеке. – Они пытались меня убить. Я хотел остаться в живых.

– Друзья династии моей оружием запретным не грозят, – буркнул бебека. – Ты этого не знал? В отличие от оружия простого, оно не просто раны причиняет. Оно как яд разит и плоть, и душу, и это против нас ты применил.

Я испепелил взглядом этого безмозглого дылду.

– Они пытались меня убить, – повторил я, только медленнее – так, чтобы это звучало оскорбительно. – Я хотел остаться в живых.

Бебека недобро прищурился:

– Так ты намерен в том же роде продолжать?

– Я намерен оставаться в живых, – ответил я. – Не я просил этого конфликта. И не я его начал.

– Судьба твоя – расстаться с жизнью рано или поздно. Так почему не встретить смерть достойно, мирно с жизнью попрощавшись?

– Мирно? – переспросил я, с трудом удерживаясь от смеха. – Если я и погибну в бою, Крошка, надеюсь, что это будет настолько не мирно, насколько мне удастся сделать это для вас. – Я ткнул в него пальцем. – Я не имею ничего против тебя и твоих братцев, Крошка, за одним исключением: вы, черт вас подери, пытаетесь убить меня. Откажитесь от этой навязчивой идеи, и хуже, чем сейчас, вам не будет.

Бебека заворчал. Звук этот напоминал лязг раздолбанной коробки передач у старого карьерного самосвала.

– Так я не поступлю. Слугой своей короны я останусь.

– Тогда не ожидай от меня ничего другого, кроме того, что случилось уже с твоими братьями, – заявил я.

– И ты ведешь себя вот так, на службе находясь Зимы? – удивился бебека, словно не веря своим ушам. – Ты, кто вторгся в Арктис-Тор? Какую власть имеет Королева Зимних над тобой?

– Извини, Крошка, но ты и вполтину не настолько крут, как тебе думается. Так и только так я поступаю всякий раз, когда кто-нибудь пытается меня прикончить. – Я сделал выразительный жест жезлом. – Поэтому, если ты явился лишь затем, чтобы попытаться уговорить меня лечь и не рыпаться, можешь идти откуда пришел. А если ты явился, чтобы сделать очередную попытку меня угробить, хорошо бы тебе иметь больше мозгов, чем у твоих братьев, иначе я оставлю от тебя такую же грудку запасных костей.

Бебека снова заворчал и неуклюже кивнул.

– Раз так, пойдем-ка выйдем. И разберемся с этим раз и навсегда.

Ух ты. Ух ты, ишь ты...

Святое дело выказывать бравату перед нехорошими парнями – или не слишком хорошими, в зависимости от обстоятельств. Этого требует хотя бы самоуважение. Однако я никогда не предпринял бы ничего серьезного по отношению к Крошке с его здоровенной тушей – по крайней мере, предварительно не подготовившись к этому как следует. Мне приходилось также не забывать, что «большой» вовсе не значит «глупый», особенно с учетом кругов, в которых он обращался.

Если подумать, почти все приближенные к трону Летних обладают недюжинными способностями противостоять магии. Окажись Крошка хотя бы вполтину таким ловким, как те, с кем я сталкивался в прошлом, и этот поединок мог обернуться для меня серьезными неприятностями. Ему достаточно было бы просто стоять на улице и ждать. Выход из заведения Мака только один.

Что еще хуже, Томас и Молли ждали меня на улице в Томасовой барже, и они наверняка вмешались бы. Не знаю точно, что могло бы произойти в таком случае. Даже не принимая в расчет того, что мы затевали бучу в самом центре Чикаго посреди бела дня, я бы предположил, что у бебеки имелись подкрепления, поджидавшие где-нибудь поблизости на случай, если в дело вмешается любой, не имеющий отношения к внутренним разборкам Летней и Зимней династий. Молли в бою почти не представляла собой угрозы, а Томас обыкновенно полагал, что лучший способ вступить в драку – это свирепо вломиться в нее со всей дури, делая ставку на силу, скорость и агрессивный натиск.

Все это могло обернуться месивом, и очень скоро.

Я все еще пытался придумать способ выбраться изо всего этого, никого не убив, когда Мёрфи со стуком положила на стол свой пистолет.

– Я так не считаю, – заявила она громким, вызывающим тоном.

Бебека повернулся и удивленно уставился на нее.

И Мак тоже.

И все, находившиеся в пабе.

Черт возьми, даже я.

Мёрфи встала и, расставив ноги шире, как для драки, посмотрела на бебеку в упор.

– Я не позволю нарушать закон, который поставлена охранять.

Бебека склонил голову набок, прочертив рогами борозды на потолке.

Мак поморщился.

– Леди? – прогрохотал бебека.

– Тебе известно, кто я? – спросила Мёрфи.

– Леди-рыцарь, носитель щита этого царства смертных, – ответил бебека. – Служитель закона... кажется, так вас называют здесь.

– Совершенно верно, – спокойно кивнула она.

– Я не бросаю вызов твоим властям, о Дама...

– Мёрфи, – подсказала она.

– Дама Мёрфи, – пророкотал бебека.

– Однако же бросаешь, – возразила Мёрфи. – Ты угрожал одному из тех, кого я поклялась защищать.

Бебека потрясенно заморгал – с учетом его роста это оказалось запоминающимся жестом – и покосился на меня.

– Этого чародея?

– Да, – подтвердила Мёрфи. – Он гражданин Чикаго, и я дала присягу защищать его от всех, кто попытается ему угрожать.

– Дама Мёрфи, – упрямо настаивал бебека. – Это дело смертных не касается.

– Черта с два не касается, – возмутилась Мёрфи. – Этот человек живет в Чикаго. Он платит налоги городу. Он подчиняется его законам. – Она покосилась на меня, и уголок ее рта ехидно дернулся. – И если он переносит все связанные с гражданством тяготы и исполняет обязанности, значит совершенно справедливо и законно должен получать такую же защиту, как и любой другой гражданин. Посему он находится под моей защитой, и любая ссора, которую ты с ним затеешь, станет ссорой и со мною.

Несколько секунд бебека смотрел на нее, сдвинув брови в мыслительном усилии.

– Уверена ли ты в позиции своей, о Дама Мёрфи?

– Совершенно уверена, – ответила она.

– Даже ведая, что долг, возложенный на нас с родней, потребовать от нас убийства твоего способен?

– Господин Бебека, – заявила Мёрфи, впервые за время разговора положив руку на свой пистолет. – Задумайся на мгновение, что ты почувствуешь, когда пуля в стальной оболочке вонзится в твою плоть.

Бебека тряхнул от неожиданности ушами, сдув при этом с соседнего стола несколько салфеток.

– И ты запретное оружие нацелишь на героя-воина династии моей?

– В твоем случае, господин Бебека, – заметила Мёрфи, – мне и целиться не надо. – Она подняла револьвер и навела ствол на точку между глаз на бараньей морде.

Я чуть не ударился в панику. Потом мне показалось, что я понял, к чему клонит Мёрфи, и мне пришлось изо всех сил сдерживаться, чтобы не лыбиться как идиот.

Бебека снова хрустнул суставами пальцев.

– Это, – буркнул он, – нейтральная территория.

– Чикаго, – возразила она, – никогда не подписывал никаких ваших соглашений. Я просто исполняю свой долг.

– Напади на меня здесь, – заявил бебека, – и я сокрошу тебя в пыль.

– Сокроши меня в пыль здесь, – парировала Мёрфи, – и ты нарушишь договор, действуя по приказу твоей Королевы. Ты этого хотел, явившись сюда?

Бебека скрипнул зубами – звук напоминал трущиеся друг о друга мельничные жернова.

– Мой спор и ссора не с тобой.

– Если ты пытаешься забрать жизнь одного из граждан Чикаго, которых я поклялась защищать, ты ссоришься со мной, господин Бебека. Или твоя Королева желает объявить войну смертным властям Чикаго? А может, она желает, чтобы ты решал такие вопросы?

Бебека свирепо глядел на нее в очевидном замешательстве.

– Леди дело говорит, Крошка, – заметил я. – Ты не обретишь здесь ничего, кроме неприятностей, а терять тебе особо нечего, разве что время – и то немного. Уходи. Полагаю, мы с тобой еще встретимся, и очень скоро.

Бебека уставился на Мёрфи, потом на меня. Будь я не таким дерзким и бесстрашным, я затаил бы дыхание, надеясь, что драки удалось избежать. А так я затаил его только из-за звериного запаха.

В конце концов бебека склонил голову перед Мёрфи, еще раз прочертив потолок рогами. Мака прямо перекосило.

– Отвага, – пророкотал он, – уважения достойна. Но, чародей, ты жиге оказался, чем я думал, коль за спину ты смертной хоронишься – сколь доблестна она бы ни была.

Я сделал глубокий вдох, стараясь не морщить при этом нос.

– Господи, – сказал я. – Попробую это как-нибудь пережить.

– Коль переживешь, так ненадолго – готов тебе я это обещать. – Бебека снова коротко поклонился Мёрфи, повернулся и, пригнувшись, направился к выходу.

Он даже закрыл за собой дверь.

Мёрфи перевела дух и убрала пистолет в наплечную кобуру. Удалось ей это, правда, попытки со второй или с третьей.

Я тоже опустил на стул – ноги сделались слегка ватными.

– Ты, – сказал я Мёрфи, – ну ты и крута!

Она сделала честную попытку улыбнуться.

– О, теперь-то ты заметил. – Она покосилась на дверь. – Он действительно ушел?

– Угу, – кивнул я. – Думаю, ушел. Летние не сплошь белые и пушистые, но представления о чести у них имеются, и если кто-то из них дает слово, он его держит.

Мак сделал нечто, чего я в его исполнении не видел почти никогда.

Он вынул из-под стойки три бутылки темного стекла и принес их к нам на стол. Он сорвал крышки, поставил одну передо мной, другую перед Мёрфи, а третью оставил себе.

Я взял бутылку и понюхал. Напиток был мне незнаком, но имел такой насыщенный аромат, что рот сразу наполнился слюной.

Не говоря ни слова, Мак поднял бутылку, салютуя ею Мёрфи.

Я повторил его движение. Мёрфи устало тряхнула головой и подняла бутылку в ответном жесте.

Мы выпили, и мой язык решил, что начиная с этого дня любое пойло, которое я буду пить, по сравнению с этим окажется горьким разочарованием. Слишком много вкусовых оттенков слились вместе во что-то, не поддающееся описанию, будь у меня даже неделя на попытки. В жизни не пил ничего подобного. Божественное пиво, по-другому не назвать.

Мак осушил свою бутылку одним долгим глотком, прикрыв глаза. Поставив ее на стол, он посмотрел на Мёрфи.

– Храбро проделано, – сказал он.

Мёрфи покраснела от облегчения и от пива – думаю, ей оно понравилось не меньше моего. Не уверен, что Мак это заметил, но я-то знаю ее достаточно давно, чтобы понять – и от смущения тоже.

Мак вернулся к барной стойке, оставив нас с Мёрфи допивать райский нектар в бутылках.

– Ладно, – произнесла Мёрфи немного слабым голосом. – На чем мы остановились?

– Ты собиралась рассказать мне, что, по твоему мнению, я заблуждаюсь и что чикагской полиции необходимо вмешаться.

– О, – сказала Мёрфи. – Верно. – Она еще раз покосилась в сторону двери, за которой скрылся бебека. – Ты сказал, что из двух партий, причиняющих нам неприятности, та, к которой относится эта тварь, получше второй?

– Угу, – буркнул я.

– Мы трижды выступали против сверхъестественных тварей, – тихо произнесла она. – Дважды это закончилось плохо.

Под «мы» она имела в виду полицию, конечно. Я кивнул. В одной из таких стычек погиб ее партнер, Рон Кармайл. Не ангел или кто-нибудь в этом роде, но хороший человек и надежный полицейский.

– Ладно, – так же тихо произнесла она. – Повременю пока с тревогой. При одном условии.

– Валяй, говори.

– С этого момента я в деле. Тебе явно нужен кто-то, кто защитил бы тебя от больших злых баранов.

Я фыркнул:

– Ага, очевидно.

Она подняла свою бутылку с остатками пива. Я поднял свою.

Мы чокнулись бутылками, прикончили пиво и вместе вышли на зимний мороз.

Глава 18

– Ладно, – сказал я. – Объявляю заседание военного совета открытым.

Мы все сидели у меня в крохотной гостиной, поедая гамбургеры из «Бургер-кинга». Томас и Молли голосовали за «Макдоналдс», но, поскольку платил я, их строго известили о том, что тут вам не демократия, так что все закончилось «Бургер-кингом».

Да здравствует Король, детка.

Мёрфи закатила глаза, наблюдая за происходящим.

– Военный совет? – вытаращившись на меня, переспросила Молли. – Мы что, вступаем в новую войну?

– Я выразился метафорически, – объяснил я, удостоверившись, что баланс кетчупа и горчицы в моем гамбургере находится в пределах приемлемого. – Мне нужно определиться со следующим моим шагом, а за последние дни меня слишком часто молотили по башке. Вот я и решил, что немного посторонней помощи моему мозгу не помешает.

– До тебя это только сейчас дошло, да? – невинно пробормотал Томас.

– Разговорчики в строю! – буркнул я. – Суть в том, чтобы вместе сгенерировать какие-нибудь полезные идеи.

– И не слишком дурацкие, – добавила Молли, с трудом удержавшись от того, чтобы не прыснуть.

Я смерил ее взглядом. Она поперхнулась жареной картофельной соломиной.

Мёрфи потягивала через трубочку диет-колу.

– Что ж, – сказала она, – лично я не знаю, что тебе посоветовать, пока не уразумею, что у тебя за противник.

– Я же говорил тебе в машине, – напомнил я. – Рыцари Ордена Темного Динария.

– Падшие ангелы, старые потускневшие монеты, убийцы-психопаты – это я поняла, – сказала Мёрфи. – Но это ничего не говорит мне о том, на что они способны.

– Она права, – негромко заметил Томас. – Ты не слишком много рассказывал об этих типах.

Я сделал глубокий выдох и откусил большой кусок гамбургера, чтобы подумать над ответом, пока жую.

– Эти твари способны на очень многое, – произнес я наконец. – В первую очередь монеты, похоже, позволяют своему обладателю менять физический облик на тот, который лучше, чем обычное человеческое тело, приспособлен для боя.

– Боевые трансформеры! – восхитилась Молли. – Клево.

– Ничего клевого, – возразил я. Потом подумал и согласился. – Ладно, может быть, отчасти и так. Это делает их менее уязвимыми. Это делает их более быстрыми. Вооружает самыми разнообразными орудиями убийства. Само собой, клыками, когтями и тому подобным. У Кассия, кажется, зубы ядовитые были. Обладатель монеты Урсиэли мог превращаться в медведеподобную тварь с клыками, когтями и рогами в придачу. Другая превращала волосы в миллион живых титановых лезвий, и они могли извиваться по всему помещению или пробивать стены. Протягивались аж на двадцать или тридцать футов.

– У меня среди клиенток такие встречаются, – встрял Томас.

Мёрфи прищурилась и покосилась на него.

Я кашлянул и снова испепелил его взглядом.

– Еще один из них, Никодимус, похоже, формы не меняет, но его долбаная тень может спрыгивать со стены и душить вас. Адски страшно.

– Какой-нибудь униформы, общей для всех, у них нет? – поинтересовалась Молли.

– Ничего даже отдаленно напоминающего нет, – ответил я. – У каждого из Падших, похоже, собственные предпочтения. И я подозреваю, что эти предпочтения меняются в зависимости от того, кто носит монету. Падший Квинта Кассия напоминал змею, и вся магия у Кассия была по-змеиному ползучая. Но он абсолютно во всем отличался от Урсиэли, которая, в свою очередь, совершенно отличалась от нынешней Девы-Богомола, а эта ни в какое сравнение не шла со всеми остальными виденными мною динарианцами.

Мёрфи кивнула:

– Что-нибудь еще?

– Адепты-головорезы, – сказал я. – Больше похоже на культ, пожалуй. У Никодимуса есть последователи с вырванными языками. Фанатики, вооруженные до зубов и настолько сумасшедшие, что готовы покончить с собой, только бы не попасть в плен к его врагам.

Она поежилась.

– Аэропорт?

– Угу.

– Это все?

– Нет. – Я мотнул головой. – У Никодимуса были еще эти... назовем их цепными псами, пожалуй. С той только разницей, что это не собаки. Не знаю, кто это на самом деле, но они уродливы, быстро бегают, и у них большие зубы. Но не это делает их такими опасными.

– Не это? – переспросил Томас. – Тогда что?

– Падшие, – ответил я.

В комнате воцарилась тишина.

– Это существа древнее времени, которые провели две тысячи лет, изучая все входы и выходы смертного мира и смертного разума, – негромко продолжал я. – Они понимают такое, к чему мы буквально не знаем, как подступиться. Они видели все на свете трюки, изучили все ходы, и они – пассажиры, едущие на переднем сиденье рядом с каждым обладателем монеты, если только сами не берутся за руль. У каждого из них безупречная память – это все равно как если бы в их распоряжении находилась целая библиотека информации, а комбинаторы из них такие, что по сравнению с ними кардинал Ришелье показался бы матерью Терезой.

Томас бросил на меня долгий, пристальный взгляд и нахмурился. Я постарался не обращать на него внимания.

Мёрфи тряхнула головой:

– Давайте подведем итог: неизвестное число врагов с неизвестными нам возможностями, поддерживаемое шайкой психов, сворой боевых животных и сверхчеловечески разумной карманной мелочью. – Она покосилась на меня. – Знаешь, с учетом того, как много мы еще не знаем, трудно что-то планировать.

– Значит, это нам и нужно сделать в первую очередь? – не очень уверенно спросила Молли. – Узнать о них побольше.

Томас посмотрел на Молли и молча кивнул.

– Для этого их надо сперва найти, – заметил я.

– Поисковое заклятие? – предложила Молли.

– У меня нет никаких образцов, чтобы с ними работать, – вздохнул я. – А если бы и имелись, нужно иметь в виду: кто-то из их команды сумел прикрыться завесой от заклятий самой Мэб. А Мэб я и в подметки не гожусь. У моего заклятия просто не окажется шансов.

– С таким антуражем, как у них, им придется держаться подальше от мало-мальски людных мест, – заметила Мёрфи. – Шайка громил без языков? Если динарианцы в городе, это должно помочь отыскать их без особого труда.

– В прошлый раз они базировались в Преисподней, – сказал я. – Поверь мне, там для любой дряни хватит места с лихвой.

– А как насчет мира духов? – тихо спросил Томас. – Там-то наверняка найдется кто-нибудь, кто смог бы поведать нам что-нибудь.

– Возможно, – кивнул я. – Я знаком с одной или двумя лоа. Но информация такого рода или дорога, или не слишком надежна. Иногда и то и другое. И не забывайте, о ком мы говорим. Падшие – тяжеловесы мира духов. Перечить им не хочет никто.

Молли разочарованно шмыгнула носом:

– Если мы не можем ни выследить их с помощью магии, ни найти их физически, как нам узнать о них больше?

– Вот именно, детка, – сказал я. – На то и военный совет.

Несколько минут все мы жевали молча. Первой заговорила Мёрфи.

– Мы подходим к этому не с той стороны.

– А? – с надеждой встрепенулся я.

– Мы рассуждаем как хорошие парни. А нужно рассуждать как нехорошие. С учетом того, что им угрожает, чего им желательно избегать.

Чуть подавшись вперед, я кивнул ей, чтобы она продолжала.

– Я плохо разбираюсь в сверхъестественных аспектах этой ситуации, – сказала она. – Про этих твоих динарианцев я вообще почти ничего не знаю. Но я кое-что знаю о Марконе. Например, даже притом, что некоторым его подчиненным не терпится занять его место, намного больше таких, кто сохраняет ему верность или считает, что помощь ему, попытка его спасти дадут им те или иные преимущества.

– Угу, – кивнул я. – И что?

– Значит, где бы ни прятали его динарианцы, это должно быть такое место, куда сеть Марконе не дотянется. Мы можем не сомневаться, что в легкодоступных местах, которые более-менее на виду, они не прячутся.

– Адские погребушки! – хмыкнул я. – А ведь да. И не только это. Марконе строил планы. Он подготовил для себя это убежище. Более того... – Я осекся. – Местоположение твоего тайного убежища должно держаться в полной тайне от всех, вам так не кажется?

– Конечно, – кивнула Молли. – Что толку от убежища, если всем известно, где оно?

– Динарианцы совершенно точно знали, куда он собирался, – сказал я. – Заклятие, созданное ими для того, чтобы взломать оборону здания, – не импровизация. Для этого оно слишком сложное. Это требовало долгой, заблаговременной подготовки.

– Сукин сын, – выругался Томас. – Марконе продал кто-то из своих.

– Значит, если мы найдем эту крысу... – начала Мёрфи, уловив идею.

– Мы, возможно, найдем нить, ведущую к монетоголовым, – договорил я с недоброй ухмылкой. – Кто теперь скажет, что идея военного совета была неудачной?

– Монетоголовые, – хихикнула Молли.

– У меня талант на прозвища, – скромно сказал я. – И кончай хихикать! – добавил я, понизив голос. – Чародеи не хихикают. Это портит имидж.

Молли справилась с хихиканьем, только набив рот картошкой.

Я отхлебнул колы и повернулся к Мёрфи.

– Итак, нам нужно узнать, кто собирается подставить Марконе. Кто-то, занимающий достаточно высокое место в его империи, чтобы знать местонахождение убежища, и кому выгодно отсутствие Марконе.

– Ты исходишь из того, что информатор действовал сознательно, – заметила Мёрфи. – Это не обязательно так. Кто-то мог выдать информацию случайно, а может, его силой принудили к сотрудничеству.

Я помолчал, обдумывая это.

– Верно. Тогда мы начнем с поисков того, кто мог выдать информацию об убежище.

Мёрфи взъерошила свои золотые волосы руками и задумчиво нахмурилась.

– Если честно, ОСП редко пересекается с организованной преступностью. Надо сделать несколько звонков, тогда смогу сказать определенное.

Томас побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– ФБР должно знать больше, разве нет?

– И вы ведь знакомы с этим парнем... Ричем, да? – спросила Молли. – С тем, который помогал тому извращенцу меня допрашивать?

Мёрфи не очень добро прищурилась. Она издала звук, который трудно было назвать утвердительным, но и отрицания в нем я тоже не услышал. У Мёрфи довольно сложные отношения с бывшим мужем.

Молли потребовалось не больше полсекунды, чтобы заметить выражение лица Мёрфи. Она осеклась и некоторое время беспомощно оглядывалась по сторонам.

– Э... да, Гарри, а что с Мистером? Он с самого нашего прихода спит как полено.

– Что автоматически ставит нас перед второй частью проблемы, – сказал я. – Убийцами из Летней династии. Мне кажется, велик шанс, что они наблюдают за моим домом.

Томас повел бровью:

– Я не ощущаю ничего такого поблизости.

– Вы и того, кто зашел в паб через парадный вход, тоже не ощутили, – не без ехидства заметила Мёрфи.

– Я объезжал квартал, – недовольно заявил Томас. – Чертова метель в самом разгаре, и ни одного стояночного места. Ненавижу этот город.

– Я наострил все свои обереги, – сообщил я. – По идее, я должен знать о появлении любой угрозы на расстоянии квартала. А еще нужно подняться очень, очень рано, чтобы просочиться мимо Мыша.

Мыш, сидевший перед Молли и строивший скорбные глазки ее сэндвичу с курятиной, покосился на меня и стукнул хвостом по ковру.

– Если они подберутся совсем близко, я узнаю это наверняка. Возможно, они окружили дом, рассредоточившись для лучшего наблюдения за входящими и выходящими, – продолжал я. – Думаю, бебеки не особенно хотят вышибать мою дверь – пока, во всяком случае. Они предпочитают драться там, где у них меньше шансов причинить побочный ущерб. Но мне почему-то кажется, что из-за этого снега они не в лучшей форме.

Молли нахмурилась:

– Вы думаете, Мэб воздействует на погоду для вас?

– Может, нынешний мощный снегопад – это случайное совпадение, – сказал я. – Но если и так, он чрезвычайно кстати.

– С тобой ничего не бывает кстати, Дрезден, – заявила Мёрфи.

– Вот и я о том же, – кивнул я, потирая челюсть.

Мне отчаянно хотелось побриться, но острых ощущений от носа более чем хватало, и мне не хотелось добавлять к этому порезы от бритвы. Как-то не слишком я доверял сейчас твердости своих рук. Вокруг ошивалось слишком много жутких тварей, и мне не стоило отвлекаться от насущных проблем даже на пару минут: я бы начал думать о том, насколько безнадежно мое положение, и запросто мог бы забиться в норку и закрыть за собой вход.

Не думай, Гарри. Ты слишком много знаешь о том, что тебе угрожает.

Анализируй, принимай решения и действуй.

– Так, ладно. Станем исходить из того, что команда Летних видела, как мы заходим сюда. До тех пор, пока мы не вышли, они будут полагать, что мы все еще здесь.

– А-а, – встрепелась Молли. – А я-то думала, зачем вы взяли меня с собой.

Я подмигнул ей:

– А как же, Кузнечик? Ага. Когда мы выйдем, сделай так, чтобы бебеки и их команда не заметили этого. Будем надеяться, это подарит нам немного времени – пусть они изображают терпеливых охотников и ждут, пока я высунусь обратно.

– Хе-хе! – не выдержал Томас. – Весь высунешься или как?

Мёрфи кинула в него луковым колечком; он поймал его и сунул в рот.

– Кстати, Томас, у меня есть для тебя новая игрушка.

Мой брат удивленно приподнял брови и посмотрел на меня.

Я вышел в спальню и вернулся с маленькой фигуркой – пластилиновым человечком, более всего напоминавшим мультяшного персонажа Гамби. Я поднес его ко рту, подышал на него и пробормотал слово заклинания.

– Лови, – сказал я и бросил его Томасу.

Тот поймал фигурку и...

...в кресле, где только что сидел мой брат, появился облаченный в его одежду высокий мужчина, болезненно худой и слишком угловатый, чтобы назвать его красивым или хотя бы симпатичным. Волнистые волосы казались вечно всклокоченными. Глубоко посаженные глаза покраснели, словно от постоянного недосыпа, зато волевой подбородок сообщал его образу решительности.

Адские погремушки! Неужели я и правда так выгляжу? Может, мне не хватает макияжа или чего-нибудь в этом роде?

Мёрфи едва не поперхнулась и переводила взгляд с меня на Томаса в его новом облике и обратно. Молли даже не пыталась скрыть своей реакции.

– Ух ты, клево! – заявила она.

– Что? – спросил Томас. Хотя говоривший выглядел как я, голос у моего брата не изменился, а на губе продолжало краснеть пятнышко кетчупа от гамбургера. Некоторое время он оглядывался по сторонам, потом, нахмурившись, встал и нырнул в мою ванную, чтобы посмотреть в маленькое зеркальце для бритья. – Ты что, изобрел куклу, превращающую людей в их единоутробных братьев-уродцев?

– Переживешь, красавчик! – ответил я.

– Только не думай, что я позволю тебе сломать мой нос для полного сходства, псих ненормальный.

– Угу, с этим проблема. – Я усмехнулся. – Я лепил его еще до всех этих событий.

– Это не проблема, – вмешалась Молли. – У меня с собой гримировальный набор, и глаза я, по крайней мере, ему подрисую. Не знаю, получится ли сделать что-то с носом, но на расстоянии он будет выглядеть как надо.

– Если он будет выглядеть как ты, Гарри, – заметила Мёрфи, – не получится ли так, что он привлечет к себе враждебное внимание?

Томас фыркнул и вышел из спальни – уже без кетчупа на лице.

– Гарри в таком виде все время расхаживает, и ничего. Несколько часов потерплю.

– Не умничай, – сказал я. – Дай нам два или три часа и выходи. Не съезжай с проезжей части и не останавливайся. Не давай им возможности окружить тебя. У тебя мобильник при себе?

– Еще бы, – отозвался он. – Но, учитывая, сколько я общался с вами двоими, а еще плохую погоду, не уверен, что он еще работает.

Я хмыкнул и бросил ему свой кожаный плащ и посох. Он поймал их на лету и нахмурился.

– Уверен, что тебе это не понадобится?

– Ты их, главное, не потеряй, – ответил я. – Если бебеки увидят моего двойника без плаща, они мгновенно раскусят, что к чему. Идея состоит в том, чтобы они ничего не запо-

дозрили. Чары будут действовать еще часов шесть, а может, семь. Как только они иссякнут, возвращайся сюда.

– Ладно, ладно, – буркнул Томас, облачаясь в мой плащ. Заклятие не распространялось на размер одежды, так что ему пришлось немного повозиться, просовывая руки в рукава, зато выглядел плащ так, как ему и полагалось на мне. – Кэррин, не позволяйте ему делать глупости.

Мёрфи кивнула:

– Постараюсь. Но вы же его знаете. – Она надела свою теплую куртку. – Куда мы едем?

– Вернемся к Гард, – ответил я. – Домой к Карпентерам. Бьюсь об заклад, Марконе оставил ей прядь своих волос, чтобы она могла найти его – на случай вроде этого.

– Но ты говорил, тебе не прорваться сквозь, э-э... защитную магию этих монетоголовых.

– Возможно, нет. Но насколько я знаю Марконе, он собирал образцы волос или крови и своих людей. Искать их, если им потребуется помощь, или...

Мёрфи поморщилась:

– Или если они заслужили преждевременную отставку.

– Надеюсь, Гард подскажет нам способ обнаружить источник утечки, – добавил я.

Тем временем Молли со своей гримировальной палитрой колдовала над лицом Томаса. Настоящее его лицо более-менее совпадало с иллюзорным, но не совсем. Впрочем, я обучил Молли основам иллюзорной магии – не более. Мой собственный опыт по этой части не слишком велик, так что внимательного наблюдателя я вряд ли обманул бы надолго. Главное, Молли смогла прищуриться и заглянуть сквозь иллюзию.

Конечно, от вас не требуется стопроцентной иллюзии, если вам удастся не давать людям хорошего повода приглядеться к ней внимательнее. В конце концов, иллюзия не самоцель, главное – заблуждение, в которое она вводит людей.

Молодежная культура в своей готской разновидности не миновала Молли, что сказалось на ее гримировальной палитре, в которой преобладали оттенки синего, пурпурного и красного. В результате синяки под глазами у Томаса приобрели замечательное сходство с оригиналом – как и все лицо, за исключением распухшего носа.

– Сойдет, – сказал я. – Мёрф, ты поведешь машину. Молли, будь добра.

Моя ученица расплылась в ухмылке, торопливо застегивая зимнее пальто. Потом, прикусив язык от напряжения, свирепо нахмурилась, пробормотала что-то и махнула рукой в мою сторону. Я ощутил, как завеса окутывает меня тонким желеобразным слоем. Мир вокруг меня чуть затуманился, словно я смотрел на него сквозь слой мутной воды, зато лицо Мёрфи расплылось в улыбке.

– Вот здорово, – сказала она. – Я его совсем не вижу.

Молли продолжала сосредоточенно хмуриться, поддерживая действие заклęcia, но все же покосилась на Мёрфи и благодарно кивнула.

– Отлично, – произнес я. – Идем, Мыш.

Мой пес поспешно вскочил и с готовностью потрусил к двери, виляя хвостом.

Мёрфи посмотрела в мою сторону, вопросительно изогнув бровь.

– Если бебеки на это не купятся, мне необходимо раннее предупреждение. Как можно более раннее, – объяснил я.

– Может, ты просто немного нервничаешь, выходя без плаща и посоха? – спросила она, понизив голос.

– Возможно, – согласился я.

Я соврал ей только наполовину. Обзывайте меня как хотите, с плащом или без него, с посохом или без, чем дольше я думал о том, с чем мы столкнулись, тем больше это действовало мне на нервы.

Я вовсе не нервничал.

Я просто боялся.

Глава 19

Ко времени, когда мы добрались до Карпентеров, стемнело. Мы уже сбавляли ход, чтобы свернуть к ним во двор, когда Мёрфи настороженно покосилась в зеркало заднего вида.

– За нами хвост, – сообщила она.

– Не останавливайся, – ответил я, скрючившись на заднем сиденье ее «сатурна». Примерно так, должно быть, ощущает себя сурок, пытающийся спрятаться в лунке для гольфа. – Поезжай дальше!

Мёрфи добавила газу, постепенно разгоняя машину на заснеженной дороге.

Я чуть высунул голову из-за спинки сиденья и всмотрелся в ночь. Мыш тоже сел и с серьезным видом выглянул в заднее окно.

– Машина с одной фарой, сбитой налево? – спросил я.

– Она самая. Я их еще минут десять назад заметила. Номера разглядеть можешь?

Я прищурился:

– Не в такой снегопад, да еще против света.

Молли повернулась и встала коленями на сиденье.

– Как по-вашему, кто это?

– Молли, сядь! – прошипела Мёрфи. – Нам не нужно, чтобы они знали, что мы их видим...

Свет единственной фары ехавшей за нами машины сделался ярче и начал приближаться.

– Мёрф, они ее увидели. Идут в атаку.

– Извините! – проговорила Молли. – Изви...

– Ремень пристегни! – прикрикнула на нее Мёрфи.

Она добавила скорости, но наши преследователи сокращали дистанцию с каждой секундой. Свет фары бил в глаза, и до меня уже доносился рык старого форсированного движка. Я плюхнулся на сиденье и потянул ремень безопасности, но на пряжке сидел Мыш, и пока я пытался выдернуть ее из-под пса, Мёрфи предупредила:

– Держись!

Столкновения всегда происходят громче, чем ожидаешь, и этот удар не стал исключением из общего правила. Нагонявшая нас машина врезалась в корму «сатурна» со скоростью примерно сорок миль в час.

Лязгнул металл.

Полетели во все стороны обломки пластмассы.

Меня вдавило в спинку моего сиденья, потом швырнуло на спинку водительского кресла.

Мыша тоже болтануло.

Молли вскрикнула.

Мёрфи выругалась и крепче вцепилась в руль.

Все могло выйти и хуже. Мёрфи успела набрать достаточную скорость, чтобы смягчить удар, однако «сатурн» занесло, и автомобиль закружился по снегу в замедленном балетном па.

Не могу сказать, чтобы соприкосновение носом со спинкой кресла Мёрфи улучшило мое самочувствие. На деле оно настолько его не улучшило, что на нескольких следующих секунд я совершенно утратил контроль над ситуацией. Конечно, смутно я осознавал, что машину продолжает крутить, а потом она врезалась боком в огромный сугроб.

Мотор «сатурна» чихнул и заглох. Мое сердцебиение отдавалось грохотом в ушах и чудовищной болью в носу. Я почти не слышал шума отворяющейся и захлопывающейся автомобильной дверцы где-то неподалеку от нас.

Зато я услышал, как Мёрфи резко повернулась и охнула.

– Пистолет! – выдохнула она, выхватила свою пушку и, отстегнув ремень безопасности, попыталась открыть свою дверь. Та не поддавалась – машина стояла, прижавшись левым боком к белой стене.

Мёрфи выругалась и, перегнувшись через колени оглушенной Молли, принялась возиться с правой дверью.

Я тоже перебрался направо и дергал за ручку, пока дверь не распахнулась. Сделав это, я увидел слегка помятую машину, стоявшую с распахнутыми дверями посередине улицы. Увязая в снегу по щиколотки, к нам направлялись двое мужчин. Один держал что-то вроде дробовика, другой – по автоматическому пистолету в каждой руке.

Мёрфи выскочила из машины и метнулась в сторону. Нетрудно понять зачем: начини она стрелять прямо от машины, и Молли оказалась бы прямо на линии ответного огня. Мёрфи двигалась быстро; она сразу же припала к земле – и все же это стоило ей драгоценной секунды.

Дробовик выплюнул сноп огня.

Попадание швырнуло Мёрфи на землю с силой кузнечного молота.

При виде этого мои пережаренные мозги наконец включились. Я выбросил руку в направлении нападавших и произнес:

– *Ventas servitas!*

С моих растопыренных пальцев сорвался вихрь. Я направил его на занесенную снегом мостовую перед нападавшими, и внезапная бурлящая волна снега и ледяных осколков поглотила обоих стрелков.

– Молли! – прокричал я, не убирая заклятия. – К Мёрфи, живо! Завеса и первая помощь!

Молли тряхнула головой и уставилась на меня остекленевшим взглядом, но все же выбралась из машины и, шатаясь, направилась к Мёрфи. Спустя секунду обе скрылись из вида.

Я опустил руку. Перемещение воздушной массы, да еще с изрядной скоростью, требует гораздо больших усилий, чем может показаться. Воздух снова успокоился, если не считать отдельных порывов ветра вдоль улицы, от которых там и здесь гуляли небольшие снежно-ледяные смерчи. Снова сделались видны оба стрелка – пригнувшихся, продолжавших прикрывать глаза от ветра и колючих льдинок.

У меня не было с собой посоха. И заговоренного плаща. Но у меня был с собой револьвер сорок четвертого калибра, который я выхватил из кармана пальто и нацелил на нехороших парней. Одновременно я вскинул левую руку, вытряхнув из-под рукава браслет-оберег.

Я узнал одного из стрелков – того, что держал в руках по пистолету. Его звали Барт или как-то в этом роде, и он служил наемным громилой. Недорогим, но, по крайней мере, вы получали то, за что платили. К таким, как Барт, обращаются, когда вам нужно, чтобы кому-нибудь переломали ребра – и подешевле.

Второй тоже показался мне знакомым, только имени его я не знал. А что такого, я же не шатаюсь по третьесортным барам, завязывая знакомства со всеми и каждым. И потом, мне вполне хватало знать про него одно: это он подстрелил Мёрфи.

Я двинулся вперед, прямо на них, и остановился, когда нас разделяло полтора десятка футов. К этому времени они наконец выморгали лед и снег из глаз. Я не стал дожидаться, пока зрение вернется к ним в полном объеме. Старательно прицелившись, я пустил пулю парню с дробовиком в правое колено.

Он с воплем повалился на снег и продолжал вопить.

Барт повернулся ко мне и вскинул оба пистолета, но мой браслет-оберег опередил его. Я чуть напрягся и усилием воли выстроил между нами полусферу почти невидимого, если не считать легкого мерцания, защитного поля. Он разрядил в меня обе обоймы – с таким же успехом он мог бы палить из водяных пистолетов. Мой щит перехватил все пули до одной, и я рассчитал его угол так, чтобы они ушли в небо, а не в окружавшие нас дома.

Оба пистолета щелкнули пустыми затворами.

Я убрал щит и поднял револьвер. Руки Барта метнулись к карманам за свежими обоймами.

– Эй, Барт, – окликнул я его. – На твоём месте я бы подумал хорошенько.

Он застыл, потом медленно развел руки в стороны, прочь от карманов.

– Спасибо. Как ты думаешь, что я хочу, чтобы ты сделал дальше?

Он бросил оба пистолета. Барту было лет тридцать пять или сорок – довольно симпатичный, высокий, с фигурой человека, проводящего много времени в спортзале. Вот только глазки у него оказались как у хорька – темные, поблескивающие. Взгляд его метался из стороны в сторону, словно в поисках пути к бегству.

– Не заставляй меня стрелять тебе в спину, Барт, – посоветовал я. – Пуля ведь может попасть тебе в позвоночник и не убить, а только парализовать. Жуткое дело! – Все это время я держал его на прицеле, не забывая при этом следить краем глаза за вторым. Тот все еще продолжал кричать, хотя начал уже хрипеть. – Знаешь, кто я?

– Дрезден... Господи Иисусе, – отозвался Барт. – Ничего личного, чувак.

– Ты пытался убить меня, Барт. Это настолько личное, насколько вообще возможно.

– Это была работа, – сказал он. – Только работа.

И вдруг я вспомнил, где я прежде видел того, второго: лежавшим без сознания в коридоре у кабинета Деметры в «Превыше всего». Один из подручных Торелли, и, похоже, у него было не намного больше здравого смысла, чем у его босса.

– Ох, угробит тебя эта работа рано или поздно, Барт, – сообщил я ему. – Может, даже прямо сейчас. Молли! – окликнул я. – Как она?

Вместо Моллиного голоса мне ответила сама Мёрфи.

– Я в порядке, – сказала она. Голос ее звучал отрывисто, возможно, от боли. – Жилет пропустил только одну картечину, и та попала не в самое поганое место.

– У нее рука в крови, Гарри, – сообщила Молли слегка дрожащим голосом. – Она останавливается, но чего еще делать, я не знаю.

– Мёрф, возвращайся в машину. В тепло.

– Черта с два, Гарри. Я собираюсь...

– ...впасть в шок, – договорил я за нее. – Не валяй дурака, Мёрф. Я не могу разом таскать твое бесчувственное тело и держать этих парней на мушке.

Мёрфи вяло ругнулась, но я услышал, как Молли помогает ей идти.

– Вот так, руку мне на плечо...

Звериные глазки Барта едва не выскочили из орбит, когда он повернулся в направлении Моллиного голоса, пытаясь найти его источник.

– Чего? Какого черта?

К этому времени, я не сомневался, люди в окружающих нас домах уже позвонили в полицию. Я был уверен, что полиция прибудет на несколько минут позже обычного. К этому времени я хотел бы уже исчезнуть с места происшествия, но Барту это знать было не обязательно. Тем более что старина Барт и представления не имел, во что он вляпался.

Скорее всего, у меня не оставалось времени даже на то, чтобы допросить хотя бы одного из нападавших. Мордоворот Торелли был ранен и, возможно, чертовски зол на меня. Кроме того, если он работал у Торелли личным телохранителем, вероятно, он более предан своему шефу. Это оставляло мне один-единственный разумный способ добыть информацию.

Я шагнул вперед, переложив пистолет в левую руку, а правую подняв на уровень глаз. Я произнес негромкое заклинание, и над ладонью вспыхнул и повис в воздухе огненный шар, яркий, как маленькое солнце. Медленно повернувшись к Барту, я шагнул ближе к нему.

Громила дернулся, отпрянул и, оступившись, плюхнулся задницей в снег.

Огненный шар сорвался и медленно поплыл к Барту.

– Послушай, здоровяк, – сказал я ему самым дружеским тоном. – Последние два дня выдались у меня весьма напряженными. И признаюсь тебе, выжечь кому-нибудь к чертовой матери физиономию – отличный способ успокоиться.

– Меня просто наняли! – пробормотал Барт, отползая от огненного клубка на пятой точке. – Вести машину!

– Для чего наняли? – спросил я.

– От меня требовалось только вынести вас с проезжей части и прикрыть стрелка. – Барт едва не срывался на крик. Он ткнул пальцем в раненого. – Вот его!

Я растопырил пальцы чуть шире, и клубок огня подпрыгнул на несколько дюймов ближе к лицу громилы.

– Барт, Барт. Не надо переводить стрелки. Это касается тебя и меня.

– Но я всего лишь наемная сила! – Барт извивался в отчаянных попытках отодвинуть лицо от огня. – Таким, как я, не говорят ни хрена!

– Такие, как ты, всегда знают больше, чем вам говорят, – возразил я. – Надо же вам иметь что-то, что можно сдать полиции, чтобы избежать тюрьмы.

– Я не знаю! – скулил Барт. – Честное слово!

Я улыбнулся и подтолкнул клубок еще немного ближе.

– Вдох голубым, – сообщил я. – Выдох розовым. Вот это разрядка – лучше не придумаешь.

– Торелли! – выкрикнул Барт, пытаясь отмахнуться от шара руками. – Господом Богом клянусь, это был Торелли! Торелли хотел, чтобы мы провернули это дело! Он готовился скинуть Марконе!

– Давно? – спросил я.

– Не знаю. Пару недель, наверное. Тогда меня и наняли! О господи!

Я сжал пальцы в кулак и погасил огонь прежде, чем шар успел сделать что-то большее, чем опалить Барту рукава. Он валялся на земле, хрипло дыша и боясь опустить руки.

Вдалеке послышалось завывание полицейских сирен. Самое время уходить.

– Он говорил с кем-нибудь в последнее время? – спросил я. – С кем-то новым? Договаривался о сотрудничестве?

Барт мотнул головой. Его трясло.

– Я у него не в штате. Ничего такого не видел.

– Гарри! – взмолилась Молли.

Я слишком увлекся беседой с Бартом, да и тревога за Мёрфи изрядно действовала на нервы – в общем, я забыл, что помнить надо обо всех потенциальных стволах. Лежавший на земле громила подобрал свой дробовик и как раз передергивал цевье, перезаряжая его. Я повернулся к нему, на ходу активируя браслет. Проблема в том, что мой новый оберег, будучи мощнее и во многих отношениях удобнее предыдущего, расходует заметно больше энергии и, как следствие, раскошегаривается не так быстро. Я бросился на землю и постарался сделать так, чтобы между мной и типом с дробовиком находился Барт. Барт же, в свою очередь, изо всех сил барахтался, пытаясь убраться с линии огня, и я уже понимал, что выстроить щит до выстрела не успею.

Должно быть, с самого начала конфронтации Мышь отбежал куда-то в сторону, потому что вынырнул из темноты и неся по глубокому снегу так, словно бежал по тартановой беговой дорожке. Он двигался с такой скоростью, что поднятый им вал снега буквально опережал его – так катится вода перед носом скоростного катера. Он налетел на телохранителя Торелли в то мгновение, когда тот нажимал на спусковой крючок.

Дробовики стреляют громко. Барт выдал непечатное слово.

Мышь вцепился человеку Торелли в раненую ногу и принялся мотать его из стороны в сторону так же легко, как терьер треплет пойманную крысу. Громила испустил еще один прон-

зительный вопль наподобие загнанного кабана на бойне. Дробовик выпал у него из пальцев, и он обмяк, как тряпичная кукла, потеряв сознание от боли.

Сирены приближались, и я заставил себя подняться на ноги. Барт лежал на снегу, извиваясь и громко поскуливая. Заряд угодил ему точно в мягкое место. Крови у него на джинсах было предостаточно, но все же меньше, чем при попадании в какую-нибудь жизненно важную артерию. Конечно, в зависимости от того, сколько картечин он схлопотал, рана могла потенциально вывести его временно из строя, покалечить или даже убить в случае внутреннего кровотечения. Однако из всех мест, куда можно получить ранения, это не худшее, так что с учетом адреналинового шторма, бушевавшего у меня в крови, это казалось мне даже забавным.

Все еще хрипло хихикая, я кликнул Мыша и побежал к машине.

Молли уже пристегнула Мёрфи к пассажирскому сиденью. Мне пришлось перебираться через нее, чтобы сесть за руль. Она яростно выругалась сквозь зубы, когда я случайно задел ее раненую руку. Подушка водительского кресла почти касалась руля, и какое-то мгновение мне казалось, что я буду вести машину, давя на педали одной рукой и крутя баранку другой, однако я нашел-таки рычаг, позволявший отодвинуть кресло назад, и машина завелась с первой попытки.

– Черт подери, Дрезден, – прохрипела Мёрфи. – Это вооруженное нападение. Нам надо вернуться.

Через открытую дверь на заднее сиденье плавно запрыгнул Мыш. Молли захлопнула обе двери, не заблокированные снегом. Я вывернул руль, выдернул «сатурн» из снега и осторожно повел его по улице. К лицу моему так и прилипла дурацкая ухмылка. Щеки горели.

– Исключено, Мёрф.

– Мы не можем просто так позволить им уйти!

Я подавил очередной приступ адреналинового смеха.

– Никуда они не денутся. И потом, я персона нон грата, ты забыла? Или ты хотела, чтобы тебя застали на месте перестрелки, в которую замешан я?

– Но...

– Черт подери, Мёрфи, – с некоторым раздражением выдохнул я. – Ты хочешь, чтобы я отправился в тюрьму? Если мы сейчас вернемся, этот громила, подручный Торелли, скажет им, что это я его подстрелил. Они возьмут мой пистолет на экспертизу, и если найдут пулю, а может, она осталась у него в ноге, это квалифицируется как нападение с использованием огнестрельного оружия.

– Нет, если это самооборона, – возразила Мёрфи.

– В справедливом мире, возможно, и так, – сказал я. – Но раз там нет никого, кроме двух раненых головорезов с криминальным послужным списком и известными связями, полиция решит, что они поссорились и постреляли друг друга. Двух нехороших парней отправят куда надо, ты сохранишь свою работу, а меня не уберут от этого дела – что для меня было бы равносильно смерти. – Я искоса посмотрел на нее. – И кто в проигрыше?

С минуту Мёрфи молчала. Потом подняла голову.

– Все в проигрыше, Гарри. Законы существуют для того, чтобы защищать всех. Подразумевается, что они в равной степени относятся к каждому.

Я вздохнул и сосредоточился на дороге. Несколько минут я просто гнал вперед, чтобы удостовериться, что за нами нет хвоста, потом повернул и направил машину обратно, в направлении дома Карпентеров.

– Это мечтательный образ мышления, принятие желаемого за действительное, Мёрф, и ты сама это знаешь. Юристам Марконе такой подход наверняка очень нравится.

– Закон не идеален, – тихо ответила она. – Но это не значит, что мы не должны стараться поддерживать его.

– Сделай мне одолжение, – сказал я.

– Что?

– Зажми нос, изобрази филадельфийский акцент и произнеси: «Я есмь закон».

Мёрфи фыркнула и мотнула головой. Я покосился на нее. Лицо ее побелело от боли, глаза чуть остекленели. Повязка на левой руке, похоже, представляла собой лоскуты, оторванные от Моллиной футболки.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Разумеется, моя ученица щеголяла в зеленом кружевном лифчике прямо под расстегнутым пальто. Она сидела, обхватив руками Мыша за шею и зарывшись лицом в его запорошенный снегом мех.

– Эй, там, сзади, – окликнул я. – Пострадавших нет?

Мыш зевнул, но Молли все равно осмотрела и ощупала его.

– Нет. Мы оба в порядке.

– Клево, – сказал я и обернулся, чтобы ободряюще улыбнуться Молли. – Отличная завеса. Чертовски быстрая. Отлично справилась, Кузнечик.

Молли просияла в ответ.

– Разве у меня было такое же лицо, когда вы проделывали со мной эту штуку с огненным шаром?

– Я предпочитаю думать о нем как о маленьком шаре солнечного света, – сказал я. – И ты очень стойкая, Кузнечик, по сравнению с этим парнем. И ты, морда мохнатая, тоже хорошо поработал, – сообщил я Мышу. – Я перед тобой в долгу.

Мыш разинул пасть в зубастой собачьей ухмылке и вильнул хвостом, стряхнув снег на голое плечо Молли. Она взвизгнула и рассмеялась.

Мы с Мёрфи переглянулись. Нажми тот тип на спуск на сотую долю секунды раньше или позже, и Мёрфи была бы мертва. Картечина могла бы попасть ей в голову или шею или перебить артерию. Без Мыша я, возможно, тоже был бы трупом. И если бы они убрали меня и Мёрфи, сомневаюсь, что они оставили бы в живых и Молли – как-никак свидетель.

Удар пришелся близко – без всякого сверхъестественного вмешательства. Возможно, Молли этого еще не сообразила, но мы-то с Мёрфи наверняка.

– Как рука, Мёрф? – тихо спросил я.

– Кость не задело, только мышцу, – ответила она, закрывая глаза. – Болит адски, но убить не убьет.

– Хочешь, отвезу тебя в травмпункт?

Мёрфи помедлила с ответом. Собственно, в вопросе заключалось гораздо больше, чем в произнесенных словах. Врачам положено сообщать в полицию обо всех огнестрельных ранениях. Обратись Мёрф за медицинской помощью, и об этом станет известно копам. А поскольку она и сама коп, ей придется отвечать на самые разные вопросы, а это значит, правда о том, что произошло, запросто может всплыть наружу.

Это было бы вполне ответственно и законопослушно.

– Нет, Гарри, – произнесла она наконец и закрыла глаза.

Я медленно, с облегчением выдохнул. Этот ответ дался ей непросто. Руки мои, державшие руль, начали дрожать. Вообще-то, я очень неплохо держусь, пока кризис в разгаре. А вот потом это начинает здорово действовать мне на нервы.

– Тогда сиди и отдыхай, – сказал я. – Мы тебя подлатаем.

– Ты рули давай, – устало произнесла она.

И я рулил.

Глава 20

– Очень темная вся эта история, – заметил Майкл, в голосе его звучала тревога. – Мне это не нравится.

Хрустя подошвами по снегу, мы с ним шагали из дома в мастерскую. Снова стемнело: на город надвигался новый снегопад, сильнее прежнего.

– Мне это тоже не нравится, – согласился я. – Только что-то никто не спешит обрадовать меня вариантами решения. – Я остановился перед дверью. – Как Мёрфи?

Майкл встал рядом со мной:

– У нас Черити специалист по медицине, но, на мой взгляд, рана не слишком серьезная. Кровотечение ей остановила еще Молли, и мы тщательно продезинфицировали рану. Ей, конечно, необходимо следующие несколько дней следить за своим состоянием, но думаю, с ней все будет в порядке.

– Ей очень больно?

– Черити сделала ей инъекцию кодеина. Он слабее больничных болеутоляющих, но, по крайней мере, даст ей возможность заснуть.

Я поморщился и кивнул:

– Майкл, я собираюсь выследить динарианцев.

Он сделал глубокий вдох:

– Вы собираетесь на них напасть?

– Хорошо бы, – ответил я чуть более резко, чем собирался. – Потому что есть на свете люди, не заслуживающие второго шанса, Майкл, и если эти уроды не входят в список перманентных говнюков, то я не знаю, кого туда еще поместить и за что.

Майкл чуть улыбнулся:

– У каждого найдется за что, Гарри.

Меня пробрал легкий холодок, но я постарался не подать вида. Вместо этого я закатил глаза.

– Конечно, конечно. Первородный грех, Божье милосердие... где-то я это уже слышал. – Я вздохнул. – Однако я не собираюсь нападать на них. Я просто хочу узнать о них как можно больше, прежде чем сталкиваться с ними снова.

Майкл кивнул:

– Если я правильно понимаю, именно поэтому мы стоим на снегу, не входя в дом.

– Мне нужна вся информация, какой вы можете меня снабдить. И мне не нужны новые философские дебаты.

Майкл хмыкнул:

– Я уже связался с отцом Фортхиллом. Он прислал список тех, кто, по нашему мнению, может находиться здесь вместе с Тессой.

Пару секунд я молчал, как набедокуривший идиот.

– О, – выдавил я из себя наконец. – Спасибо. Это... это может здорово мне помочь.

Майкл пожал плечами:

– Мы привыкли не до конца доверять даже собственной разведке. Падшие – мастера вводить в заблуждение, Гарри. Порой у нас уходит несколько веков, чтобы поймать одного из них на лжи.

– Понимаю, – кивнул я. – Но у вас, должно быть, имеется что-то надежное.

– Немного, – сказал он. – Мы знаем наверняка, что Тесса и Имариэль – из самых старейших динарианцев. Дольше их орудуют только Никодимус и Андурриэль.

Я хмыкнул:

– И Тесса с Никодимусом соперничают?

– Как правило, – подтвердил Майкл. – Хотя, полагаю, стоит упомянуть, что они также муж и жена.

– Брак, заключенный в Аду?

– Не думаю, чтобы это слишком много для них обоих значило. Они редко работают вместе, а когда так случается, это не приводит ни к чему хорошему. Последний раз, если верить церковным записям, такое имело место как раз перед тем, как в Европу пришла Черная смерть – чума.

– Чума? Монетоголовые проделывали это в прошлый свой визит. – Я покачал головой. – Можно было бы ожидать чего-нибудь новенького от мужа и жены, проживших столько вместе.

– Разнообразие – ключ к счастливому браку, – с серьезным видом согласился Майкл. Уголки его рта дернулись. – Монетоголовые?

– Я решил, что их обычное название слишком благозвучно и величаво – с учетом того, кто они такие. Вот я это и исправил.

– Те, кто их недооценивает, обыкновенно живут очень недолго, – заметил Майкл. – Осторожнее, Гарри.

– Вы меня знаете.

– Да, – кивнул он. – На чем мы остановились?

– Чума.

– Ах да. В прошлом монетоголовые использовали чуму, чтобы сеять хаос и смятение.

Я справился с улыбкой, которая грозила подпортить мой твердозадый образ. Майкл тем временем продолжал:

– В общем-то, эта тактика оказалась успешной, и не раз. Стоит эпидемии набрать обороты, и количество жизней, на которые они могут претендовать, и страданий, которые они могут причинять, почти не поддается исчислению.

Я нахмурился и скрестил руки на груди:

– Саня говорил, что Тесса отдает предпочтение тем субъектам, кто сам этого жаждет... а не тем, кто наиболее одарен.

Майкл кивнул:

– Падшие, следующие за Имариэлем, довольно часто меняют носителей. Никто из них не проявляет жалости к тем, с кем они связаны, но команда Имариэля в этом отношении худшие из худших. Тесса выбирает своих хозяев из числа подавленных, отчаявшихся, тех, кто считает, что терять им уже нечего. Тех, кто быстрее других поддастся искушению.

– В разгар эпидемии таких всегда предостаточно. И вообще при хаосе.

– Да. Мы полагаем, что это единственная причина, по которой она время от времени сотрудничает с Никодимусом.

– Она сосредоточена на ближней перспективе, – сообразил я. – А он – на долгосрочной.

– Вот именно, – подтвердил Майкл. – Когда он кидал монету Ласкиэли моему сыну, это был тщательно продуманный шаг.

– Просчитанный с целью захомутать меня? – спросил я.

– Вас, – кивнул Майкл. – Или моего сына.

Меня снова пробрал озноб – и не из-за погоды.

– Монету – ребенку?

– Ребенку, который не в состоянии защитить себя. Который может расти под нашептывание Падшего ему на ухо. Который превратится в оружие Падших, нацеленное на его же собственную семью. Только подумайте.

Я огляделся по сторонам. Черт, а всего несколько часов назад в этом дворе царило такое веселье...

– Даже думать не хочу, – сказал я.

– Обычно, – продолжал Майкл вполголоса, – семьи носителей меча ограждены от такого зла. Но нечто подобное случалось и в прошлом. А Никодимус владеет своей монетой не один десяток столетий. Ему ничего не стоит подождать лет десять или двадцать ради того, чтобы добиться своего.

– Вы считаете, он здесь по этой причине? – спросил я. – Ведь охотиться на человека вроде Марконе не в обычаях Тессы.

– Не в ее стиле, да, – согласился Майкл. – Но мне кажется, если, помогая похищению, она сможет создать те условия, какие ей нравятся больше всего, полные хаоса и отчаяния, это стало бы для нее достаточным поводом объединить усилия с мужем.

– Так сколько их?

– Вокруг Тессы группируются пятеро Падших. – Он на мгновение улыбнулся мне. – Извините. Теперь уже четверо.

– Спасибо Томасу, – сказал я. – Не мне.

– Я это и имел в виду, – кивнул Майкл. – Никодимус... – Он покачал головой. – Полагаю, вам уже говорили, что Никодимус особенно старается уничтожить все записи, касающиеся его, которые имеются у Церкви. Правда, в будущем это станет сложнее...

– Да здравствует век информации, – не удержался я.

– ...но наши досье на него далеко не полны. Мы полагали, постоянных спутников у него только трое – однако он сумел добыть монету Ласкиэли, которая хранилась, как мы считали, в надежном месте, в чилийском монастыре. Боюсь, делать любые предположения на этот счет пока опасно.

– Допустим наихудший сценарий, – сказал я. – Сколько монет он может иметь при себе? Майкл пожал плечами:

– Шесть, возможно. Но это всего лишь мое предположение.

Я внимательно смотрел на него.

– Вы хотите сказать, с ними на этот раз может оказаться дюжина ходячих кошмаров?

Он кивнул.

– В прошлый раз, когда они здесь развлекались, на нашей стороне были все три меча, – заметил я. – Против четверых динарианцев. И мы едва выбрались из этого живыми.

– Я знаю.

– Но вы ведь привыкли к этому? – спросил я его. – Рыцари то и дело сталкиваются с подобными трудностями.

Он бросил на меня извиняющийся взгляд:

– Мы предпочитаем иметь двойное численное превосходство над ними. Если получается – то и тройное.

– Но Широ говорил, что несколько раз он бился с ними на дуэли, – возразил я. – Один на один.

– Широ обладал талантом, – вздохнул Майкл. – Только и всего. Широ фехтовал – как Моцарт писал музыку. Я не такой, как он. Я не боюсь встретиться с динарианцем один на один, но в целом я не считаю, что сильнее его. В лучшем случае мы на равных. Моя судьба в руках Господа.

– Супер, – покачал головой я.

– Вера, Гарри, – напомнил Майкл. – Он не оставит нас. У добра всегда найдется способ победить.

– В прошлый раз победило добро, – тихо произнес я. – Более или менее. Но это не помешало им убить Широ.

– Наши жизни принадлежат Всевышнему, – невозмутимо ответил Майкл. – Мы служим, мы живем ради блага других. Не для себя.

– Угу, – кивнул я. – Не сомневаюсь, это послужит сильным утешением вашим детям, если им придется расти без отца.

Майкл резко повернулся ко мне, и правая кисть его сжалась в кулак.

– Замолчите, – произнес он негромко, но жестко. – Сейчас же.

Видит бог, я едва не вмазал ему просто от досады и разочарования. Однако у меня все же хватило здравого смысла промолчать и отвернуться. Я сделал несколько шагов по снегу и остановился спиной к нему.

Здравый смысл под ручку со стыдом... Да чтоб меня! Я же вроде чародей. Мне полагается руководствоваться внутренним светом, самодисциплиной и всем тому подобным. А вместо этого мой язык сболтнул лишнее в адрес человека, который этого не заслужил, из-за того, что...

Из-за того, что мне страшно. По-настоящему, без дураков страшно. Я всегда начинаю нести невесть что, когда мне страшно. Иногда это случалось даже кстати, но никак не в этот раз. Обычно, когда что-то пугает меня до чертиков, я могу справиться со страхом с помощью злости. И это тоже бывает кстати. Однако на этот раз я позволил страху и злости командовать моими мыслями – и в результате уколол друга в самое больное место, да еще в такой момент, когда он, возможно, ожидал от меня поддержки.

И тут до меня дошло, почему я злился на Майкла. Я надеялся, что он, как Супермен, прилетит с неба и разрешит все мои проблемы, а он этого не мог.

Мы всегда испытываем разочарование, обнаруживая, что чьи-то силы не безграничны, как и у тебя. Это глупо и нелогично, мы могли бы ожидать чего-то подобного, и все равно это не мешает нам огорчаться.

Интересно, испытывал ли Майкл то же самое в отношении меня?

– Моя последняя реплика, – пробормотал я, – вышла неудачной.

– Да, – согласился Майкл. – Неудачной.

– Хотите исправить это, померившись силой или чем-нибудь в этом роде?

– У нас есть лучшие способы провести время. Скажем, занявшись Тессой и Никодимусом.

Я повернулся лицом к нему:

– Принимается.

– Мы еще не разобрались с этим, – резковато произнес он. – Поговорим позже.

Я хмыкнул и кивнул. Напряжение, повисшее в воздухе между нами, немного спало. Следовало заняться делом. Это проще.

– Знаете, чего я пока не понимаю? – спросил я. – Как связать задачи Никодимуса, то есть вербовку Марконе, с задачами Тессы – сеять в обществе хаос и отчаяние?

– Не знаю, – признался Майкл, непроизвольно положив руку на эфес меча. – Но Никодимус считает, что знает. И что бы он там ни задумал, у меня скверное предчувствие, а стало быть, нам лучше понять его планы прежде, чем он добьется их осуществления.

Глава 21

– Если бы я знала, кто из доверенных лиц Марконе готовится предать моего работодателя, – заявила мисс Гард, сдерживая раздражение, – они перестали бы считаться доверенными. Полагаю, вы без особого труда найдете кого-нибудь, кто объяснит вам, Дрезден, смысл понятия «измена» – если, конечно, вы попросите как следует.

Майкл молча улыбнулся. Он сидел у верстака с одним из своих тяжелых кинжалов в руке, старательно очищая клинок от малейшего намека на ржавчину. Хендрикс сидел на табуретке с противоположной стороны верстака и, разобрав пистолет, тщательно чистил его.

– Ладно, – сказал я Гард. – Если так, почему бы нам не начать со всех, кто знал местоположение убежища Марконе?

Гард прищурилась, внимательно разглядывая меня. Выглядела она заметно лучше. Конечно, выглядеть хуже, чем будучи выпотрошенным, довольно трудно, но от смерти ее, похоже, отделяли уже не один-два шага, а не меньше десяти. Она сидела на раскладушке, прислонившись спиной к стене мастерской, и хотя лицо ее оставалось бледным и чудовищно изможденным, взгляд голубых глаз сделался ясным, острым.

– Я так не считаю, – тихо произнесла она.

– Боюсь, от секретов Марконе будет не много прока, если он погибнет или окажется под контролем одного из Падших.

– Я не могу, – сказала она.

– Ой, да бросьте же, – устало вздохнул я. – Адские погребушки, я ведь не прошу у вас коды запуска ядерных ракет.

Она сделала глубокий вдох.

– Я. Не. Могу, – произнесла она, делая ударение на каждом слове.

– Ладно, – пророкотал Хендрикс со своего места у верстака. – Скажи ему.

Гард нахмурилась, глядя ему в затылок, но все же кивнула и повернулась ко мне.

– Сравнительно немногие в нашей организации знали о существовании убежища, но я не уверена, что это для нас сейчас важнее всего.

Я уставился на нее – так резко она переключила передачу. Только что эта женщина держалась как непробиваемая каменная стена, и вот уже разговаривает как ни в чем не бывало. Даже Майкл оторвался от своего кинжала и, хмурясь, покосился в ее сторону.

– Не это? – удивился я. – Если не это для нас важнее всего, то что же тогда?

– Количество людей, которые могли бы собрать воедино факты из различных источников, – ответила Гард. – Надо было платить подрядчикам. Заказывать материалы. Согласовывать изменения в планировке с архитекторами. Десятки различных мелочей давали понять, что Марконе что-то строит – этого достаточно, чтобы возбудить чье-то любопытство и заставить этого кого-то копнуть глубже.

Я хмыкнул:

– В результате этот «кто-то» мог многое узнать, расспросив архитекторов. Или строителей.

– Вот именно. В данном случае мой босс проявил непростительное небрежение тем, что касалось конфиденциальности. Я настаивала на принятии обыкновенных мер предосторожности, но он отказался.

– Обыкновенные меры, – произнес я. – Вы имеете в виду убийство всех, кто работал над этим?

– Потайные ходы и потайные убежища лишены смысла, если они не потайные, – ответила Гард.

– Может, ему просто не хотелось убивать кучу своих подчиненных, чтобы прикрыть собственную задницу? – предположил я.

Гард пожала плечами:

– Меня наняли не для того, чтобы выносить моральные суждения, Дрезден. Я советница. Я дала такой совет.

Я хмыкнул.

– Так кто же мог знать? Строители. Люди, ведущие бухгалтерию.

– И любой из тех, с кем они разговаривали, – добавила Гард.

– Это делает круг подозреваемых чуть больше, чем хотелось бы для пользы дела, – заметил я.

– Совершенно верно.

– Стоп, – спохватился я. – Время Оккама.

Гард непонимающе смотрела на меня.

– Оккама? – переспросила она.

– Бритва Оккама, – кивнул я. – Самое простое объяснение чаще всего и оказывается правильным.

Губы ее чуть изогнулись.

– Как мило.

– Если мы будем очерчивать круг подозреваемых, включая в него всех и каждого, кто хотя бы мог что-то слышать, мы зайдем в тупик. Если мы сузим этот круг до наиболее очевидных типажей, то получим хоть что-то, с чем можно работать, и наши шансы вычислить предателя увеличатся.

– Наши? – переспросила Гард.

– Называйте как хотите, – буркнул я. – Итак, кто имел наибольший доступ? Только подрядчиков давайте сразу за рамки выведем. Они, как правило, не настолько кровожадны, да и половина девелоперов в городе принадлежит Марконе.

Гард согласно кивнула.

– Очень хорошо. Один из трех или четырех счетоводов, практически все из круга наиболее приближенных и один из двух или трех расстрельщиков.

– Расстрельщиков? – переспросил Майкл.

– Когда возникает проблема, – объяснил я ему, – они ее расстреливают.

Гард рассмеялась – и тут же поморщилась, схватившись обеими руками за живот.

– Вы поосторожнее, – посоветовал я ей. – Сильно болит?

– Пройдет, – пробормотала Гард. – Пожалуйста, продолжайте.

– А как насчет Торелли? – поинтересовался я.

– В каком смысле?

– Может ли он являться тем, кого мы ищем?

Гард закатила глаза:

– Помилуйте. У этого человека интеллект лоботомированной черепахи. И потом, Марконе довольно давно в курсе его амбиций.

– Если он в курсе, – спросил я, – как вышло, что Торелли до сих пор платит налоги?

– Потому что мы использовали его, чтобы с его помощью выводить других потенциальных узурпаторов власти на свет, где с ними легче разобраться.

– Хм. – Я нахмурился. – А мог ли он, скажем, оказать давление на кого-нибудь из тех, кто знал?

– На бухгалтеров, возможно, но я думаю, это в высшей степени маловероятно. Марконе делал все для того, чтобы они относились к его покровительству с энтузиазмом.

– Угу, только мистер лоботомированный Черепах Эртель не настолько умен.

Гард бросила на меня озадаченный взгляд:

– Простите?

– Боже мой, женщина! – возмутился я. – Вы что, доктора Сьюза не читали?

Она нахмурилась:

– Кто такой доктор С...

Я поднял руку:

– Ладно, забудьте. Торелли не настолько умен. Может, он вообразил, что сможет прижать бухгалтера и убрать Марконе из игры прежде, чем тот успеет оказать то покровительство, к которому относятся с энтузиазмом?

Гард поджала губы:

– Глупости у Торелли в избытке. Но еще он вонючий, трусливый любитель порываться в крысином дерьме. – Она прищурилась. – Почему вы так сосредоточились на его особе?

– О, – признался я. – Я не могу сформулировать ничего конкретного. Но мои инстинкты – а они у меня настроены отменно – говорят мне, что он враг.

Гард улыбнулась:

– Он пытался вас убить?

– Он пытался применить силу к Деметре, когда я заходил туда сегодня утром. Я возражал.

– А, – кивнула она. – А я как раз гадала, как вы нас нашли.

– Мордовороты Торелли пытались застрелить меня непосредственно перед тем, как я сюда приехал.

– Ясно, – кивнула Гард, задумчиво прищурившись. – Что ж, время его мятежа выбрано слишком точно, чтобы считать это простым совпадением.

– Рад, что я не единственный, кому эта мысль пришла в голову.

Она побарабанила пальцем по подбородку:

– Торелли не гений, но свое дело знает. Иначе он не занимал бы такого высокого места в организации. Полагаю, Торелли вполне мог добиться этой информации, если применил немалую хитрость и приложил достаточно усилий. – Она посмотрела на меня искоса. – Вы думаете, динарианцы завербовали его, чтобы он работал на них изнутри?

– Я думаю, им надо было добыть откуда-то информацию насчет убежища Марконе, – ответил я.

– Сами додумались? – спросила Гард с бледной улыбкой.

– Угу. В общем, ваша нора-убежище превратилась в лисью западню. Должно быть, это язвит ваше самолюбие, мисс Консультант по Безопасности.

– Вы даже не поверите, в какой степени, – сказала Гард с недобрым огоньком в глазах. – Но с этим я как-нибудь разберусь, когда время найдет.

– Боюсь, некоторое время вам не придется иметь дела ни с чем, кроме здорового сна, – заметил я.

Она заметно помрачнела:

– Да.

– Поэтому давайте договоримся так: поднятием тяжестей займусь я.

– Как это?

Я огляделся по сторонам:

– Позвольте нам поговорить минуту с глазу на глаз.

Хендрикс, заканчивавший сборку вычищенного и смазанного пистолета, повернул массивное надбровье в мою сторону, подозрительно хмурясь. Майкл тоже поднял взгляд; лицо его застыло ничего не выражающей маской.

Секунду-другую Гард молча смотрела на меня.

– Все в порядке, – произнесла она наконец.

Хендрикс сунул в пистолет свежую обойму, щелкнул затвором, дослав патрон, и все это время смотрел прямо на меня. Потом встал, натянул пальто и шагнул в мою сторону.

Хендрикс ниже меня ростом, что значительно уменьшало его шансы запугать меня. С другой стороны, силищи у него достаточно, чтобы перешибить меня кулаком пополам, и мы оба это понимаем. Он остановился в футах от меня, сунул пистолет в карман и оглянулся на Гард.

– Буду за дверью, – буркнул он.

– Майкл, – произнес я. – Пожалуйста.

Рыцарь Креста встал, вложил кинжал в ножны и последовал за Хендриксом на улицу. Оба шли, старательно сохраняя дистанцию – ни дать ни взять два пса, которые еще не решили, драться им или нет. Я закрыл за ними дверь и повернулся к Гард.

– Дайте мне то, что нужно, чтобы найти и допросить Торелли.

Она покачала головой:

– Я могу дать вам его домашний адрес, местоположение принадлежащей ему недвижимости, точки, которые он регулярно посещает, известных мне помощников, но ни в одном из этих мест вы его не найдете. Он слишком долго в этом бизнесе, чтобы совершить такую ошибку.

– О, да ладно вам. – Я закатил глаза. – У вас наверняка хранятся где-то образцы крови или волос всех ваших сотрудников. Дайте мне те, что принадлежали Торелли.

Гард смотрела на меня с лицом, непроницаемым, как у игрока в покер.

– И да, кстати, – добавил я. – Дайте мне еще образцы Марконе. Если я подберусь достаточно близко, это поможет мне отыскать его.

– Мой работодатель хранит их, соблюдая строжайшие меры безопасности. Он единственный, кто имеет к ним доступ.

Я фыркнул:

– Тогда дайте мне образцы из второго комплекта.

– Второго комплекта?

– Того, который храните вы. Того, о котором не знает Марконе.

Гард отбросила со щеки прядь волос соломенного цвета.

– С чего вы взяли, что у меня есть такие образцы?

Я блеснул зубами.

– Вы же наемник, Гард. Наемникам приходится быть более бдительными по отношению к своим нанимателям, чем к врагам, для борьбы с которыми их нанимали. Они принимают собственные меры предосторожности. Нечто вроде персональной страховки. Даже если бы Марконе не держал собрания образцов, бысь об заклад, это все равно сделали бы вы.

Взгляд ее на мгновение скользнул к двери, потом вернулся ко мне.

– Давайте представим на минуту, что у меня есть такое собрание, – сказала она. – С какой стати я поделилась бы им с вами? Вы отрицательно относитесь к бизнесу моего нанимателя и можете нанести ему катастрофический ущерб, окажись такие образцы в вашем распоряжении.

– Господи, ну и чувствительны же вы – с учетом того, какой катастрофический ущерб причиняет его бизнес ежедневно тысячам людей.

– Я всего лишь защищаю интересы моего нанимателя. – Она блеснула зубами в ответной улыбке. – Почти как если бы я была наемником.

Я вздохнул и скрестил руки на груди:

– А если я возьму только образцы Торелли и Марконе?

– Значит, вы все еще сможете использовать это против Марконе в будущем.

– Если бы я хотел навредить Марконе, – возразил я, – мне всего-то достаточно было бы сидеть с упаковкой пива и пакетом крендельков и не мешать ему извиваться.

– Возможно, – признала Гард. – Поклянитесь мне, что вы не используете никаких других образцов, кроме Торелли и Марконе, что вы не используете их для причинения какого-либо вреда и что вернете их мне по первому требованию. Поклянитесь своей силой.

В сверхъестественном мире клятвы играют роль своего рода валюты. Они связывают человека не только теоретически, но и во многих других смыслах. Каждое нарушение обещания вызывает всплеск духовных энергий. Таким сверхъестественным созданиям, как сидхе, нарушенное обещание способно причинить чудовищную боль. Когда обещание нарушает чародей, тем более если он клялся своей силой, результат обратной реакции выглядит иначе: его магические способности уменьшаются. Не то чтобы эффект получается критическим – но стоит вам нарушить достаточно обещаний, и рано или поздно у вас не останется ничего.

С учетом того, насколько опасным сделался мир для чародеев за последние несколько лет, любой из нас был бы просто безумцем, рискуя своими способностями, а следовательно, и возможностью себя защитить. Даже малой их толикой.

Я расправил плечи и кивнул:

– Клянусь своей силой, что я буду соблюдать эти ограничения.

Гард прищурилась, слушая меня, и коротко кивнула. Потом сунула руку в карман – осторожно, чтобы не потревожить рану – и достала маленький серебряный ключ. Она протянула ключ мне.

– Юнион-стейшн, камера двести четырнадцать. Все промаркировано.

Я протянул руку за ключом, но пальцы ее сжались на секунду.

– Не дайте ничему, что вам дорого, стоять прямо перед ячейкой, когда вы ее откроете.

Я выгнул бровь и взял ключ:

– Ясно. Спасибо.

Она чуть натянуто улыбнулась мне:

– Не тратьте времени. Поезжайте.

Я нахмурился:

– Вы так переживаете за своего босса?

– Ни в коем случае, – ответила Гард, закрывая глаза и устало сползая на раскладушку. – Я просто не хочу оказаться поблизости в следующий раз, когда кто-нибудь явится вас убивать.

Глава 22

Машина Мёрфи выглядела так, словно побывала в зоне боевых действий, и на снегу под ней темнели разноцветные потеки. В результате мы поехали на пикапе Майкла. Я сидел в кабине с Майклом, а Мыш разместился в кузове. Да, знаю, это небезопасно, но реальность была такова: двое мужчин нашего калибра и собака размером с Мыша просто-напросто не помещаются в кабине фордовского пикапа. А если бы и поместились, для кислорода бы там просто не осталось места.

Мыша, похоже, холод совершенно не беспокоил. Всю дорогу до Юнион-стейшн он провёл, выставив морду сбоку от кабины и счастливо высунув язык. Впрочем, встречный ветер не отличался особой силой: в плохую погоду Майкл водит машину очень осторожно.

После того как мы в третий или четвертый раз миновали машину, выехавшую на тротуар или уткнувшуюся в кювет, я перестал давить ногой на воображаемую педаль газа и понукать Майкла про себя, чтобы тот поспешил. Идти до Юнион-стейшн пешком чертовски дольше, чем ехать с более чем уместной осторожностью.

Всю дорогу мы молчали. Поймите меня правильно: Майкл вовсе не трепло. Просто обычно у него всегда находится что сказать. Он приглашает меня сходить с ним в церковь (чего я не делаю, если только кто-то или что-то за нами не гонится) или, как и положено гордому отцу семейства, рассказывает о проделках кого-нибудь из его детей. Мы обсуждаем Моллины успехи, погоду, спорт или еще чего-нибудь.

Только не в тот раз.

Может, он просто сосредоточен на дороге, убеждал я себя.

Да. Наверное, так оно и было. Очевидно, это молчание не могло иметь никакого отношения к тому, что некий чародей слишком часто открывает свой поганный рот.

Въезд на вокзальную стоянку перегораживала снежная баррикада, оставленная только что проехавшей снегоуборочной машиной, но Майкл просто добавил немного скорости, и «форд», пусть и по инерции, прорвался через этот барьер.

Фонари на стоянке не горели, а поскольку окна первого этажа оказались сплошь завалены сугробами, света внутрь почти не проникало. Многоэтажные стоянки выглядят угрожающе, даже когда вы можете их рассмотреть. Однако когда в них царит абсолютный мрак, они кажутся даже еще более угрожающими – за исключением небольших участков, выхваченных из темноты светом фар.

– Что ж, – заметил я, – по крайней мере, свободных мест здесь полно.

– Кому охота путешествовать в такую погоду? – хмыкнул Майкл.

Он зарулил на ближайшее к нам свободное место, и пикап резко остановился. Майкл покинул кабину, вынул из нее большую спортивную сумку, в которой носит Аморакиус на людях, и закинул ремень на плечо. Я вышел, и Мыш тоже спрыгнул на землю из кузова. Пикап скрипнул и покачнулся на рессорах, освободившись от веса моего большого пса. Щелкнув карабином, я пристегнул поводок к ошейнику, а потом повязал ему на шею штуку вроде передника, на которой написано, что он собака-поводырь. Конечно, это ложь на голубом глазу, зато ходить так в общественных местах гораздо проще.

Мыш одобрительно покосился на передник и терпеливо дождался, пока я не закрепил его маскировку как следует.

– Собака-поводырь? – поинтересовался Майкл с таким выражением лица, что я понял: он чувствует неловкость.

В правой руке он держал фонарик, чей луч скользнул по нам, прежде чем обшарить тени вокруг машины.

– У меня очень редкое заболевание, – объяснил я, почесывая пса под челюстью. – Никак-некадрит. Пес играет роль катализатора при знакомстве или завязке разговора. Или выступает в качестве утешения, если этого не получится. Так или иначе, он совершенно необходим.

Мышь шмыгнул носом и стукнул хвостом мне по ноге.

Майкл вздохнул.

– Вы чудовищно привередливы во всем, что касается соблюдения законов, – сообщил я. – Особенно с учетом того, что имеете при себе спрятанное оружие.

– Прошу вас, Гарри. Мне и так достаточно неудобно.

– Я никому не скажу про ваш меч, если вы не будете говорить никому про мой пистолет.

Майкл вздохнул и направился к выходу. Мы с Мышом последовали за ним.

Стоянка оказалась очень холодной, очень темной, очень зловещей и лишенной какой-либо угрозы. Мы пересекли наполовину погребенную под снегом улицу. Мышь возглавлял нашу процессию, прокладывая путь сквозь сугробы.

– Снегопад снова усилился с заходом солнца, – заметил Майкл.

– Возможно, это дело рук Мэб, – кивнул я. – Если это так, Титании сложнее противостоять ее власти после захода солнца. В то же время агенты Титании все же смогут довольно свободно разгуливать по городу.

– Но вы не уверены, что это работа Мэб? – спросил Майкл.

– Не знаю. Возможно, это просто Чикаго. Что порой не менее страшно, чем Мэб.

Майкл усмехнулся, и мы вошли в здание вокзала. Оно выглядит вовсе не как в той сцене из «Неприкасаемых», если вам интересно. Съемки велись в большом зале, который арендуют для разных престижных собраний. Остальные помещения мало напоминают о Ревущих двадцатых. Они осовременены и выглядят скорее как аэропорт.

На самом деле это даже немного угнетает, если подумать. Я имею в виду, из всех общественных сооружений аэропорты с точки зрения эстетики обычно входят в десятку самых невыразительных. Но конечно, они обходятся гораздо дешевле, а когда выбирать приходится между красотой и экономической эффективностью, обычно выбирают второе. И то правда, весь этот мрамор, коринфские капители и гулкие своды хороши, но не при наших экономических запросах.

Призрак стиля все еще витает в тех частях Юнион-стейшн, которым позволили сохраниться, но, оглядываясь по сторонам, я не могу отделаться от того же ощущения, которое испытываю, глядя на фотографии римского Колизея или, скажем, афинского Парфенона: когда-то это были великолепные места. Когда-то. Но очень, очень давно.

– Где у них здесь камеры хранения? – вполголоса спросил Майкл.

Я мотнул головой в направлении северо-восточного угла здания и двинулся вперед. Билетные кассы были закрыты, за исключением одной, да и там кассир, похоже, удалился в служебную комнату или еще куда. Людей вокруг виднелось немного. Железнодорожные вокзалы вообще не кишат людьми в ночное время, а в такую погоду тем более. Одна измученная девица из службы клиентской поддержки железнодорожной компании «Амтрак» разбиралась с кучкой сердитого вида путешественников, которые, судя по всему, застряли в городе из-за бурана. Она пыталась заказать им гостиницу. Что ж, удачи ей. Аэропорты стояли закрытыми со вчерашнего дня, и для гостиниц настала страдная пора.

– А вы неплохо ориентируетесь здесь, – заметил Майкл.

– Поезда быстрее автобусов и безопаснее самолетов, – ответил я. – Я как-то летал в Портленд, так у летчиков отказали радио, компьютеры и все такое. Им пришлось сажать самолет вслепую, без приборов и связи. Нам повезло, что погода стояла ясная.

– Если верить статистике, это все еще самый безопасный... – начал он.

– Не для чародеев, – убежденно возразил я. – Бывало, я летал без приключений. Пару раз все ограничилось небольшими проблемами. Но после того полета в Портленд... – Я покачал

головой. – Там, на борту, были дети. Я собираюсь жить долго. А туда, куда мне нужно, я вполне могу попасть и чуть позже. Привет, Джо! – окликнул я седого уборщика, толкавшего перед собой тележку с чистящими принадлежностями.

– Привет, Гарри, – улыбнулся тот в ответ, проходя мимо.

– Последнее время я частенько здесь бываю, – объяснил я Майклу. – По большей части разъезжаю по делам Паранета. А еще как Страж. – Я закатил глаза к потолку. – Я не хотел этой работы, но будь я проклят, если делаю ее спустя рукава.

Некоторое время Майкл задумчиво смотрел в спину удалявшемуся уборщику, потом снова повернулся ко мне:

– На что это похоже?

– Работа Стража? – спросил я, пожав плечами. – Есть еще четверо Стражей, находящихся, насколько я понимаю, под моим командованием. – Последнее слово я жестом заключил в воздушные кавычки. – В Атланте, Далласе, Нью-Йорке и Бостоне. Но чаще я не мельтешу перед ними и не вмешиваюсь в их работу, а только помогаю, когда нужно. Они ведь совсем еще дети. Выросшие в военных условиях, хотя это не дало им достаточно мозгов, чтобы они не завидовали мне.

Мыш вдруг остановился как вкопанный.

Я тоже. Я не стал крутить головой по сторонам. Вместо этого я внимательно следил за своим псом.

Уши его шевелились, как тарелки радаров. Нос подрагивал. Одна лапа оторвалась от земли, но он не двинулся с места, только неуверенно огляделся по сторонам.

– Лесси уже унюхала бы чего-нибудь, – сказал я ему. – Она дала бы нам ясное, недвусмысленное предупреждение. Один «гав» – бебеки, два – монетоголовые.

Мыш укоризненно покосился на меня, поставил лапу обратно на пол и чихнул.

– Он прав, – тихо заметил Майкл. – За нами следят.

– А когда было иначе? – буркнул я, оглядываясь. Мне не удалось увидеть ничего. Мои идеально настроенные инстинкты магического сыщика тоже ничего не засекали. Терпеть не могу ощущать себя Ханом Соло в мире джедаев. – Это я должен бы считаться джедаем, – буркнул я вслух.

– Что это? – спросил Майкл.

Вокзальные огни погасли. Все до одного. Разом.

Аварийное освещение, которому полагалось бы зажечься немедленно, не сделало этого.

Где-то рядом со мной зашуршало пальто Майкла, и что-то несколько раз щелкнуло. Судя по всему, он пытался включить фонарик, и, видимо, тот не включился.

Это было погано. Магия может вмешиваться в работу техники, но это скорее напоминает действие законов Мёрфи: то, что может ломаться, ломается. Только чаще обычного. Это не ведет себя как по команде. Это не гасит разом обычное освещение, аварийное освещение и карманные фонарики на батарейках.

Я не знал, что может привести к такому.

– Гарри? – спросил Майкл.

Мыш прижался к моей ноге, и я скорее ощутил, чем услышал зарождавшийся у него в груди предостерегающий рык.

– Ты сам это сказал, Чубакка, – шепнул я ему. – Не нравится мне все это.

Глава 23

Начали кричать люди.

Я сорвал с шеи амулет и направил в него усилие воли, которым я обычно заставляю его светиться.

И ничего не произошло.

Я уставился бы на амулет – если бы мог его разглядеть. Я не мог поверить в то, что он не работает. Я встряхнул цепочку, выругался и снова поднял амулет над головой, послав в него новый заряд воли.

Мгновение он плевался бледно-голубыми искрами. И все.

Мыш зарычал громче – так он обычно реагирует, почуяв настоящую опасность. Близкую. Сердце мое подпрыгнуло в груди с такой силой, что едва не пробило нёбо.

– Мне не удастся вызвать свет! – произнес я высоким от волнения голосом.

В темноте рядом со мной подала голос расстегиваемая молния, звонко лязгнул металл – словно прозвучал колокол.

– Отче, – негромко произнес голос Майкла. – Нам нужна Твоя помощь.

Меч засиял белым светом.

С дюжину тварей, припавших к земле в трех или четырех ярдах от нас, разом подняли вой.

Я в жизни не видел ничего похожего на них. Ростом около пяти футов, но мощного, квадратного сложения, с эластичными, словно резиновыми, мускулами. Обликом они напоминали бабуинов – что-то среднее между четверорукими и двуногими, – со зловещего вида когтями, длинными жилистыми хвостами и массивными плечами. У некоторых в лапах – или руках? – имелись примитивные орудия: палицы, каменные топоры и каменные ножи. Обезьяноподобные головы производили впечатление черепов – настолько туго обтягивала кости черная кожа. Непропорционально большие зубы, настолько большие, что впивались в собственные губы, напоминали формой акульки, и...

И у них не было глаз. Совсем не было. Там, где полагалось находиться глазам, виднелась только гладкая черная кожа.

Едва свет, исходивший от меча, упал на них, как они с воплем отпрянули, словно их обожгло огнем, – впрочем, если внезапная вонь паленой плоти может служить индикатором, так оно и было.

– Гарри! – крикнул Майкл.

Эта его интонация мне хорошо знакома: я пригнулся как можно быстрее и ниже – и успел-таки это сделать прежде, чем клинок Аморакиуса просвистел в воздухе, где только что находилась моя голова...

...и на лету рассек одну из этих тварей, уже готовую приземлиться мне на спину.

Тварь рухнула на пол и забилась. Хлынувшая фонтаном из раны кровь горела на воздухе бело-голубым огнем.

Я рывком повернул голову, чтобы взглянуть на Аморакиуса. Кровь шипела на клинке, как жир на горячей сковороде.

Железо.

Эти твари принадлежали к фэйри.

Мне не приходилось видеть их прежде воочию, но я читал их описания – последний раз совсем недавно, когда искал информацию про бебек. С учетом их принадлежности к фэйри ошибки быть просто не могло.

– Хобы! – заорал я Майклу, выхватывая из кармана пальто револьвер. – Это хобы!

После этого у меня уже не осталось времени на комментарии. Пара ближних от нас хобов успела достаточно оправиться от внезапно ударившего в них света и бросилась вперед. Мыш испустил рокошующий боевой рык и столкнулся с одним из них в прыжке. Оба рухнули, образовав клубок мелькающих конечностей и пытаясь ухватить друг друга зубами.

Следующий хоб перепрыгнул их и устремился на меня, замахиваясь зажатым в узловатой лапище каменным ножом. Я увернулся с линии его прыжка и, в свою очередь, замахнулся на него пистолетом. Тяжелый ствол ударил его в безглазую морду, обжигая плоть и кроша зубы. Хоб взвыл от боли и врезался в одного из своих сородичей.

– *In nomine Dei!* – воскликнул Майкл.

Я почувствовал, как его лопатки столкнулись с моими, и свет его тяжелого меча мелькнул в воздухе, вслед за чем послышался смертный вопль еще одного хоба.

Тот, что боролся с Мышом, сумел-таки опрокинуть пса на пол и, оскалив зубы, навалился на него сверху.

Я шагнул к хобу, сунул ему в морду револьвер и несколько раз нажал на спусковой крючок с криком:

– А ну не трожь мою собаку!

Не знаю, что причинило хобу больше ущерба, пули или вспышки выстрелов. Так или иначе, он отпустил Мыша и покатился по полу. Пес вскочил, все еще полный решимости сражаться, и бросился за ним, но я успел ухватить его за ошейник и оттащил назад, пока снова не столкнулся спиной с Майклом.

Хобы отступили в тень, но я все еще слышал их со всех сторон. При всем свете, что исходил от меча Майкла, мне полагалось бы видеть потолок зала, но лучи его высвечивали участок радиусом футов двадцать – достаточно, чтобы не позволять хобам навалиться на нас всей стаей, но не более того.

Я продолжал слышать крики людей, отдававшиеся эхом от стен и сводов вокзала. Где-то в стороне грянули выстрелы – несколько подряд. Стреляли из пистолета меньшего калибра, чем у меня; стрелявший, судя по всему, просто в страхе разрядил обойму в темноту. Адские погремушки, все это угрожало превратиться в бойню, если я не предприиму что-нибудь, причем быстро.

– Нам надо убраться с открытого пространства, – произнес я, размышляя вслух. – Майкл, двигаемся к билетным кассам.

– Вы можете расчистить путь? – спросил Майкл. – Я вас прикрою.

– Ничего не вижу в этой чертовой темноте, – возразил я. – И там люди. Если я начну швыряться энергией вслепую, я могу убить кого-нибудь.

– Тогда держитесь ближе ко мне, – сказал Майкл и двинулся вперед, высоко подняв меч над головой и освещая путь, готовый немедленно рубануть клинком любую тварь, у которой хватило бы глупости ринуться на него.

Мы перешагнули через двух мертвых хобов – по обоим телам бегали языки синего пламени, почти не отбрасывавшего света, но пожиравшего их плоть с прямо-таки ненасытной жадностью. Я услышал цокот когтей по полу и беззвучно вскрикнул.

Майкл повернулся быстро и плавно, и в это же мгновение в круг света выпрыгнул хоб, вооруженный парой каменных топоров. Он метнул один топор в Майкла. Мой друг отбил его на лету лезвием меча и тут же нанес стремительный горизонтальный удар, раздробивший второй топор и рассекший торс твари до самого позвоночника. Охваченный огнем хоб упал, и Майкл ногой отшвырнул его тело в толпу его сородичей. Это смешало их ряды и подарило нам возможность одолеть еще два десятка футов.

– Славно, – заметил я, вглядываясь в колыхавшиеся вокруг нас тени. – И вы говорили, что стареете? На мой взгляд, вы в форме.

Майкл блеснул зубами в короткой улыбке:

– Разговор дает этим тварям возможность при... – Он осекся, и Амораккиус мелькнул у меня прямо перед носом, отбивая пущенный из темноты каменный нож. – Прицелиться, – договорил он.

Чтоб меня с моим болтливым языком... Я заткнулся и молчал весь остаток пути до касс.

Я запустил Майкла за стойку и едва не упал, споткнувшись о фигуру мужчины в сером деловом костюме. Тот сдавленно застонал от боли, сжимая руками окровавленную ногу, из которой торчало узкое каменное лезвие.

– Гарри, – произнес Майкл. – Быстрее. Они вот-вот бросятся.

– Сейчас, – кивнул я и опустился на колени рядом с раненым. – Идемте, дружище, здесь не место рассиживаться. – Я подхватил его под мышки и, пятась, потащил за стойку. – Там где-то сзади есть дверь в служебную зону.

– Отлично, – откликнулся Майкл. – Дверь я смогу удерживать столько, сколько вам понадобится.

Раненый изо всех сил пытался помочь мне, но в результате его только тяжелее стало тащить. Он то и дело всхлипывал от боли и страха. Хорошо еще, нас теперь отделяли от хобов стойка с перегородкой. Мне не слишком хотелось проверять на своей шкуре, на что похож по ощущениям удар каменного топора.

Мы добрались до двери, которая оказалась закрыта. Я подергал ручку, но дверь явно заперли на замок. Мне некогда было возиться с этой ерундой. Я поднял правую руку и разрядил в дверь одно из энергетических колец – у меня их по одному на пальце, и каждое из них тройное. Они аккумулируют энергию, набирая ее по крохе с каждым движением руки, а разрядить ее я могу разом – с достаточной эффективностью.

Так вот, я поднял правую руку, сжав пальцы в кулак, и усилием воли сосредоточил энергию колец на крошечном пятачке дверной поверхности. Вообще-то, кольца не рассчитаны на такую тонкую работу. Их задача – грубо расшвыривать всяких тварей, пока те не прорвались к моему лицу. Однако времени искать какой-нибудь более изящный способ открыть дверь у меня не оставалось.

Поэтому я прицелился как можно точнее, высвободил заряд, и дверная ручка вместе с личинкой замка и накладкой вылетели из двери и лязгнули об пол с той ее стороны. Дверь отворилась.

– Идем! – скомандовал я Майклу, снова подхватив раненого. – Мыш, ты первый.

Пес скользнул в дверной проем, пригнувшись и угрожающе оскалив зубы. Я ввалился следом за ним, буквально наступая ему на хвост, а Майкл, в свою очередь, почти наступал на окровавленную ногу раненого.

Когда сияние Амораккиуса осветило комнату, в которой мы оказались, первой, кого мы увидели, была измученная сотрудница «Амтрака», которую мы видели несколько минут назад. Она стояла на коленях, сжимая в руке распятие, и голова ее покачивалась в ритм лихорадочно повторяемой молитве. Когда луч света упал на нее, она заморгала и подняла взгляд. Белое сияние священного меча окрасило полоски слез у нее на щеках серебром, и она глядела на нас, в радостном потрясении раскрыв рот. Она опустила взгляд на распятие, потом снова посмотрела на Майкла.

Майкл бросил быстрый взгляд по сторонам и улыбнулся ей.

– Конечно, Он здесь. Конечно, Он слышит. – Рыцарь Креста сделал паузу, после чего признал: – Но конечно, Он не всегда отвечает так быстро.

В комнате находились и другие люди – та группа, которой она пыталась выбить гостиничные номера. Когда погас свет и начался ужас, ей каким-то образом удалось собрать их и загнать в эту комнату. Это требует неординарного умения. Еще я заметил, что свою колено-преклоненную позицию она заняла между ними и дверью. Она мне уже нравилась.

– Кэрол, – произнес я достаточно резко, чтобы отвлечь ее внимание от стоявшего в дверях с мечом в руке Майкла. – Кэрол, мне нужно, чтобы вы помогли мне.

Она моргнула, потом порывисто кивнула, встала с коленей и помогла мне перетащить раненого к остальным, сидевшим у дальней стены.

– От-откуда вы знаете мое имя? – пробормотала она. – В-вы кто, ангелы?

Я вздохнул и постучал ногтем по бейджику у нее на блузке.

– Я, черт возьми, точно нет, – сказал я и мотнул головой в сторону Майкла. – Хотя вот он настолько близок к ним, насколько вообще можно встретить.

– Не говорите глупостей, Гарри, – возмутился Майкл. – Я всего ли... – Он осекся и пригнулся.

Что-то тяжелое просвистело в воздухе над его головой и ударило в дальнюю стену, оставив в сухой штукатурке дырку размером с мою голову. Посыпалась пыль, закричали перепуганные люди.

Майкл захлопнул дверь, но без замка она снова отворилась. Он захлопнул ее еще раз и, задыхаясь, привалился к ней плечом. Что-то с тяжелым стуком ударилось в дверь. Потом наступила тишина.

Я разорвал по шву штанину раненого. Нож угодил ему в икру, и вид это имело довольно жуткий, но все могло обернуться и хуже.

– Не трогайте эту штуку, – сказал я Кэрол, – и сделайте так, чтобы он не шевелился. Там рядом серьезные вены, и я не хочу вскрыть их, пытаюсь вытащить ее. Оставайтесь рядом с ним и не давайте ему пытаться выдернуть, идет?

– Я... да, конечно, – кивнула Кэрол. Она посмотрела на меня и поморгала еще немного. – Я не понимаю, что происходит.

– Я тоже, – утешил я ее, поднялся и подошел к Майклу.

– Эти твари заметно сильнее меня, – сообщил он мне шепотом, чтобы нас не слышали остальные. – Если они навалятся на дверь, мне ее не удержать.

– Я не уверен, что они это сделают, – сказал я.

– Но вы здесь.

– Я не думаю, чтобы они охотились здесь за мной, – сказал я. – Если бы это было так, они не гонялись бы за всеми остальными.

Майкл нахмурился:

– Но вы сказали, что это фэйри.

– Так и есть, – кивнул я. – Но я не думаю, что они предприняли точечный удар. Для этого их тут слишком много. Это полномасштабное наступление.

Майкл поморщился.

– Тогда людям там, снаружи, грозит опасность. Им нужна наша помощь.

– И они ее получают, – заявил я. – Послушайте, хобы не переносят света. Никакого света. Он их обжигает и может убить. Поэтому, прежде чем врываться, они напустили сюда мрак.

– Мрак?

– Это такая субстанция из Небывальщины. Что-то вроде целлофанового фильтра, только вместо того, чтобы обертывать источник света, он равномерно распространяется в воздухе. Поэтому мы не видели света от моего амулета, и поэтому же вспышки выстрелов моего револьвера такие тусклые. И таким способом мы выгоним их отсюда.

– Избавимся от мрака, – сообразил Майкл.

– Именно, – подтвердил я.

Я провел рукой по волосам и порывлся в карманах. Нарылось немного. В бездонных карманах моего плаща я таскаю целое собрание компактного чародейского снаряжения, но в карманах зимнего пальто обнаружились только кусок мела, два пакетика кетчупа из «Бургер-кинга» и облепленная пылью и крошками таблетка «Тик-Так».

– Ладно, – вздохнул я. – Дайте подумать минуту.

Что-то ударило в дверь снаружи и сдвинуло тяжелые рабочие ботинки Майкла на добрых восемнадцать дюймов по полу. В образовавшуюся щель просунулась и замахнулась на меня когтистая лапа. Я увернулся от нее. А вот рукав моего пальто не успел. Когти хоба оставили в ткани три аккуратных длинных пореза.

Майкл поднял Амораккиус одной рукой и пронзил его клинком дверное полотно. Хоб с воплем отпрянул. Майкл захлопнул дверь и рывком выдернул из нее меч. Темная кровь шипела на священном клинке.

– Не хочу вас торопить, – невозмутимо произнес он, – но, боюсь, минуты у нас нет.

Глава 24

– Черт подери! – выругался я. – Это мое единственное зимнее пальто!

Я закрыл глаза и постарался сосредоточиться на задаче. Мрак не похож на остальные штучки фэйри. Те только имитируют присутствие и стимулируют восприятия, соответствующие этому присутствию. Мрак – заклятие сложное, в некотором роде физическое, осязаемое, существующее на самом деле, и он продолжает существовать до тех пор, пока у хобов хватает, так сказать, пороха его поддерживать.

С ним может справиться ветер. Достаточно сильный ветер способен просто сдуть мрак прочь – но это должен быть настоящий шторм. Тот маленький ураган, который я призвал, чтобы обуздать громил Торелли, сделает разве что маленький просвет. Возможно, я мог бы устроить что-нибудь более свирепое и обширное, но коротким шквалом с мраком не справиться, а на то, чтобы поддерживать ураган достаточно долго, у меня просто не хватило бы сил.

Я мог бы, наверное, отрезать мрак от хобов. Если бы я сумел порвать эту магическую связь, те не смогли бы подпитывать его энергией, и – пффф! – мрак превратится в безобидную эктоплазму. Но конечно, оборвать ее не так просто. Мне пришлось бы придумать, как добраться до всех и каждого хоба, чтобы сделать это наверняка. Ничего такого, что я мог бы использовать для фокусировки энергии, у меня не имелось, а кроме того, я не имел ни малейшего представления о том, сколько этих тварей на вокзале.

Заряженный энергией магический круг мог бы лишит заклятие силы с другой стороны, изолировав хобов от внешних, находящихся за пределами круга энергетических источников. Однако для этого круг должен был бы охватить все это долбаное здание. Я сомневался, чтобы хобы позволили мне выскочить на улицу и обежать целый городской квартал. Кроме того, у меня просто не хватило бы мела. Движущаяся вода могла бы заземлить заклятие при условии, что ее окажется много, но поскольку мы находились в здании, это исключалось. И как, скажите, мне справиться с этим идиотским заклятием с теми жалкими ресурсами, что имелись в моем распоряжении? Как ни печально, выбор средств не отличался особой широтой.

Мой нос разболелся сильнее, и я запрокинул голову, задрал лицо к потолку. Иногда такая поза уменьшает давление и ненамного унимает боль. Я уставился на потолок – обычный подвесной потолок на высоте десяти или одиннадцати футов от пола, отрезавший помещение от общего, похожего на высокую пещеру пространства старого вокзального зала. Ничего особенного: сетка из металлических профилей, поддерживавших недорогие прямоугольные плитки какого-то акустического материала. С интервалом в несколько ярдов на потолке темнели похожие на маленькое ковбойское стремя спринклеры аварийного пожаротушения.

Мои глаза расширились.

– Ха! – произнес я, вскинув руки. – Ха-ха! Ха-ха-хаха! Я чародей, и я крут!

Мышь с опаской покосился на меня и отодвинулся на шаг-другой.

– И правильно делаешь! – кивнул я, ткнув пальцем в пса. – Ибо я – внушающий ужас носитель огня!

Я поднял правую руку и, прошептав заклинание, засветил над ней крошечный огненный шарик. Он несколько раз дрогнул, разбрызгивая искры, прежде чем разгореться ярче; впрочем, даже так свет от него едва ли превосходил по яркости огонек обычной свечи.

– Гарри? – спросил Майкл голосом, каким обычно обращаются к умалишенным. – Что вы делаете?

Гипсокартонная перегородка рядом с дверью вдруг треснула, посыпалась, и в отверстии показались когти продиравшегося через нее хоба. Майкл отпрянул в сторону, на мгновение отпустив дверь, провел по перегородке большим пальцем, словно прикидывая место для удара,

а потом вонзил Амораккиус в гипсокартон под углом. Снова слышались шипение кипящей на стальном клинке крови и полный боли вопль еще одного хоба.

– Без мрака этим тварям несдобровать, – ответил я. – Кэрол, будьте лапочкой, подкатите сюда вон то кресло.

Кэрол, широко раскрыв глаза, белая как полотно, повиновалась. Она подтолкнула кресло, так что последние шесть футов оно проехало по инерции.

Майкл едва успел подпереть дверь плечом, как в нее попытался прорваться еще один хоб. Этот оказался умнее предыдущих: он не повторил попытки, и когда Амораккиус пронзил деревянное полотно с такой легкостью, словно это была ширма из тонкой рисовой бумаги, тела за дверью уже не оказалось, и клинок вернулся незапятнанным.

– Что бы вы ни задумали, лучше делайте это побыстрее.

– Две минуты, – пообещал я.

Подкатив кресло на нужное место, я залез на него. Секунду-другую я балансировал на вертящейся подушке, потом поймал равновесие и быстро свинтил спринклер. Из трубы хлынула дурно пахнущая вода, но я ожидал этого и почти увернулся от струи. Честно говоря, я не ожидал, что она будет настолько протухшей, хотя мог бы и догадаться. Многие пожарные системы питаются из закрытых цистерн, и одному богу известно, сколько лет эта вода находилась там в ожидании использования.

Я прыгнул с кресла и из-под продолжавшей хлестать струи. Потом достал из кармана мелок, опустился на колени и очертил на дешевом ковровом покрытии большой круг. От меня вовсе не требовалось чертить его идеально ровным, главное, чтобы он был замкнутым, но за свою жизнь я столько их понарисовал, что мало уступал по этой части циркулю.

– П-простите меня, – пробормотала Кэрол. – Ч-что вы делаете?

– Наши милые гости известны как хобы, – объяснил я ей, не прекращая своего занятия и мысленно сообщая мелку часть своей воли. – Свет физически ранит их.

Еще один хоб прорвался-таки через уже изрядно поврежденную перегородку, просунув в комнату голову и плечо. Он взвыл и замахнулся на Майкла, продолжавшего подпирать дверь. Острые когти полоснули Майкла по бедру, но ответный взмах Амораккиуса снес хобу голову. Черная дымящаяся кровь брызнула в комнату, и несколько ее капель едва не попали в мой круг.

– Эй! – возмутился я. – Я тут работаю!

– Извините, – отозвался Майкл без тени сарказма.

Очередной хоб врезался в дверь прежде, чем он успел вернуться к ней, разом отодвинув его на несколько шагов. Майкл успел увернуться от тяжелой палицы, полоснул хоба по животу мечом, ударом ноги вышвырнул того назад, в толпу его приятелей, и снова захлопнул дверь.

– Н-но здесь темно, – пробормотала Кэрол, переводя взгляд с меня на Майкла и обратно.

– Они напустили в воздух некой штуки под названием «мрак». Это вроде дымовой завесы. Мрак не дает свету ранить хобов, – объяснил я, дочертил круг и усилием воли замкнул его.

Невидимая стена энергии отгородила меня от любой внешней магии, лишив внешней подпитки и ту часть мрака, которая оказалась в круге, и она разом превратилась в слизистую эктоплазму, покрывшую тонким слоем все – в первую очередь меня.

– Супер, – пробормотал я, протирая глаза.

– Ит-так, – не унималась Кэрол. – Ч-то вы все-таки делаете?

– Собираюсь убрать эту их дымовую завесу.

Взяв головку спринклера в правую руку, я закрыл глаза, сосредотачиваясь на ней – на ее фактуре, форме, устройстве. Добившись более-менее приемлемого результата, я принялся накачивать в этот мысленный образ энергию, окружив его аурой бело-голубого света, из которой расходились десятки тоненьких щупалец. Когда эта аура сомкнулась вокруг спринклера, я переложил его в левую руку, а правую снова вытянул вперед.

– Н-но у нас нет света?

– О, свет у нас есть, – возразил я.

Я пробормотал заклинание, и над правой рукой снова возник шарик солнечного света. В свободном от мрака пространстве круга он не уступал яркостью и жаром обычному, однако за пределами проведенной мелом черты свет его распространялся на футов пять-шесть, не больше.

– О боже мой! – выдохнула Кэрол.

– На самом-то деле нормальный свет тоже горит – просто лучи его блокированы. Электричества мрак не выключал. Например, вон те компьютеры включены – просто мрак не позволяет вам видеть свет индикаторов и экранов.

– Гарри! – окликнул Майкл.

– Будете торопить творца чудес – получите халтурные чудеса! – раздраженно отозвался я. Оставшаяся часть заклęcia обещала стать сложнее.

– К-как вы это делаете? – выдохнула Кэрол.

– Магия, – буркнул я. – А теперь цыц.

На левой руке я почти всегда ношу перчатку, которая хоть как-то защищает мою обожженную кожу. Тем не менее приятных ощущений мне это не обещало.

– Ignus, infusiarus, – пробормотал я и сунул плавкую вставку спринклера в паривший над моей правой рукой огонь.

– Но как это нам поможет? – поинтересовалась Кэрол, в которой страх боролся с любопытством.

– Здесь до сих пор есть электричество, – сказал я. Возможно, запах паленой кожи мне только мерещился. – Здесь есть компьютеры. И телефоны.

– Гарри! – произнес Майкл, глядя на потолок. – Они лезут на стену. Собираются прорваться через потолок.

Я начал ощущать жар – даже поврежденными нервами левой ладони. Что ж, придется потерпеть. Я еще сильнее сконцентрировал волю, поднял спринклер и огненный шар на уровень лица и как можно яснее представил себе то, что мне нужно: тонкие щупальца энергии, тянущиеся от окружавшей форсунку разбрызгивателя ауры ко всем спринклерам в здании.

– И спринклеры здесь тоже действуют.

Движением ноги я разорвал круг, и энергия ринулась из него, устремившись ко всем предметам на вокзале, напоминая спринклер у меня в руке. Вместе с ней выплеснулся из круга и устремился во все стороны жар, и я добавил еще энергии в горевший у меня над рукой шар, которому теперь пришлось греть не один, а несколько десятков спринклеров.

Потребовалось, должно быть, секунд десять, пока не сработали пожарные датчики. Гулко звывла сирена, и спринклерная система ожила. Послышались негромкие крики людей – на этот раз удивленные, и где-то на станции зазвучал сигнал экстренной помощи. Из стоявших на столе телефонов и компьютеров посыпались искры.

– Ах да, – поправился я. – Компьютеры здесь больше не работают. Но все остальное остается в силе.

Майкл посмотрел на меня и блеснул зубами в свирепой улыбке.

– Когда?

Я продолжал пристально смотреть на мой крошечный клубок солнечного света. Из спринклерных форсунок хлестала вода. С полминуты не происходило ничего, если не считать того, что мы промокли. Даже удивительно, как много воды вылилось на нас – я хочу сказать, удивительно в самом положительном смысле. Я хотел как можно больше воды.

Где-то в районе шестидесятой секунды мое заклятие начало слабеть: его энергия подавалась под напором потоков воды.

– Еще чуть-чуть, – сказал я. – Приготовились...

На рубеже второй и третьей минуты заклятие окончательно рухнуло, оборвав связь с остальными спринклерами. Огонек над моей ладонью мигнул и погас.

– Майкл! – сказал я. – Пошли!

Майкл крикнул и рывком распахнул дверь. Прежде чем он успел шагнуть за порог, пронизывавшая воздух энергия с негромким хлопком исчезла, и священный клинок вспыхнул так ярко, что на него стало больно смотреть.

Стоило сиянию Амораккиуса выплеснуться через дверь в зал, как десятки, если не сотни хобов разом взвыли от боли. Они голосили так громко, что я буквально ощущал давление их воплей на мои барабанные перепонки, как это бывает на по-настоящему громком рок-концерте.

Но еще громче гремел голос Майкла Карпентера, Рыцаря Креста, земного воплощения ангельской силы, носителя клинка, некогда принадлежавшего сквайру по имени Варт.

– *Lava quod est sordium!* – провозгласил Майкл так зычно, что не верилось, что такой рев может исходить из человеческой глотки. – *In nomine Dei, sana quod est saucium!*

Только когда меч покинул комнату, я увидел, что свет в помещении горит как ни в чем не бывало – равно как и по всему вокзалу.

– Мыш! – приказал я. – Остаешься здесь! Стереги раненых!

Я поспешил за Майклом, оглянувшись на бегу. Мыш рванулся вперед и встал между дверью и кучкой перепуганных людей, высоко подняв голову и широко расставив лапы – попробуй сунься.

В зале спринклеры устроили вполне внушительную имитацию вонючего тропического муссона. Не успев отойти от двери на несколько шагов, я поскользнулся в луже воды и горячей хобовой крови. Меч сиял так ярко, что мне пришлось прикрыть глаза рукой. Смотреть на Майкла или даже куда-либо рядом с ним я не мог, поэтому ориентировался по оставленным им за собой разрубленным телам хобов.

Десяток или полтора хобов нашли смерть от Майклова меча.

Им здорово повезло.

Многие другие – в поле моего зрения попало несколько десятков, но я наверняка видел далеко не всех – рухнули слишком далеко от Майкла, чтобы он достал их мечом. Они превратились в съежившиеся комки плоти, от которых шел жирный дым. Некоторые из них, сгорая, еще продолжали трепыхаться.

Адские погремушки!

Врагу не пожелаешь, правда.

Я следовал за Майклом, старательно избегая смотреть на меч. Должно быть, если в здании имелись спринклеры, отличные от того, который я использовал в своем заклятии, оно могло и не заставить их сработать. И если Майкл попадет в зону мрака, хобы, имеющие там хоть какую-то защиту от света, могли навалиться на него всем скопом.

Однако – возможно, по везению, а может, такова была судьба или воля Божья, а скорее всего, экономный подрядчик – все спринклеры в здании, похоже, оказались одного типа. Вода лилась отовсюду, смывая мрак, словно слой грязи, и замещая его тысячами тысяч крохотных радуг – так преломлялся в искусственном ливне свет Амораккиуса.

Спрятаться хобам было негде.

Я шел, ориентируясь по останкам порубленных врагов. Порубанных? Порубатых? Не смотрите на меня так. Я институтов не кончал. Возможно, правильное использование производных от глагола «рубить» проходят в институте. В моем экзаменационном билете этого слова точно не было.

Я остановился и, насколько позволяли ослепительное сияние меча и непрекращающийся дождь с потолка, огляделся по сторонам, пытаясь понять, куда направляется Майкл.

Странная короткая вибрация передалась мне через подошвы башмаков. Потом последовал тяжелый удар, сопровождаемый такой же вибрацией. Я резко повернулся в сторону входной двери – и в это мгновение она разлетелась вместе с изрядной частью кирпичной стены. В образовавшемся проеме не было видно ничего, кроме слабого мерцания, но стоило тому, кто скрывался за завесой, оказаться на свету Амораккиуса и под моим импровизированным тропическим ливнем, как заклятие дрогнуло и исчезло.

Из-за завесы показались двадцать футов роста и четыре или пять тонн веса Большого Братца Бебеки.

На этот раз он облачился в броню из прозрачного, напоминающего хрусталь материала, и меч в его руке был длиннее моей машины. Он открыл пасть, и я почувствовал его боевой рык – именно не услышал сквозь какофонию боя, а почувствовал кожей звук, столь низкий и громкий, что издать его мог, наверное, только кит.

– О да, – буркнул я. – Денек становится с каждой минутой все веселее и веселее.

Глава 25

Любой, обладающий хоть каплей мозгов, знает, что драться с кем-либо, имеющим значительное преимущество в росте, весе и оружии, нелегко. Если ваш противник тяжелее вас на пятьдесят фунтов, шансы на победу у вас, мягко говоря, сомнительны.

Если ваш соперник тяжелее вас на восемь тысяч пятьдесят фунтов, это уже не бой, а сцена из «Годзиллы». Или из мультика про Тома и Джерри.

Мое тело уже пришло в движение, очевидно решив, что дожидаться, пока мой мозг разберется в ситуации, опасно для жизни. Мозг думал, что ситуацию точнее всего можно сравнить с игрой в кошки-мышки. В то время как я превосходил соперника в ловкости, на прямой бебека наверняка развивал гораздо большую скорость, чем я. С точки зрения чистой физики у меня почти не было шансов нанести ему серьезный ущерб, тогда как даже дружеский хлопок его лапицы сокрушил бы мне грудную клетку – вот вам еще одно сходство.

На телеэкране побеждает Джерри, но в реальной жизни Том редко оказался бы в положении побежденного. Что-то я не припомню, чтобы Мистер хоть раз явился домой, зализывая полученные от мышей раны. Если уж на то пошло, он почти никогда не возвращался со своих прогулок голодным. Игра в кошки-мышки доставляет удовольствие только кошке.

Тем временем мое тело метнулось в сторону, заставляя преследовавшего меня Крошку сделать поворот, снизив скорость и подарив мне драгоценную секунду, а может, даже три – время, достаточное, чтобы со всех ног броситься к участку пола, обозначенному с двух сторон желтыми предупредительными барьерами: здесь Джо-уборщик покрывал пол мастикой. Я пулей пересек влажную, скользкую полосу, молясь на бегу, чтобы не поскользнуться. Если бы я упал, бебеке достаточно было бы раз топнуть, чтобы его огромное копыто разрежало меня пополам.

Однако подобные ножищи плохо приспособлены к скользкой поверхности. Стоило мне пересечь покрытую мастикой полосу, как я метнулся влево так резко, как только мог. Крошка попытался срезать угол и поскользнулся.

Само по себе это не великое событие. Вам наверняка случалось падать на бегу. Ободранная коленка или две, возможно, еще расквашенные локти – редко дело заканчивается чем-нибудь более серьезным, вроде растяжения или вывиха.

Но это при вашем весе. Помножьте его на габариты Крошки, и падение обернется совершенно другими результатами, особенно если произошло на большой скорости. Это, кстати, одна из причин, по которым слоны практически не бегают – они не способны отрывать вес своего тела от земли при галопе. Если бы они падали, это приводило бы к серьезным травмам, и, судя по всему, природа давно отбраковала всех слонов, что бегали наперегонки с ветром. Помножьте вес на скорость, и в результате вы получите усилия, достаточные для того, чтобы сломать даже толстые кости – или причинить другие плохо совместимые с жизнью повреждения.

Крошка весил раза в два больше среднестатистического слона.

Пять тонн мяса и костей грянулись об пол. Он упал набок – крепко приложившись – и заскользил по инерции дальше, напоминая в этот момент скорее товарный состав, а не живое существо. Продолжая скольжение, он врезался в киоск агентства по прокату автомобилей и разнес его в щепки, почти не потеряв при этом скорости.

Крошка пытался затормозить, цепляясь за пол огромными желтыми когтями одной лапицы, но не добился ничего, если не считать завитков содранной мастики. Так он и пролетел мимо меня.

Я затормозил и прикинул, в какой именно точке инерция, тащившая Крошку по прямой, иссякнет. Потом снова напряг волю для заклинания.

Под каскадами воды это оказалось на порядок труднее обычного, но я справился. В конце концов, когда дело доходит до намеренной порчи современной техники, мне нет равных. У меня к этому, можно сказать, особый талант.

Я сконцентрировался на лампах, освещавших ту часть здания, куда скользил Крошка, и произнес:

– Nexus!

Некоторые из них буквально взорвались, рассыпав фонтаны золотых искр. Другие только задымались с негромкими хлопками – но погасли все до одной.

Майкл к этому времени далеко опередил меня, выйдя на перроны, и вокзальные стены отгораживали нас с Крошкой от света Аморакиуса. Когда я лишил это место и электрического света, здесь образовалось не очень большое, но достаточно темное пятно.

Внезапный островок темноты притягивал хобов, как пададь – мух. Обожженные, перепуганные, разъяренные хобы, чья ночь пиршества вдруг превратилась в ослепительный кошмар, не имели глаз, но дорогу к спасительной темноте находили без особого труда. Десятка полтора хобов собралось туда у меня на глазах, а один проскочил от меня всего в паре футов, не сбавив хода и даже, похоже, не заметив моего присутствия.

Секундой спустя взревел Крошка, и голос его слился с мстительным хором злобных хобовских воплей.

– Ну что? – выдохнул я. – Теперь ты уже не больше всех, а?

Впрочем, как выяснилось, Крошка пока оставался в этих краях самым большим.

Из темноты вылетел смятый хоб и шмякнулся на пол футах в двадцати от меня. Сказав «смятый», я не имел в виду, что он превратился в тряпичную куклу. Его действительно смяли, сплющили, как пустую банку из-под пива. Огромная Крошкина лапища схватила его, стиснула с силой, выдавившей из него все жидкие составляющие организма, и отшвырнула прочь.

В темноте блеснула вспышка – длинная цепочка искр, словно тащили вдоль длинной стальной полосы кремь, а потом клинок Крошкина меча вдруг окутался неярким голубым огнем. Свечение померкло под потоками падающей с потолка воды, но и оставшегося света хватало, чтобы разглядеть происходящее.

Хобы обезумели от ненависти.

Если подумать, то по-другому и быть не могло. Миньоны Лета и их зимние соперники неважно уживаются друг с другом. К тому же жители Феерии ведут себя не так, как люди. Их природа более дикая, более непосредственная. Они такие, какие есть. Хищники, не колеблясь, набрасываются на упавшую, уязвимую добычу. Зимние фэйри ненавидят бойцов Летних. Хобы в том числе.

Некоторые из них набросились на голову Крошке, остальные просто принялись кромсать что попало своими примитивными орудиями, когтями и акульными зубами. В этом месиво Крошкины доспехи неплохо послужили ему, прикрывая наиболее уязвимые места. Хобы начали подбираться к его горлу, и тогда бебека начал раскачивать головой взад-вперед. На мгновение мне показалось, что он ударился в панику, но тут он попал-таки по одному из хобов с такой силой, что рог разmozжил тому череп. Меч точными движениями метнулся вправо-влево, и с полдюжины хобов разом повалились на пол, дымясь.

Остальные с перепуганными воплями отпрянули от него – даже упавший, бебека оказался им не по зубам. Крошка перекатился на четвереньки и начал подниматься; хотя на его морде застыла гримаса боли, взгляд его нечеловеческих глаз шарил по сторонам, пока не уперся в меня.

Вот дерьмо.

Я не стал дожидаться, пока он встанет и прикончит меня. Я бросился наутек.

Надо же было так вляпаться – без плаща, без посоха! Ради всего святого, о чем я только думал? Что я так здорово перехитрил Летних, что мои постоянные магические подспорья мне

не понадобятся? Что жизнь пресна без приключений? Глупо, Гарри. Глупо, глупо! Я поклялся, что, если выберусь из этой передряги живым, сделаю муляжи своей амуниции на случай, если Томасу снова придется изображать подсадного меня.

Пол под ногами содрогнулся – Крошка возобновил погоню.

Путей к отступлению у меня оставалось негусто. Справа от меня тянулась наружная стена здания – и бежать на улицу, в глубокий снег, я не мог. Мне как-то очень живо представилось, как я увязаю в сугробе по пояс, а Крошка без малейшего усилия плющит меня своим копытищем. Впереди маячил еще один пустой коридор, упирившийся в такую же стену, а по левую руку не было видно ничего, кроме бесконечных рядов... автоматических камер хранения.

Несясь под искусственным дождем, я принялся рыться в кармане, одновременно стараясь разглядеть номера ячеек. Найдя нужный номер, я выхватил из кармана врученный мне Гард ключ, затормозил на скользком от воды полу и лихорадочно сунул ключ в скважину, оглядываясь на Крошку – тот хромая, но все-таки бегом одолевал последний десяток разделявших нас ярдов.

У меня имелся только один шанс, и использовать его я должен был наверняка. Я поднял правую руку, прицелился в раненую ногу бебеки ближе к копыту и, дождавшись, пока он перенесет на нее вес своего тела, разрядил разом все кольца на пальцах. Вихрь невидимой энергии, вырвавшись из колец, ударил в него с силой разгоняющейся машины.

Бебека снова рухнул на мокрый пол и с возмущенным ревом покатился вперед. Падая, он выпустил свой меч и потянулся ко мне обеими лапищами.

В самое последнее мгновение я отскочил назад, распахнув дверцу ячейки.

Единственное подходящее описание, которое я могу найти тому, что произошло, – это удар молнии. Но конечно, это была не настоящая молния. Настоящая молния не обладает и половиной той дикой, свирепой энергии, как эта... штука, и до меня вдруг дошло, что эта энергия, вне зависимости от ее характера, живая. Раскаленный добела, со зловещими красными прожилками, поток вырвался из ячейки сотней разъяренных змей, извиваясь с невероятной скоростью. Эта живая молния врезалась в Крошку, прорезав его хрустальные доспехи как воск. С пронзительным жужжащим звуком, какого я еще в жизни не слышал, она обожгла и вспорола его плоть длинной линией от плеча до раненой ноги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.